Павел Иевлев

РЕФЕРЕНС

Часть первая

КАРАНДАШ И УГОЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ре́ференс (англ. reference — справка, сноска) — вспомогательное изображение: рисунок или фотография, которые художник изучает перед работой, чтобы точнее передать детали.

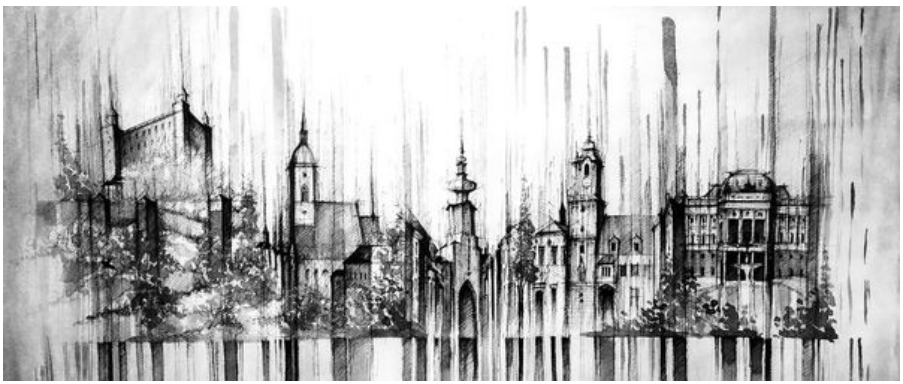
___

Любой рисунок – автопортрет. Тщательно выбирайте референсы!

- РЕФЕРЕНС. Часть первая: "Карандаш и уголь"
  - Глава 1. Человек человеку прыщ
  - Глава 2. Мануальная терапия
  - Глава 3. Дорожные зарисовки
  - Глава 4. Лица ваших масок
  - Глава 5. Гендерная валидация
  - Глава 6. Медицинский ультиматум
  - Глава 7. Генетический дрейф
  - Глава 8. Экзосимбионт
  - Глава 9. Принцесса киберпанка
  - Глава 10. Эликсир жизни
  - Глава 11. Положительная динамика
  - Глава 12. Между жизнью и властью
  - Глава 13. Удар с воздуха

РЕФЕРЕНС. Часть первая: "Карандаш и уголь"

Глава 1. Человек человеку прыщ



Девочка-девушка, барышня лет семнадцати, остановилась у крыльца, задумчиво оглядываясь. Три ступеньки к скромной, но приличной двери, расположившейся между парадных подъездов большого доходного дома. В таких цокольных помещениях чаще всего размещаются мелкие коммерческие арендаторы. Крошечные ароматные магазинчики «колониальных товаров»: кофе, чая, приправ, курительных смесей разной степени безобидности. Лавочки популярной в этом сезоне оккультной дребедени — хрустальных шаров и гадательных карт, обычно в комплекте с операторами оной, готовыми предсказать судьбу любым способом, который клиент не против оплатить. Букинистические обменники, где можно взять для чтения новую книгу, сдав старую и заплатив пару монет владельцу, — как правило, это пожилой сварливый иудей с седыми пейсами из-под шляпы и сильными очками на горбатом носу. (Такое впечатление, что в этих микробиблиотечках не только книги, но и владельцы изданы одним большим тиражом). Кабинеты провизоров, где сидят люди, обладающие редким даром извлекать информацию из каракулей на рецептах, чтобы смешать на ее основе свои загадочные порошки.

Нередки среди арендаторов и «телесные практики» — зубные техники, маникюрщики, куаферы, выправители кармы, диетологи, мускулотренеры и прочий околомедицинский бизнес, не требующий по городскому укладу врачебной лицензии. Некоторые из них, говорят, даже не совсем жулики. Но это не точно.

Дверь, возле которой остановилась барышня, ведет как раз в заведение этой категории. Скромная табличка рядом с дверью

гласит: «Косметические услуги для юных. Избавление от кожных дефектов переходного возраста электричеством. Гарантия. Оплата по результату».

Барышня вполне симпатичная и не выглядит остро нуждающейся в косметических услугах. Волосы с рыжиной, ухоженная, хорошо одетая, с лицом неглупым и интересным и некоторой шальной искоркой в глазах, каковая, впрочем, вполне свойственна возрасту.

Она решительно поднялась по ступенькам и вдавила бронзовую головку дверного звонка. Внутри коротко брякнуло. «Заходите, свободно!» — отозвался мужской голос.

Девушка решительно толкнула дверь и вошла.

***

— Привет, Алиана, — поздоровался я с некоторым удивлением. На сегодня записи не было, и я рассчитывал провести день в приятной праздности.

— Здравствуйте, Михл, — вежливо присела девушка. Отчества здесь есть, но обращаться по ним не принято, и мое имя «Михаил» все упорно сокращают до привычного местным «Михла».

— Неужели снова? Насколько я помню, лечение прошло весьма успешно.

— Совсем крошечный прыщик! — улыбнулась девушка. — Ерунда. Помню, вы предупреждали…

— Да, у тебя высокий гормональный баланс, это пройдет само. Но, если хочешь, можем повторить сеанс. Бесплатно, по гарантии.

— Ну что вы, Михл! Я могу заплатить! Вы, кажется, единственный, чье лечение работает. Мои подруги обращались к другим электротерапевтам — только хуже стало!

— Увы, не все мои коллеги одинаково добросовестны… — очень сильно приукрасил ситуацию я.

Мода на «лечение электричеством», захлестнувшая в прошлом году город, породила толпы откровенных шарлатанов, спешивших заработать. Любое устройство с проводами и лампочкой выдавалось за чудодейственный агрегат, избавляющий от хворей. К счастью, городской уклад на этот счет строг, лечить что-то серьезное без лицензии нельзя, но косметология под лицензирование не подпадает, и жуликам раздолье. Я, признаться, тоже не вполне честен с клиентами, но я не беру денег, если нет результата. А он есть.

— Вы мне так помогли, Михл! — щебечет Алиана, устраиваясь в кресле. — Эти прыщи были проклятием моей жизни! Отчим терпеть не может прыщи…

— Поздравляю, — кивнул я, опуская к ее щекам катушки аппарата. — Ну, где твой прыщ?

— Вот же он! Смотрите ближе! Еще ближе! Вот, рядом с носом…

Я наклонился к ее лицу и действительно разглядел крошечный прыщик рядом с крылом носа. Даже не прыщ, а закрытый комедон без признаков воспаления. Говорить не о чем.

— Это не требует отдельного сеанса… — начал я, но Алиана внезапно обхватила мою шею руками, притянула к себе и попыталась поцеловать.

Я растерялся, и вышло неловко — девушка чмокнула меня в угол рта прежде, чем я отстранился.

— Что за глупости, юная леди? Я тебе в отцы гожусь. Плохая идея для такой молодой барышни — приставать к старикам. Ради этого ты сегодня пришла?

— Нет. Включайте свою машину!

— Тебе не нужен сеанс.

— Я же сказала, что заплачу! Вам что, жалко?

— Нет, не жалко, — я включил установку, она загудела катушками и заморгала лампами. — Вреда от лишнего сеанса не будет.

— Жаль, что вы не соглашаетесь свести веснушки… — вздохнула Алиана.

— Я уже объяснял, что это не болезнь, а особенность твоей кожи. Чтобы убрать веснушки, потребовалось бы очень глубокое вмешательство в биохимию организма и даже его генетику. Фиомеланин, который вызывает появление веснушек, регулируется геном эм цэ один эр…

— Хватит, хватит, я поняла, что вы почему-то не хотите. Может, вам просто нравятся женщины с веснушками? Кстати, они у меня не только на лице…

— Не вздумай демонстрировать, — строго сказал я. — Не знаю, что на тебя сегодня нашло, но давай считать, что ничего не было, ладно?

— Как скажете, Михл. Как скажете. А вы закончили мой портрет?

— Почти.

— Тогда я не зря пришла. Заканчивайте!

Алиана откинулась на подголовник кресла, позируя, а я со вздохом достал блокнот. Я довольно слабый художник, если честно. Фотография здесь недалеко ушла от примитивной дагерротипии, портретистов в городе полно, и почти все они лучше меня. В моем случае процесс важнее результата. Но я стараюсь, пытаюсь передать ту сумасшедшинку, которую вижу в

глазах у этой девчонки.

Ее устойчивый интерес ко мне слегка пугает, с пациентами всегда есть вероятность импринтинга. Подростки идут регулярным потоком, обеспечивая заработок, покрывающий мои более чем скромные потребности. Разовые визиты — пришли, отсидели сеанс, дождались результата, оплатили. Алиана же стала приходить регулярно. У нее действительно проблемная кожа — тонкая, светочувствительная, склонная к воспалениям, а также высокий гормональный уровень, что способствует гиперсекреции. Однако двух сеансов было достаточно — проблема ушла. В отличие от Алианы, которая возвращается снова и снова. Сидит, болтает, требует, чтобы я ее рисовал. Я далек от того, чтобы вообразить романтические мотивы. Этой весьма неглупой, наблюдательной и сообразительной юной леди от меня что-то очень нужно. Как бы не раскопала чего-нибудь лишнего…

— Скажите, Михл, — спросила Алиана, расслабившись в кресле, — вы же недавно в городе?

— Пара лет, — ответил я коротко, пытаясь передать на бумаге бедовый прищур ее глаз.

— А где жили до этого?

— В другом месте.

— Не скажете? — надула губки девушка. — Вы такой загадочный… Это та-а-ак интересно!

— Ничего интересного, барышня. Я весьма скучный человек. Прыщи, угри, диатез, аллергические высыпания. Сложно придумать что-то менее романтическое.

— Вы лукавите, Михл! В вас довольно много необычного.

— И что же это? — буркнул я, безуспешно сражаясь с растушевкой. Она мне плохо дается, все время выходит какая-то грязь.

— Вы появились неизвестно откуда. У вас странное имя. Вы медик, но разбираетесь в этой новой штуке, электричестве — ведь вы сами сделали свой аппарат, да?

— Да, — слегка напрягся я. — Сам.

— Отчим говорит, что все электротерапевты — жулики. Их устройства ничего не делают, только моргают лампами! Но ваш — действительно помогает. Я спрашивала у подруг — никто не вылечивает прыщи за три дня. Да что там — их вообще никто не вылечивает так, как вы — чтобы не осталось следов, и не возникали снова.

— Не всем же быть жуликами, — пожал плечами я.

— Вы не только инженер, но и врач. Вы серьезно разбираетесь в медицине, но почему-то не хотите получить лицензию. Вы бы

зарабатывали в десять раз больше!

— Я не врач. Лечение прыщей не требует лицензии. Мне хватает денег.

— Вы больше врач, чем любой из виденных мной врачей. Уверена, вы бы без труда выдержали экзамен на лицензию.

— Мне это не нужно.

Еще чего не хватало. Для получения лицензии нужно предоставить сведения о происхождении, образовании, месте рождения, местах предыдущего проживания, рекомендации и прочее. Я этого сделать по ряду причин не могу.

— А вы говорите, в вас нет ничего необычного! — засмеялась Алиана. — Всем нужно, а вам нет. Все хотят больше денег, а вы не желаете расширять практику. Вы даже спите в задней комнате за кабинетом и не обзаводитесь квартирой.

— Тут достаточно места для одного.

— Именно! Вы еще не старый мужчина, но живете один и ни с кем не встречаетесь.

— Откуда тебе знать? — отмахнулся я.

— Это всегда видно. И еще — у вас до сих пор след от кольца на пальце. Вы не носите его, но, раз след еще виден, носили много лет. Что случилось с вашей семьей, Михл? Точнее, Ми-ха-ил. Я правильно произнесла?

— Правильно. Но я не хочу обсуждать с тобой свою биографию, Алиана. Ни с кем не хочу. Твой сеанс окончен.

— А портрет?

— Смотри, — я подал ей скетчбук.

На мой взгляд, вышло довольно похоже. Учитывая мои довольно скромные изобразительные таланты, так даже и хорошо.

— Перенесете на холст? — спросила Алиана после долгой паузы. — Я заплачу.

— Я не умею рисовать маслом.

Девушка принялась листать скетчбук. Наброски улиц города, безыскусные пейзажики, совсем слабые натюрморты, но больше всего портретов. Мои клиенты — преимущественно юные девы, не возражающие против запечатления себя. Все равно полчаса в кресле сидеть. Парни ко мне ходят куда реже, хотя прыщи у них бывают гораздо чаще. Предрассудок «косметолог не для мальчиков» силен в здешнем довольно патриархальном обществе.

— Вы хорошо рисуете, — отметила она, долистав до конца.

— Не особенно, — сказал я честно. — Просто блажь.

Меня несколько напрягло, как внимательно она рассматривает типографскую печать, сшивку пружиной, выходные данные и штрих-код на задней обложке. Здесь такого не делают. Этот скетчбук я привез в город с собой. Девица весьма наблюдательная.

Никак не прокомментировав увиденное, вернула блокнот мне.

Брякнул дверной звонок.

— Вы кого-то ждете? — спросила Алиана.

— Нет. Но я и тебя не ждал. Видимо, день такой. Входите! — крикнул я в сторону двери.

В прихожей затопали грубые ботинки, пол заскрипел. Это явно не очередная трепетная девица, угнетенная прыщом на носу.

— Хей, Док! Ты тут?

О черт. Вот кого я совсем не ожидал увидеть.

— Я вхожу! — предупредил хриплый бас. — Если у тебя там

пациентки в неглиже, прикрой их неглижу простынкой.

— Я пойду, пожалуй, — сказала Алиана. — Спасибо за сеанс и портрет. Оставлю деньги на столике.

В дверях она столкнулась со здоровенным плечистым мужиком, широким настолько, что им пришлось расходиться в коридоре боком.

— Здрасте, мамзель, — пробасил он. — Извините, что меня много.

— Здравствуйте, — она притормозила и оглядела гостя, как оглядывают горный массив. — Я Алиана.

— А я Сергей Андреевич, позывной Слон. Потому что я большой, добрый и с хоботом.

— Как интересно, — сказала девушка. Кажется, ей хотелось задержаться, но, под моим пристальным взглядом, она все-таки покинула помещение, так и не задав вопрос, где у Слона хобот. И хорошо, потому что ответ не для юных барышень.

— Здесь не представляются по имени-отчеству, — сказал я недовольно.

— Да насрать, — отмахнулся Слон. — Сука, еле нашел тебя, Док. Прыщи, серьезно?

— Прыщи — это важно.

— Реально, Док? Я искал тебя по понтовым клиникам и объявлениям «Вылечу рак недорого». И там, и там одни жулики, кстати. Но, сука, прыщи?

— Почему нет?

— Потому что однажды ты на моих глазах вытащил с того света человека с простреленным сердцем!

— Ты преувеличиваешь. Она не была на том свете, и сердце не было прострелено. Слегка зацепило перикард. Я не оживляю мертвых.

— Но, блин, прыщи!

— Для всего остального нужна лицензия. Кроме того, это несложно, энергетически незатратно и, главное, этически безупречно. Я делаю юных девушек красивее, практически не влияя при этом на Мироздание. Прыщи у них и так бы прошли через годик-другой, я лишь чуть ускоряю. Минимум воздействия, минимум отката, легкие деньги, ноль ответственности. В отличие от возвращения в строй тех, кому раненое сердце мешало убивать дальше.

— Их стоило убить, Док, ты сам знаешь.

— Нас тоже стоило, Слон. Так зачем ты меня искал?

Но он не спешит отвечать. Ходит туда-сюда по кабинету, рассматривая поддельные дипломы и настоящие благодарности, полистал отставленный на столе скетчбук, похмыкал

одобрительно. С интересом оглядел аппарат электротерапии.

— И что делает эта хрень?

— Жужжит. Светится. Слегка греет щеки. Мне не нужно оборудование, но люди любят антураж.

— И покупаются на это?

— Здесь электричество пока в новинку. От него ждут чудес, — пожал плечами я.

— И как, прилично зарабатываешь? Забогател?

— Нет. Я беру недорого. Прыщи — не рак, не проказа и не черная лихорадка. Зато и не напрягаюсь. Еда дешевая, аренда терпимая, семьи у меня теперь нет. Зачем мне деньги?

— И никого себе не нашел? Девочка от тебя выскочила симпатичная.

— Я старше ее втрое. А большинство моих клиенток еще младше. Не все думают хоботом, Слон.

— А какая-нибудь бодрая вдовушка? При твоих талантах ты вполне сможешь скрутить ей пробег, если ты понимаешь, о чем я.

— Я понимаю, о чем ты. Я не понимаю, зачем ты.

Слон засопел, снова прошелся туда-сюда, бесцельно трогая корешки книг и безделушки. Провел пальцем по полке, посмотрел на обнаруженную пыль, поморщился. Я терпеливо жду. Наконец,

снесся.

— Ты нам нужен, Док.

— Наймите медика. Пусть вас штопает.

— Медик у нас есть.

— Два года как-то обходились? Вот и дальше продолжайте в том же духе.

— Ситуация требует твоего таланта.

— Я не хочу. И не могу. Цена слишком высокая.

— Не простил себя?

— Блядь, даже не начинай, Слон.

— Молчу-молчу. Твое дело. Слушай, я все понимаю, а чего не понимаю — мне пофиг. Каждый имеет право на свои закидоны. Например, затравить себя нахрен тем, что ошибочно принял за совесть. Твое право, Док.

— Мое, — кивнул я. — Дверь вон там, если ты успел забыть.

— Погодь, дослушай. Я не зову тебя на контракт. Не, если ты захочешь, вакансия найдется, даже на двойной офицерский оклад… — он поймал мой взгляд и сразу переключился. — Но если не хочешь, то и не надо. Просто разовая задача.

— Не интересно.

— Разумеется, давить прыщи малолеткам интереснее!

— Я их не давлю… Впрочем, ты просто пытаешься меня зачем-то разозлить, да?

— Надеюсь достучаться до критического мышления.

— Не сработает. Иди, воюй дальше. Без меня.

— Ты можешь меня просто выслушать? Ты ведь все равно ничем не занят.

— Ладно, говори и проваливай.

— Совершенно мирный контракт. Это даже работой не назвать: работают ученые, работают дипломаты, а мы просто плюем в потолок за хорошие деньги. Смотрим, чтобы их никто не обидел, конечно, но больше для демонстрации флага. «Ничего не бойся, просто жди русских» — репутация работает за нас.

— Тогда я вам тем более не нужен. Триппер от местных проституток, похмелье от местной самогонки и пролежни от безделья вам вылечит кто угодно.

— В обычной ситуации так и есть. Как ты правильно заметил, мы обходились без тебя два года. Но есть задачка, с которой сможешь справиться только ты. Чисто дипломатическая миссия: нам нужно уговорить местного главнюка передать нам некую хреновину. Продать, подарить, обменять — как угодно. Она им все равно как дураку стеклянный хуй. Он сначала вроде бы был не против, но теперь чота начал крутить хвостом. Того ему подай, сего, подумать ему надо… Но есть то, чем мы его гарантированно

купим, — здоровьем ребеночка. Оный болен какой-то неизлечимой ебалой, того и гляди, кони двинет. Единственный наследник, к слову. Послушай, все просто. Скатаешься со мной, дунешь, плюнешь, скажешь «Трах-тибидох», возложишь персты, куда ты там их обычно суешь с учетом анатомии пациента, — и все. Дитя живет дальше, мы получаем свой приз, главнюк — наследника, ты — хорошую денежку, да еще и наверняка жирный бонус от счастливого отца. Он небедный парень так-то. С дорогой туда-сюда займет две недели максимум. Чем плохо? Потерпят твои прыщавые мамзели — от прыщей еще никто не помер. А Родина скажет тебе спасибо. Ну, то есть она скажет спасибо нам, но мы тебе обязательно передадим — слово в слово.

Чего-то такого я и ожидал. Поэтому и постарался не оставить следов. Но Слон меня нашел. Он кого хочешь найдет, он упорный.

— Жду твоего положительного ответа, — напомнил о себе мой бывший командир.

— Нет, Слон.

— В смысле, «нет»? В слове «да» совсем другие буквы! Простая прогулка, легкие деньги!

— Ты не учитываешь откат, мои чудеса не бесплатные. Наследника жалко, но всех не пережалеешь. Извини, Слон, ты зря прокатился, я лучше останусь при своих прыщах. Их я могу миллион вылечить, и мироздание даже не почешется.

— Слушай, — не унимается Слон. — Ты говоришь, тебя хватит на миллион девочек с прыщами на носу. Но ведь миллион — это дохрена. Тут нет столько прыщавых девочек. А давай прикинем — пусть их будет полмиллиона. Полмиллиона девочек с прыщами и один мальчик с серьезной проблемой. Знаешь, Док, ты не спеши. Я пойду, прогуляюсь, посмотрю на город — надеюсь, тут есть что-то кроме прыщавых девиц, — а ты подумай. Вернусь к вечеру.

— Сволочь ты, Слон, — сказал я безнадежно.

— Работа такая, Док, — ответил он и вышел.

Сразу вернулся — засунул голову в дверь и сказал:

— Кстати, твоя девица нас подслушивала.

И снова ушел, на этот раз окончательно.

А я остался думать.

***

Поскольку прыщеносцев сегодня не ожидалось, вышел прогуляться. В городе поздняя весна, тепло и красиво. Пожалуй, первое, что мне здесь понравилось два года назад — запахи. Никакого смога, никакого выхлопа, глубокий аромат цветов, которыми в середине мая покрываются деревья здешних парков. Я до сих пор не удосужился выяснить, как они называются, но

пахнут так, что очуметь можно. С цветочным благоуханием смешиваются запахи выпечки и кофе от уличных кофеен, приторные нотки курительных благовоний из лавчонок на каждом углу — местные их обожают.

Ради ароматов города я смирился с почти полным отсутствием городского транспорта — в привычном для меня смысле. Только неторопливые «линейки» на центральных улицах — забавный гибрид трамвая и канатной дороги. Вагончики, катящиеся по рельсам, приводимые бесконечным движущимся тросом над улицей. На остановке вагоновожатый ослабляет зажим, трос скользит свободно. Потом снова зацепляется и катит дальше. Система тросов сложная, на окраинах стоят тяговые башни, где крутятся их привода. Наверное, эта громоздкая система уступает по КПД обычному электротрамваю, но электричество тут пока что проходит по разряду «забавной фигни». Приводные станции, насколько я знаю, работают от паровых машин, но, благодаря удачной розе ветров, дымят не в город.

В общем, тут хорошо пахнет. И красиво. На улицах полно бездельников с раскладными мольбертами, которые судорожно пытаются изобразить всю эту роскошь. Популярный вид досуга, так же, как велосипедные прогулки. Но велосипед я себе так и не приобрел — здешние конструкции удручающе примитивны, это раздражает. Будь у меня побольше технических компетенций,

открыл бы велосипедный заводик и озолотился. Маленькое безобидное прогрессорство Мультиверсум мне простил бы.

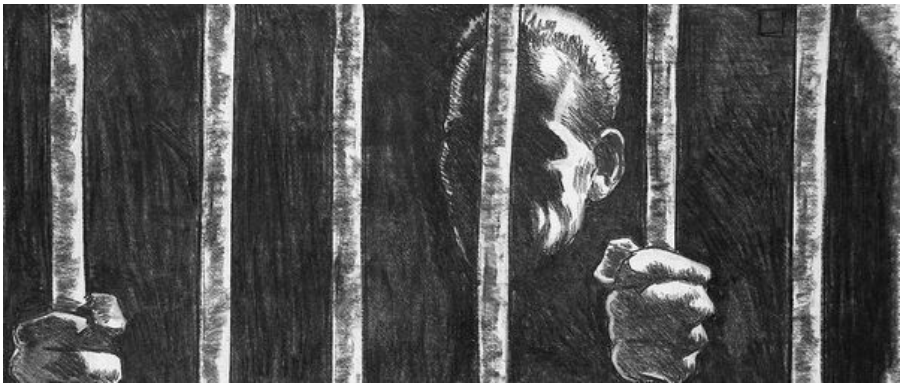
В процессе прогулки с легкой грустью осознал, что город мне нравится, но я здесь не прижился. Ощущаю себя загостившимся туристом. Не обзавелся жильем, не накопил имущества и даже друзей не завел. Ну, тем легче будет сорваться.

Похоже, что очередной период заканчивается. Не из-за Слона даже, а просто… Эти два года были как бы «постжизнью». Не лишенной своеобразной приятности — хорошие запахи, красивые пейзажи, вежливые прохожие, вкусная выпечка, ненавязчивая работа. Чистилище-лайт.

Я в гробу видал идею решать за свой счет проблемы Слона, но его визит что-то изменил. Что ждет меня за воротами этого комфортного посмертия? Рай? Ад? Реинкарнация? Загрузка с последнего сохранения? Иногда жалею, что атеист. Нет варианта «Там будет лучше».

Не будет.

Глава 2. Мануальная терапия



Оба варианта: «валить со Слоном» либо «валить от Слона» — требуют сборов. Вариант «валить Слона» не рассматриваю, слишком давно знакомы, неловко как-то. Так «со Слоном» или «от Слона»? Он ведь не отстанет. Если моему бывшему командиру что-то надо, то он прет к цели… Допустим, как слон. Как укушенный в жопу, больной бешенством, доведенный до боевого безумия слон. Впереди все пылает, сзади все рыдает, посередине — глаз урагана, где невозмутимый с виду Слон пытается делать вид, что «оно само».

Возможно, если я сейчас найду проводника и свалю, он меня потеряет. Достаточно надолго, чтобы необходимость во мне отпала. Тогда оставит меня в покое до следующего раза. Слон злопамятный, но не мстительный, потому что рациональный. Зачем со мной ссориться, вдруг я еще понадоблюсь? Целитель всегда может пригодиться.

Впрочем, скататься со Слоном и решить его проблему может выйти на круг менее хлопотно, чем валить неизвестно куда. Однажды мне с ним сильно не повезло, но Мироздание не любит буквальных повторений. Оно подъебывает куда тоньше.

Так ни на что и не решившись, достал походный рюкзак и начал складывать вещи. Чуть-чуть одежды и много рисунков. Или выкинуть их? Подумав, оставил на столе. На произведения искусства не тянут. Сверху стопки выложил вырванный из скетчбука лист с портретом Алианы. Пожалуй, он мне действительно удался. Останется смешная память о докторе-прыщологе. Ну, или выкинет.

Рюкзак наполнился едва на треть. Когда я сюда въехал, вещей было больше. Люди, стоит им где-то задержаться, непроизвольно обрастают имуществом. Это происходит само собой просто по ходу жизни. Человеку свойственно, подобно речному ракушечнику, создавать вокруг себя раковину из вещей. Когда-то и я был таким, но теперь, кажется, уже нет. Эта раковина крепится клеем из надежды на будущее — что жизнь будет продолжаться, и вещи понадобятся. У меня этого клея острый дефицит.

— Куда-то собираетесь, Ми-ха-ил? — вошедший тщательно проартикулировал мое имя.

Высокий крепкий мужчина с жестким лицом. За ним в прихожей еще двое. Надо же, меня почтила визитом местная контрразведка. Не знаю, как она называется. До сего момента я даже не знал, что она тут есть, но вот прямо вижу — они. Впрочем, не могу себе представить общество без какой-нибудь спецслужбы. Людей нельзя оставлять без надзора, те еще сволочи.

— Планировал покинуть город, — не стал отрицать я. — А вам не положено представиться, назвать звание или должность?

— Нет, — слегка даже удивился визитер. — А у вас не так?

— У нас это обязательная часть процедуры ареста. Последняя вежливость, если угодно. К пока еще свободному человеку.

— Странный обычай. Ведь я пришел к вам не как гражданин Сердл Горанц, а как представитель службы внутреннего контроля.

На моем месте мог быть любой другой сотрудник, личность не имеет значения. Впрочем, у нас еще будет время все это обсудить.

Он с интересом помял пальцами край моего рюкзака. Здесь нет синтетических тканей, но и так понятно, что я спалился.

— Думаю, вы уже поняли, что я вам предложу проследовать с нами?

Я молча кивнул.

— Вы не выглядите склонным к агрессивным глупостям, но я все же предупрежу вас о последствиях попытки сопротивления или побега — они вам не понравятся.

— В таком случае я от них воздержусь.

— Прекрасно. Будьте любезны поднять руки, сотрудники вас обыщут. Такова процедура.

Я не то чтобы совсем не склонен к агрессивным глупостям. В иных обстоятельствах сумел бы их удивить. Но сейчас мне некуда бежать — проводника надо искать, с ним надо договариваться. Меня все равно найдут раньше. Как говорят мои бывшие коллеги: «Не бегай от снайпера, умрешь уставшим».

Один из помощников довольно небрежно охлопал мои карманы, второй занялся рюкзаком. Сердл Горанц сделал приглашающий жест, и мы вышли на улицу вдвоем. Его ассистенты остались внутри, видимо, будут обыскивать

помещение. Интересно, он такой крутой профи, что не боится остаться один на один с арестованным, или это от общей расслабленности местной спецслужбы? Даже если у него есть оружие, то не на виду. А если я дам ему по башке и свалю? Впрочем, это бессмысленно. Для того, чтобы успешно скрываться от властей, требуется более глубокая интеграция в местные реалии: знакомства в криминальном мире, связи, деньги и все такое. А я торчу как гриб на пеньке, одинокий и заметный.

Краем глаза уловил вдалеке знакомую девичью фигурку. Алиана наблюдала за моим арестом, скромно укрывшись за зеленой изгородью. Надеюсь, ей отдадут ее портрет по окончании того, что там они собираются со мной проделать. Не знаю, что именно я нарушил, поселившись в городе. Здесь даже прописки нет!

Сердл Горанц сопроводил меня к месту временного содержания в пешем порядке. Оказалось — недалеко. В паре кварталов от арендованного мной помещения трехэтажный казенный дом. У входа никакой вывески, даже табличка «Прием граждан круглосуточно» отсутствует. Внутри он что-то черкнул в книге дежурного вахтера, затем провел меня вниз и оставил в комнате без окон с единственным закрепленным на полу стулом. Интересно, бить будут? Скорее всего, не сразу. Сначала надавят на психику. Вот этими унылыми стенами и прикрученным стулом посередине. Я должен его бояться и скромно топтаться в углу, стараясь отдалить момент, когда меня в него усадят. Думаю, часа полтора-два для начала помаринуют. Хотя, может, и больше.

Поэтому я немедленно сел и, хотя стул нарочито неудобный, кое-как сумел задремать. А то мало ли, вдруг ночью спать не дадут. Очень даже запросто.

***

— Вы, я вижу, не слишком напуганы арестом? — спросил разбудивший меня Сердл.

— Человеку с чистой совестью бояться нечего.

— Или для вас это не в новинку. Поговорим?

— Это вопрос? Я могу сказать «нет»?

— Риторический, и отказ не предполагается. Просто вы упоминали о вежливости, я пытаюсь ее придерживаться, — строго сказал он. — Итак, вы прибыли в город из другого мира?

— Было бы глупо отрицать, — ответил я, потягиваясь.

Стул все-таки чертовски неудобный. Но Сердл-то вообще стоит — если он так пытается доминировать в беседе, то прием спорный. Стоять перед сидящим – в нашей культурной парадигме более низкая переговорная позиция. Тут наоборот?

— «Да» или «нет», пожалуйста.

— Да.

— С какой целью?

— Без цели. Просто захотелось перемен.

— И вы выбрали именно наш город?

— Он довольно приятный.

— Больше никаких причин? — в голосе допрашивающего очевидное недоверие.

— Никаких. Проводник предложил несколько вариантов. Город показался мне наиболее эстетичным.

— И каковы были ваши критерии?

— Я просил подобрать мир, где говорят на том же языке, где нет системного контроля за передвижением людей, где не ведется и не ожидается военных действий, и где есть необходимый минимум бытового комфорта — канализация, медицина, электричество. С электричеством, — тут я вздохнул, — меня надули, оно здесь в самом начале пути. Да и медицина, честно скажу, так себе.

— Много было вариантов? — поинтересовался Сердл.

— Всего шесть. Дешевый проводник с небольшим ассортиментом. Была еще пара приемлемых мест, но тут красиво и хорошо пахнет.

— Тогда вернемся к медицине. Почему она была вам так важна, ведь вы сами врач?

— Именно поэтому. Искал мир, который не вынудит меня к практике.

— Можете пояснить свою мысль?

— Если люди вокруг мрут от болезней, медицинский долг обязывает меня вмешаться. Но если местная медицина берет все на себя, могу ограничиться прыщами. Навскидку я переоценил здешний уровень, но, по крайней мере, антибиотики у вас есть. Кстати, рекомендую ввести под лицензию стоматологию — сейчас каждый второй либо коновал, либо шарлатан, а уж как они злоупотребляют обезболивающими…

— Спасибо, но, уверен, ведомство охраны здоровья имеет свои резоны и определенно не нуждается в советах от незаконного мигранта.

— На сей счет есть закон? А то я гадаю, что именно нарушил.

— Обвинения будут озвучены позднее, пока мы просто беседуем.

Будут, значит, озвучены. Кто бы сомневался.

Дальнейшая беседа оказалась утомительной и малопродуктивной. Сердл интересуется, как именно я лечил прыщи — я на голубом глазу вру про электромагнитные поля, употребляя в произвольном порядке термины вроде «спин»,

«вектор», «магнитная напряженность» и «дивергенция поля». Понятия не имею, что они означают. На обвинения в шарлатанстве пожимаю плечами и указываю на неопровержимые факты результативности. Намекаю, что их ученые просто лохи.

Сердл требует от меня сдать проводника — я честно говорю, что понятия не имею, где он. Я и правда не знаю. У меня есть способ выйти с ним на контакт, но и только. Способ давать не спешу — в конце концов, меня пока даже не бьют. Если заставят — сдам, но в сообщении, которое надо оставить в местной газетке частных объявлений, не будет ключевого слова, и он будет знать, что меня спалили. Проводники — те еще параноики, но нельзя сказать, что на пустом месте. Желающих их захомутать хватает.

Сердл называет имена и требует признаться, что я с ними связан. Имена местные, слышу их в первый раз, кто они такие — понятия не имею, о чем и заявляю.

Сердл спрашивает, зачем я рисую секретные учреждения, показав пару моих набросков городских видов. Я логично отвечаю, что, раз они секретные, то я никак не мог об этом знать. А рисовал их потому, что мне импонирует свойственный здешним казенным зданиям типаж. Весомый, четкий, строгий, но не без изящества. У городских властей хороший архитектор. Допрашивающий не скрывает, что считает мои жалкие объяснения неубедительными.

Было много других вопросов, и тех же самых в других

формулировках, и снова других, и снова тех же… В общем, как и положено при допросе, меня водили по кругу, изматывали, пытались поймать на противоречиях. Я почти ничего не скрываю, придерживаясь первоначальной и, в основном, правдивой версии: овдовев, что стало для меня большой личной трагедией, искал новое место для жизни, где ничто не напоминало бы мне о прошлом. Обратившись к услугам коммерческого проводника, выбрал из предложенных вариантов этот мир — более-менее случайно. Затем просто жил, вел легальную, не требующую лицензирования деятельность, честно платил аренду и налоги, в местные расклады не ввязывался и вообще понятия о них не имею, за отсутствием привычки читать газеты.

Постепенно у меня сложилось впечатление, что я сильно влип. Даже не разбираясь в местной политике, просто по формулировкам вопросов, понял, что меня подозревают как бы не в подготовке покушения на градоправителя. Поскольку оружия в арендованном мной помещении не нашли, то покушение предполагалось, видимо, при помощи некоего электрического колдунства, в котором я, очевидно, большой специалист. Портрет юной падчерицы градоправителя неопровержимо свидетельствовал о том, что я искал выходы на его семью, а не о том, что она имела проблемы с прыщами, вполне естественные в ее возрасте. К слову, я без понятия, о ком именно из пациенток идет речь. Не интересовался родственными связями девочек и рисовал всех, кто не отказывался позировать. Просто мне так проще.

Сердл давит все жестче, я пытаюсь сохранить спокойствие и нейтральный тон. Все сложнее, чем я ожидал. Он по неизвестной причине полностью убежден, что я наемный иномировой киллер, присланный за головой местного правителя. Все, что я ни говорю в свое оправдание, его не переубеждает. Значит, скоро от угроз перейдут к насилию. Люди всегда переходят к насилию.

***

— Что же, вы сами выбрали свою судьбу, Ми-ха-ил, — с неискренним сожалением заявил Сердл. — Я давал вам шанс.

За несколько часов нашего общения я ему надоел не меньше, чем он мне. Несмотря на профессиональную сдержанность, заметно, что мое упрямое нежелание признать вину его конкретно бесит. Похоже, он почему-то спешит — то ли ситуация подгоняет, то ли начальство. Привычка не читать газет оказывает мне дурную услугу — совершенно не представляю себе, что происходит вокруг. Как будто то, что я тут чужой, защищает меня от местных раскладов. Черта с два.

Бить пришел тот же помощник, который меня обыскивал.

Крепкий парень, кулаки с плоскими костяшками, ухватки бойца. Не палач. Это плохо. Палач сделает больнее, но не искалечит без приказа. А такой мордобойщик заточен под нанесение урона, а не на «воспитательный эффект». Интересно, у них действительно нет профи по этой теме, или просто Сердл ограничивает число посвященных, обходясь своими кадрами? Есть у меня подозрение, что второй вариант вероятнее. Какая-то мутная игра за кулисами власти. За ними все время кто-то кого-то жрет, ебет и душит одновременно. Власть — специфическая штука.

Боец походил туда-сюда перед стулом, звонко постучал кулаком правой в ладонь левой, демонстрируя готовность к насилию. Предложил подумать в последний раз — но так, формально, не ожидая, что я расколюсь. По какой-то причине ему хочется мне врезать. Я не стал его разочаровывать и отказался идти на сотрудничество со следствием, продолжив настаивать, что ни в чем не виновен.

Тогда он с разворота всем весом нанес мощный быстрый и профессионально поставленный удар мне в скулу. Так и думал — рукопашник. Я слетел со стула молча, он упал на пол с громким воем.

Прибежавший ассистент — второй из тех, кто принимал участие в моем аресте, что намекает на мою правоту в отношении ограниченных кадровых ресурсов Сердла, — не стал поднимать меня с пола, просто утащил потерявшего сознание от шока

коллегу. Перелом лучезапястного сустава со смещением, раздробление полулунной, трехгранной и ладьевидной костей, множественные переломы пястных костей — это я гарантирую. Весьма вероятны также метафизарные переломы костей предплечья, но, скорее всего, неполные. Увы, я уже не так хорош, как раньше. Расслабился на прыщах-то.

Посидел на стуле еще с полчаса, потом второй ассистент вернулся и молча отвел меня в камеру.

***

Камера крошечная, одиночная. Узкая деревянная лежанка, металлический унитаз, рукомойник. Воспользовался унитазом, на ощупь умыл лицо — зеркала нет, но, судя по ощущениям, небольшое рассечение, травма мягких тканей лица, но без перелома скуловой кости. Вода с лица течет розовая, медицинскую помощь мне оказывать не спешат. Ничего, заживет, не впервой. Жаль, что для самого себя мое умение бесполезно. Это как тащить себя за волосы из болота — физику не обманешь, но утонешь лысым.

Прилег, уставился в потолок, сделал над собой усилие и почти задремал, но брякнула маленькая дверца в большой двери. Открылось окошко, и знакомый голос неуверенно спросил:

— Михл, вы здесь?

— Алиана? — удивился я. — Тебя-то как сюда занесло?

— Вы можете подойти поближе? Не хочу говорить громко. У меня всего несколько минут.

Я встал с лежанки и подошел. В коридоре горит свет, из темной камеры вижу девочку силуэтом, но она меня, видимо, рассмотрела.

— Они вас били? — ужаснулась она. — Вы ужасно выглядите!

Я не стал отвечать, за очевидностью ответа.

— Простите меня, Михл, это я виновата! Я давно догадалась, что вы из другого мира, но зря рассказала это Родлу.

— Кто есть Родл? — равнодушно спросил я.

Догадаться, что меня сдала Алиана, было, в общем, несложно. Но я на нее не злюсь — она совершенно ничем мне не обязана, поступила как лояльная горожанка. Мало ли чего ждать от подозрительного чужака? Путь органы разберутся…

— Вы что, Михл! — поразилась девочка. — Родл Рендл, градоправитель!

Вот даже как. Этого я знаю, имя и морда повсюду. Просто не подумал про него.

— Обратилась сразу в высшую инстанцию?

— Он мой… Отчим.

Так вот через кого я «втирался в доверие». В этом есть некая

мрачная ирония, да. А ведь девочка мне, пожалуй, нравилась, несмотря на легкий налет неполной адекватности. К моим услугам прибегают в основном богатые детишки, бедняки не считают прыщи своих детей чем-то, на что стоит тратить деньги. Многие из них вели себя как самодовольные снобистские жопы, считая, что «лекарь по прыщам» им не ровня, но Алиана не из их числа. Без неприятных сословных закидонов. А она, оказывается, у самого подножья условного местного трона. На подлокотник, можно сказать, присела.

— Я не ожидала, что будет так! — расстроенно сказала девочка. — Думала, с вами просто поговорят. Вы столько всего знаете, столько всего могли бы сделать для города, но не можете даже получить лицензию врача! Это несправедливо!

О, так она обо мне же заботилась? Мило, мило. Глупо до безумия, но мило.

— Простите меня, пожалуйста, Михл! Мне ужасно стыдно, что так вышло! Я попробую убедить Родла, что вы хороший!

— Я не сержусь. Но сомневаюсь, что это поможет. Правители довольно своеобразно воспринимают мир.

— Родл не злой. Он нас не обижает.

— Вас — это тебя и твою маму?

— Какую еще маму? — искренне удивилась Алиана.

— Ну, он твой отчим, ты его падчерица. Логично предположить, что он женился на твой матери после твоего рождения.

— Михл, нельзя же настолько не интересоваться жизнью! — засмеялась тихо девочка. — Родл не женат. Зачем ему? Ведь он любит девочек. Удочеряет пятнадцатилетних сирот, а когда они дорастают до восемнадцати, дает им пансион и приданое. Это большая честь, каждая девочка в детдоме надеется, что выберут ее. Мне очень повезло, я Родлу понравилась. Правда, другие девочки меня за это чуть не задушили подушкой, но я отбилась. Теперь живу хорошо, как и еще три падчерицы.

— И он с вами…?

— Вы про секс? Мне не нравится. Не люблю, немного противно. Как у гинеколога, только быстрее. В остальном все отлично — учителя, хорошие комнаты, много карманных денег, в доме отличная библиотека. Я так боялась, что Родл меня выгонит из-за прыщей! Он терпеть не может прыщавых. Но вы меня спасли. А я вас подставила, мне неловко.

— И что, все знают про «падчериц» Родла?

— В газетах об этом писать не принято, но это не секрет.

— И это не запрещено законом?

— Нет. У вас запрещено?

— У нас это одно из самых серьезных преступлений. Даже убийство менее осуждается обществом, чем связь с несовершеннолетними.

— Странно у вас все устроено. Я бы определенно предпочла не быть убитой. Очень жалко, что вы теперь ничего не расскажете про свой мир. Мне так интересно! Думаете, Родл меня не послушает?

— А до сих пор он тебя в чем-то слушал?

— Нет, никогда. Но до сих пор и повода что-то просить не было. У меня и так все есть.

— Он не выглядит человеком, склонным принимать чужие советы, — припомнил я протокольную рожу мордатого, лысоватого и довольно неприятного на вид градоправителя.

Глупо лезть в чужой монастырь со своим уставом, но рассказ Алианы настроил меня против городского головы даже больше, чем удар по морде от его клевретов. Морда что, дело житейское, заживет.

— Я все же попробую, — неуверенно сказала девочка. — Чем-то еще могу вам помочь?

— Если несложно, вернись в мой кабинет. Сегодня вечером туда должен прийти Слон. Ты его видела.

— Да, он хотел несмешно пошутить про хобот, но я и так догадалась.

— Именно. Скажи ему, что со мной случилось.

— Уже. Вечер давно прошел, скоро полночь. Я возвращалась за портретом, но оказалось, что его забрали. Мы встретились с вашим Слоном, я ему все рассказала.

— Спасибо, ты молодец.

— Вы не сердитесь?

— Нет.

— И что вы будете теперь делать?

— Как говорит в таких случаях Слон: «Ничего не бойся и жди русских».

***

Ждать пришлось недолго, я даже не успел толком выспаться, когда загремел засов, и Слонище заявил: «Кончай дрыхнуть, Док, нас ждут великие дела!» Судя по тому, что он и не подумал понизить голос, местная охранка уже прекратила активное функционирование. Мирная жизнь расслабляет.

— Еще какие-то нерешенные вопросы? Рюкзак твой я прихватил, но, может быть, какие-то милые сердцу сувениры там остались? Ты не стесняйся, дядя Слон сегодня добрый, даже никого не грохнул. Зря? Смотрю, они тебя обижали?

— Не стоит, — я потрогал подсохшее рассечение на лице.

Больно, но терпимо, заживлять, пожалуй, не надо.

— Давай пластырем заклею, — сказала Змеямба, наш снайпер. — Рада тебя видеть, Док.

— И я тебя, Зме. Приятно узнать, что кто-то из первого состава еще таскает кости по Мультиверсуму, — в их народе сокращать имя или, в нашем случае, позывной — знак хорошего отношения. А я рад ее видеть. В отличие от Слона. Она по крайней мере симпатичная.

Взять позывной «Змея Мамба» было с ее стороны опрометчиво, он моментально редуцировался по законам военно-прикладной фонетики, но это дело давнее. Все уже привыкли. Змеямба, иногда Змейса, тем, кто ей нравится, дозволено интимное Зме.

Я подставил лицо под ее заботливые руки, и женщина ловко залепила ссадину детским цветным пластырем с динозавриками. Любовь ко всякой пестрой ерунде — не единственная ее странность. Просто самая заметная.

С *замком* (позывной «Пугач») мы нейтрально поздоровались за руку. Он выдвинулся в заместители командира незадолго до моего ухода, и мы мало знакомы. Не первый состав, в общем. Нас, из первого, уже тогда мало оставалось, а сейчас и вовсе не знаю. Текучка у наемников высокая. По причине естественной убыли.

— Ну что, Док, ты с нами? — спросил Слон, ничуть не сомневаясь в ответе.

— Попробую нассать в одну реку дважды, — пожал плечами я.

— Вот и хорошо, вот и ладушки, — покивал командир, — а то ишь, выдумал — нос воротить. Нет, Док, если взлетел с «дикими гусями», то посадки уже не будет. Шасси остается на взлетке — либо летишь, либо хвост из земли торчит. Рад, что у тебя торчком не только хвост.

— Вот любишь ты пафосно пиздеть, Слоняра…

— Это часть тяжелой командирской работы, — ухмыльнулся он. — Пошли уже.

***

Для перехода Слон предпочитает гаражи, но тут с ними напряженка. Хреново в городе с транспортом. Проход, оказывается, натоптан в мастерской по ремонту линеек. По предрассветному времени здесь пусто. Прошли мимо полуразобранного вагончика, вывешенного на домкратах, и у задней стены нашли кладовку для инструмента.

— Удобное местечко, — сказал Слон, — даже жаль, что больше тут делать нечего. Ты же не планируешь сюда возвращаться, Док?

— Не собираюсь, — признал я. — Городок неплохой, но местные считают, что я хочу грохнуть градоправителя. Это нервирует.

— А ты не хочешь? — искренне поинтересовалась Змеямба.

— Ну, такое… Теперь уже, может, и хочу. Но вообще не собирался.

— Ничего, убьешь какого-нибудь другого правителя, кровожадный ты наш! — заржал Слон. – Они все уроды, можно не стесняться. Пошли, путь неблизкий.

Он открыл кладовку — большое, захламленное помещение, уставленное бочками с маслом, колесными парами и прочей технической дребеденью. Мы вошли, Слон закрыл дверь изнутри, постоял, положив на нее руки — под сердцем как будто дунул легкий сквознячок, как всегда бывает при переходах, — и решительно распахнул дверь обратно.

Из дверного проема по глазам ударило полуденное яркое солнце.

В этом мире дверь открылась среди заброшенного поселения, похожего на дачный кооператив. Мы вышли из кирпичного сарайчика, некогда исполнявшего роль импровизированного гаража, а теперь пустого. Транспортное средство бывших владельцев брошено прямо у ворот огороженного покосившейся рабицей участка. Видимо, давно: колеса на ободах, стекла заросли грязью до непрозрачности, кузов в пятнах ржавчины. Стоящая рядом чистая и блестящая машина Слона выглядит этой брошенке поношением. Слоняра любит пафосные тачки, он тот еще выпендрежник.

Переходы — странная штука: выходили мы из кладовки ремонтного бокса линеек, но, если войти в ту же дверь сейчас, за ней пыльный дачный гараж. Никогда мне этого не понять, я не проводник. Засунулся обратно за рюкзаком и столкнулся нос к носу…

— Эй, ты кто? — резко спросила Змеямба. В руке у нее пистолет.

— Это Алиана, — представил я. — Но я понятия не имею, откуда она взялась.

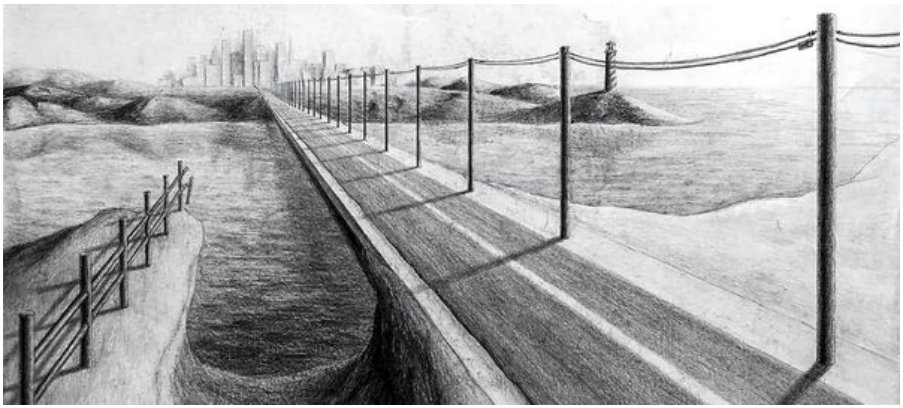
— О, знакомое личико. Ходячая реклама средства от прыщей, — фыркнул Слон.

— Я вас выследила, — сказала ему девочка. — Догадалась, что тут проход, и спряталась. Вас долго не было, и я уснула…

— И нахрена ты нас выслеживала? — спросил я мрачно.

— Я хочу с вами.

Глава 3. Дорожные зарисовки



— Слон, мы можем закинуть это чудо обратно? — спросил я, мрачно глядя на Алиану.

— Не, система ниппель. Сюда — дуй, а отсюда — только в обход. Анизотропная топология.

— И далеко ли в обход?

— Прилично так. А нам бы поторопиться.

— И что, мы потащим ее с собой?

— Можем бросить тут. Это дачный поселок, наверняка по подвалам полно закруток. Будет остаток жизни питаться солеными помидорами.

— Я хочу с вами! — возмутилась Алиана.

— А нас должно интересовать, что ты хочешь? — удивился Пугач. — Почему?

Девочка от возмущения аж заткнулась. Люди часто переоценивают свою значимость. Мы еще довольно приличные ребята, большинство наемников поступили бы с ней нехорошо. Наемники крайне несентиментальны, потому что если ты убиваешь людей за деньги, то жизнь для тебя — просто строчка в прейскуранте. Но Слон блюдет имидж: «Ойся ты ойся, ты меня не бойся, я тебя не трону, ты не беспокойся…» Он любит врать, что из казаков, и когда выпьет, то поет эту песню. Она времен позапрошлых кавказских войн, «ойсями» казаки называли чеченов, так что это не слишком искреннее обещание. Тем не менее, Слон не практикует насилие ради насилия. Не столько из этических, сколько из коммерческих соображений. Жестокость к мирняку вредит репутации, отмороженных головорезов нанимают на соответствующие контракты, а говенные контракты частенько

плохо заканчиваются.

Так что, на фоне прочих «диких гусей», мы числимся ребятами незлыми и надежными, которых можно нанимать для охраны. Потому что мы не сольем заказчика, а постараемся вытащить. «Ничего не бойся и жди русских».

В общем, Алиане не стоит опасаться, что ее изнасилуют и убьют, но и не стоит рассчитывать, что на нее кому-то не наплевать.

— И почему ты вдруг решила отправиться с нами? — спросил я.

— Родл на меня разозлился. Я попросила тебя отпустить, но он просто взбесился. Орал, что я маленькая неблагодарная тварь, постельная грелка, возомнившая себя невесть кем, и как я посмела, и что он вышвырнет меня за дверь без всякого пособия и отправит в публичный дом, где мне и место. А потом… В общем, было больно и унизительно. А потом я сбежала.

— Бедная девочка! — искренне расстроилась Змеямба. — Какой говнюк!

Змейса добрая женщина, если не считать профдеформации. Не пожалеет патрона на восстановление социальной справедливости.

— Слон, может, вернемся, и я быстренько вынесу ему мозги? — она погладила свою навороченную, стоящую целое состояние винтовку.

— Нам за это никто не заплатит, — буркнул Слон. — А убивать даром — непрофессионально. Расслабься, его все равно кто-нибудь убьет, таких всегда убивают. И судя по тому, как он нервничает, это будет скоро. Думаю, на него уже взяли контракт — недаром его люди так в нашего Дока вцепились. Решили, что взял он.

— Я рада, что ты снова с нами, Док, — переключилась на меня Змеямба. — Мне тебя не хватало.

— Спасибо, Зме. Мне тебя тоже. Но это разовый контракт.

— Не слушай его, — рассмеялся Слон. — Наш хилер изволит капризничать. На самом деле он знает, что его место с нами.

«Черта с два», — подумал я, но спорить не стал. На ближайшее время он мой командир.

Алиана переводит жалобный взгляд то на меня, то на Слона, то на Змеямбу. Поняла, что сейчас решается ее судьба. Может быть, до нее однажды дойдет, что вот так безоглядно отдавать себя в чужие руки — так себе идея. А может, и не дойдет. Похоже, у нее нет опыта самостоятельных решений, да и откуда ему взяться, если с детства готовили в наложницы престарелому педофилу?

— Док, возьмешь ее к себе, по медицинской части? — решил Слон. — Скальпели точить, утку выносить, что там еще понадобится?

Мне не нужна медсестра и не требуются помощники, но, зная Слона, я кивнул. Потому что если он не повесит девочку на меня, то может просто бросить. Чтобы не усложнять себе жизнь. Усложнить жизнь мне ему не жалко. И он вроде как добрый, и проблема при этом не его. Идеально.

— Тогда ты за нее отвечаешь. На довольствие поставим на правах стажера, без доли. Устраивает это тебя, девочка?

— Да… Наверное… — кажется, она не очень поняла, на что согласилась, ну да выбора у нее все равно нет.

— Медстажер Алиана, — строго сказал я, — с этого момента я твой непосредственный командир. Присваиваю тебе временный позывной «Алька». Слушаться меня, как…

Обычно в этой сержантской речевке говорят «как родную мамочку» или «как господа бога», но мамочки у нее нет, папочки тоже, а религия в ее мире не особенно популярна. Не знаю к какому авторитету апеллировать.

— …в общем, слушаться. Без возражений, комментариев и препирательств.

— «О-уо, ю ин зе арми нау!» — спел на чудовищном английском Пугач. И заржал.

— Я поняла, да. Я постараюсь.

— Отвечай «Так точно, Док», — поправила ее Змеямба. — Должности в отряде и воинского звания у него сейчас нет, но для тебя он все равно командир.

— Не сбивай ее с толку, Змеямба, вечно ты все путаешь, — возразил Слон. — Док — лейтенант запаса еще с военной кафедры меда, военно-учетная специальность девяносто. Даже если бы он официально ушел в отставку, звание-то у него сохраняется. Но он был в бессрочном неоплачиваемом отпуске по семейным обстоятельствам. И раз он снова с нами, то автоматически зачисляется военмедом с соответствующей ставкой и долей. Так что правильное обращение со стороны подчиненного к нему: «Так точно, товарищ лейтенант» или «Так точно, товарищ военмед».

Алиана только глазами лупает. Ничего, привыкнет. На самом деле у нас уставщины нет. Все-таки мы не регулярное подразделение, а коммерческая компания. Вроде ЧОПа1. Чопика. Которым затыкают не спрашивайте что.

1 ЧОП – частное охранное предприятие.

— Я думала, лейтенанты молодые… — сказала она, наконец,

растерянно.

Очень деликатное и уместное замечание.

— Док у нас молод душой, — хохотнул Слон.

— А у вас какая военно-учетная специальность? — спросила Алиана.

— Девятьсот семнадцать двести семьдесят один, — ответил командир.

— А что это значит?

— Музыкант военных оркестров.

Все заржали. Шутка для своих.

— Так, гуси-лебеди, хватит болтовни, время не ждет, а наш наниматель не ждет еще активнее. Грузимся в машину, поехали.

На переднее кресло рядом со Слоном взгромоздился Пугач. Он «замок», заместитель командира, ему положено. Мы с Алианой и Змеямбой уселись сзади. Кожаные сидения, тонированные стекла, полированное дерево. Казалось бы, какая разница, на чем мотаться по задворкам мироздания? Кто оценит пафос? Но нет, Слону абы на чем невместно.

У всех свои приколы. Змейса, как сорока, подбирает все яркое. Может быть, это напоминает ей о прошлой жизни, не знаю. Пугач обожает большие пушки, хвастается, что собрал самую крутую в Мультиверсуме коллекцию ручных пулеметов. Понятия не имею, где он их хранит, но на каждом выезде присматривается — нет ли у аборигенов свежего оригинального пулеметика. А я вот картинки малюю.

Украшаем, чем можем, жизнь военно-полевого наемного мяса.

— А почему тут никто не живет? — спросила меня Алиана, пока мы выезжали из дачного поселка.

— Скорее всего, они умерли.

— От чего?

— Понятия не имею. Дома не разрушены, значит, не война. Эпидемия, может быть. Или дружно осознали экзистенциальную бессмысленность бытия и торжественно самоубились. Да и черт с ними.

— И вам не интересно?

— Ничуть.

— Большая часть миров пусты, Алька, — сказала Змеямба. — Привыкай.

Вот и первое обращение по позывному. Это надо отметить. Да и мое возвращение, хоть и временное, в ряды тоже заслуживает стаканчика-другого. Два года не пил — как два года не жил. Решено: доберемся до располаги — нажрусь и рекрутку напою. Уж лучше я, чем кто-нибудь другой. Если же она не пьет — самое

время начинать. Видал я, конечно, непьющих наемников, но лучше бы они пили.

— А почему они пусты?

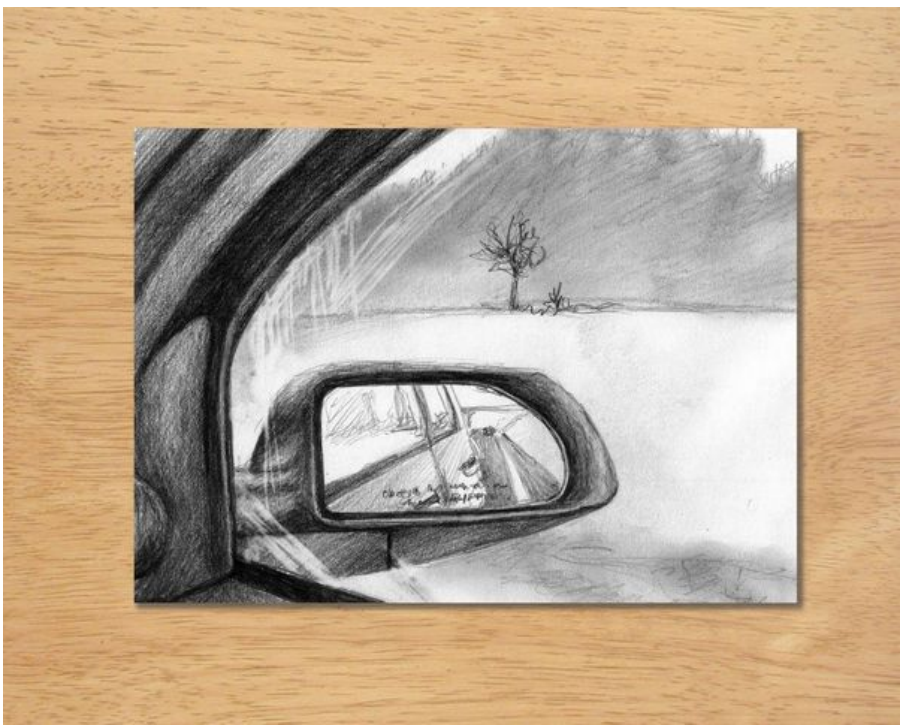
— Да хрен их маму знает, — ответил я. — Наверное потому, что лучше всего люди умеют убивать друг друга. И однажды у них получается убить всех, что и является конечной целью общественного генезиса.

— Не слушай его, Алька, — отмахнулась Змеямба, — твой командир склонен к мрачной философии. На самом деле никто не знает, почему миры вымирают. Мой был к этому близок, но его спасли. Остальным повезло меньше.

— Так вы с Михлом не из одного мира?

— Нет, — помотала головой снайперша. — Из очень разных.

Машина выбралась из поселка на шоссе, Слон прибавил скорость, врубил музыку, и разговаривать стало невозможно. Осталось любоваться пейзажами. Пустыми и безлюдными, что, на мой взгляд, их очень украшает. Не вижу в отсутствии людей ничего плохого. Тихо, красиво, безопасно. Никого не надо убивать, никого не надо лечить, никого не надо ставить на ноги, чтобы он снова шел убивать. Как будто того, что мы и так все однажды умрем, недостаточно.



Шоссе идеальное — движения по нему уже нет, а покрытие

еще не развалилось. Слон давит тапку, мощный мотор тащит, летим под двести. Конечно, в заброшках можно нарваться на какое-нибудь упавшее на дорогу дерево, так что так гнать не слишком разумно. Но склонные к разумной осторожности люди не идут в ЧВК. Границы допустимых вероятностей у нас другие. Ну вот, я уже мысленно говорю «у нас». С возвращением, военмед Док, я по тебе не скучал. Даже прыщолог Михл мне нравился больше.

Почти не снижая скорости, пролетели небольшой городок, свернув с трассы на его окраине. Толком ничего не разглядел. Люди везде живут примерно одинаково, а в детали нам вникать недосуг. Альке пока в новинку, она вся извертелась, пытаясь смотреть во все окна разом. Думаю, до сих пор она никогда не покидала родного города, так что ее ждет множество сюрпризов. Змеямба, как настоящий солдат, всю дорогу продремала, положив голову мне на плечо.

Проскочив узкими улочками пригорода, доехали до следующей точки — большого стационарного гаража.

— Опять гараж? — удивилась Алиана.

— Кросс-локус же, — сказала Змейса.

Видя, что девочка не понимает, я пояснил:

— Проводники проходят через кросс-локусы, места, которые связаны в разных мирах принципом подобия. Например, тут гараж — там гараж. Они являются частью фрактального «метагаража», единого во всем Мультиверсуме, поэтому войдя в один гараж, ты неким сложным образом входишь во все гаражи всех миров. Можно войти в один, а выйти из другого.

— Док сильно упрощает, — сказал открывший ворота и вернувшийся за руль Слон. — Но примерно так это и работает. Не с любого в любой, но по нахоженным парам можно выстроить разные варианты маршрутов. Поехали.

Он загнал машину в гараж, Пугач закрыл ворота, а когда открыл — за ними черной стеной упал дождь.

— Ночь, блин, — с досадой сказал Слон. — Тут и днем-то паскудно. Делать нечего, поехали потихоньку.

— А почему там был день, а тут ночь? — спросила Алиана.

— В любом мире одновременно где-то ночь, а где-то день. Поэтому синхронны ли миры по временной оси, лично я не знаю, — объяснил я. — Может быть, мы просто вышли на ночной стороне.

— Да, это я не подумала, — согласилась она. — Это все очень странно.

— Привыкнешь, — зевнула сидящая между нами Змеямба. — Можно, я теперь в твою сторону посплю? А то шея затекла.

— И плечо ты мне отлежала, — буркнул я. — С такой тяжелой башкой тебе следовало бы быть умнее.

— Можно, — согласилась Алька.

Снайперша перелегла головой на ее плечо.

— Так я, значит, дура? — спросила она, устраиваясь поудобнее.

— А по-твоему, убивать людей для Слона — интеллектуальное занятие?

— Док, я тебя люблю как боевого соратника, — вздохнула Змеямба, — и хилер ты отличный.

— Но?

— Но все-таки ты бываешь на редкость унылым говном. Я не всегда стреляла людям в бошки. Сначала полжизни потратила на то, чтобы их спасать.

— И что?

— От стрельбы в бошки меньше вреда. Так что отвали со своей сраной говноморалью и дай даме поспать.

Я заткнулся и уставился в окно, хотя за ним только темнота и дождь. Внедорожник медленно едет куда-то по ступицы в воде, ливень сияет, размывая свет фар, кондей и печка молотят на полную разом — сушат воздух, — но стекла все равно потеют. Как Слон различает дорогу в этом потопе, понятия не имею.

В одном Змейса права — у каждого тут своя правда, и нехрен лезть к людям в душу. Она красивая женщина — черные волосы, темные глаза, скульптурной выразительности лицо, — но есть в ней некая ебанутость. Как во всех нас, наверное. Я тоже не образец душевного здоровья.

***

Ехали долго. Темнота, шум дождя и ровный рокот мотора меня убаюкали, я задремал, и, когда машина внезапно подпрыгнула и перекосилась на бок, здорово шарахнулся башкой об стекло. Мотор взревел, автомобиль дернулся туда-сюда, но никуда не поехал.

— Слоняра, блин! — сказал я с укоризной.

Змеямба и Алька повалились на меня. Снайперша вяло ругается спросонья, девочка, взвизгнув, поджала ноги — в салоне плещется прибывающая вода.

— Что «Слоняра»? — недовольно ответил тот. — Ночь черна, как твоя совесть. Съехали в кювет, блин. И ведь почти добрались же, а? Обидно. Ждите здесь, я разведаю.

Он откинул вверх водительскую дверь почти легшей на бок машины и канул за стеной дождя, только свет фонаря мелькнул. Вода постепенно прибывает, штаны уже мокрые целиком, куртка наполовину. Хотя в канаве недостаточно глубоко, чтобы утонуть.

— Вылезайте! — Слон открыл дверь и протянул руку Алиане. — Тут совсем рядом дом.

Дом оказался небольшим придорожным мотелем, заброшенным, как все здесь. В нем сыровато, белье на кроватях пахнет плесенью, обои вздулись пузырями, пол первого этажа разбух и местами вспучился, но определенно лучше, чем снаружи. В холле камин, куда немедленно отправилась лишняя — то есть вся, на которой мы не собираемся спать — мебель. Она паскудно

воняет горелым лаком, но одежду просушить можно. У всех, кроме Альки, есть сменная. Ей скинулись: Змеямба выделила свои штаны, которые ей слегка великоваты, я — фланелевую рубашку, которая великовата не слегка. В кладовке нашлись относительно сухие простыни и одеяла, в комнатах на втором этаже даже лягушки еще не квакают, так что устроились комфортно. Вскипятили воды на газовой плитке, заварили сублиматов и чаю, поели. Разговаривать настроения не было, и вскоре разошлись по комнатам.

Алька поскреблась мне в дверь почти сразу.

— Заходи.

— Я просто спросить, Михл, — огляделась она робко. — Ой, или надо «товарищ лейтенант»?

— В неофициальной обстановке лучше просто Док. Мы обычно общаемся по позывным.

— Спасибо, Док. Хотела уточнить — я ведь не обязана с вами… спать?

— Нет.

— Хорошо. Нет, вы не противный, просто…

— Ни со мной, ни с кем-либо другим. В этом отношении у тебя полная свобода. Тем более, что ты несовершеннолетняя. Если кто-то захочет тебя принудить — немедленно сообщаешь мне. Я ему принуждалку без наркоза ампутирую. Ты находишься в моем подчинении, приказать тебе могу я или непосредственно Слон. Но только в вопросах, касающихся служебных обязанностей. Там подчинение абсолютное, без рассуждений. Потому что от выполнения приказов часто зависят жизни других людей. Я могу приказать тебе сдохнуть, но не могу приказать со мной спать. Не ищи в этом логики.

— А хотели бы приказать?

— Нет. Я против сексуальной эксплуатации несовершеннолетних.

— Понятно, Ми… Док. А в чем состоят мои служебные обязанности?

— Пока не знаю. Прибудем в место расположения — определимся. Сейчас я и своих-то не знаю. Это все, что ты хотела спросить?

— Да. И спасибо.

— Не за что. Я тут ни причем, кадровые вопросы решает Слон. За свою личную жизнь не опасайся — спи с кем хочешь, не спи, с кем не хочешь. Обидеть тебя никому не дадут, ты в команде.

— Вряд ли я захочу личной жизни, — вздохнула она. — Я слышала, что бывает приятно, но это не мой случай.

— У тебя пока не было личной жизни. То, что с тобой происходило до сих пор, — не она. Иди спать, у нас еще будет время на разговоры.

Алиана ушла, но вскоре в дверь поскреблась Змеямба.

— Выспалась в машине, — пожаловалась она. — Можно к тебе?

— Конечно, Зме.

— Я не видела тебя, ну, с тех пор… Соболезную, что так вышло с женой. Она была хорошая.

— Да, Зме, была.

— Тебе очень хреново, да, Док? Хочешь поговорить?

— Я до сих пор не знаю, как без нее жить и тем более не знаю, зачем. Но я, наверное, не хочу об этом говорить. Не грузись моими проблемами, Зме.

— Я не гружусь, просто хотела помочь. Я знаю, как трудно быть одной, когда поговорить не с кем.

— А ты почему одна, Зме? Не нашла достойного?

— О, у меня была Большая Любовь. С больших букв БЛ. Но он был женат, — Змеямба улыбнулась. – От любви я наделала кучу глупостей и гадостей, влипла в неприятности, он меня спас и простил, но мы остались просто друзьями. Жизнь раскидала нас по Мультиверсуму. Давно его не видела.

— Все еще его любишь?

— Не знаю. В моем народе сильные чувства редкость, не принято как-то. Ни любви, ни войны. Живем без страстей.

— По тебе не скажешь, — сказал я.

— Мой народ не воюет. У нас даже оружия толкового нет.

— Я думал, твоя винтовка…

— Нет, это как раз подарок от моего БЛ. Прощальный. В общем, я, наверное, единственный человек нашего мира, который выбрал профессией войну.

— И почему? — мы со Змейсой знакомы много лет, но кажется, впервые разговариваем о чем-то настолько личном.

— Долгая история, — тихо засмеялась она. — В молодости моей профессией было всех спасать. Руководила гуманитарными проектами, очень старалась, но все просрала. Потом, когда в нашем мире случился большой кризис, я впряглась — и снова мимо, мир спасли другие люди, скорее, вопреки моим усилиям. Потом я занималась восстановлением и реформами, билась башкой о стену непонимания, пыталась изменить общество, которое не хотело меняться, и добилась только того, что меня все возненавидели. А однажды я убила человека. Это был дрянь-человек, он натворил бы много говна, но мне и в голову не приходило его убивать. Стечение обстоятельств. И вдруг

оказалось, что это разом решило кучу проблем. Все то, чего я годами не могла добиться, сделано одним случайным выстрелом. Формально это было политическое убийство, меня окончательно прокляли. Ты знаешь, кто такой Гитлер?

— Конечно, — удивился я.

— Я не знаю, но Слон сказал, что я как он. Воплощенное зло для своего мира.

— И ты свалила оттуда?

— Не сразу. Сначала убила еще нескольких. Помогло. С тех пор в моем мире нормальная жизнь, но я там больше не бываю.

— Грустно.

— Да так, не очень. Там было довольно скучно, как я сейчас понимаю. И очень лицемерно. Убивать тоже так себе занятие, но как-то честнее. Я похожа на Гитлера, Док?

— Нет, у него были мерзкие усики, — я изобразил, приложив два пальца под нос.

— Фу, правда гадость, — рассмеялась Змеямба. — А я тебе нравлюсь?

— Да, ты красивая.

— Пойдем в кровать?

У народа Змейсы нет таких сложностей вокруг секса, как у нас. Она спала со многими в отряде, не разбирая пола. Для нее это как обняться с другом при встрече, просто выражение приязни. Но не со мной. Я был женат, это для нее табу. Теперь я вдовец, и ничто не мешает ей выразить радость встречи.

— Пойдем, — согласился я.

Два года без секса. Я не был в себе уверен после такого-то перерыва, но все сработало как надо.

— Это было… — Змейса положила мне голову на плечо и вздохнула, успокаивая дыхание, — великолепно. Один из самых роскошных трахов в моей жизни. Не ожидала, что ты такой шикарный любовник.

Мои способности не ограничиваются прыщами, да. Небольшое тактильное читерство. Змейса мне нравится, хотелось сделать ей приятное, и я расстарался. Надеюсь, ее стоны никого не разбудили. Хотя, впрочем, пофиг. Имеем право.

***

Утром завтракали, пили чай, собирались. Алиана пристально смотрит то на меня, то на Змеямбу, но ничего не спрашивает, хотя явно хочет. Мне отчего-то слегка неловко. Как будто то, что нам хорошо от того, от чего ей плохо, как-то нечестно, что ли. А может, она вообще и не об этом. Это во мне бродят абсурдные рефлексии из-за первого за двадцать пять лет секса не с женой. Как будто я ей изменил. Глупо, но в этих делах ум мало что решает.

Дождь все еще идет — Слон сказал, что он тут не прекращается. А машину все же вытащили. Изгваздались и промокли снова, салон весь мокрый, вода хлюпает под ковриками и пропитала сиденья, но мотор работает.

— Трындец машине, — вздыхает Слон, — надо новую искать.

До следующего кросс-локуса оказалось, к счастью, недалеко. Полчаса изображали катер на залитой водой дороге, потом въехали в очередной ничем не выдающийся гараж на какой-то сервисной станции. Закрыли ворота, открыли ворота —

следующий мир. В нем хотя бы дождя нет.

Обсушиться Слон не дал:

— Один короткий перегон, и мы на месте. Не растаете, не сахарные.

И действительно, пара часов по заметенной палой листвой дороге, и вот уже следующий довольно замухрыжного вида гараж. Ржавые ворота, треснутые кирпичные стены, все затянуло мхом и камнеломкой, но видно, что створки открывают регулярно, на земле секторные следы от краев. Почему кросс-локусы возникают в одних гаражах, а не в других — понятия не имею. Думаю, Слон тоже. Он пользователь, а не исследователь. Умеет открывать — и ладно.

Вот, открыл. За воротами большая полутемная подземная парковка. Половина занята машинами незнакомых марок, половина пустует.

— Хватайте вещи, и вон туда, в лифт.

Надо же, работающий лифт. В нем даже есть зеркала, из которых на меня смотрит потасканный немолодой мужчина, которому очень не помешало бы побриться, помыться и переодеться. И не мне одному.

— По местному еще утро, так что день для нас будет длинным, — сообщил Слон. — Сейчас выделю комнаты вновь прибывшим, приводите себя в порядок, через час жду в холле на инструктаж. Холл на кнопке один.

Он ткнул пальцем в модерновую панель лифта, который как раз остановился, сказав нежным женским голосом: «Пятый этаж». Мы вышли, командир указал мне и Алиане на двери соседних комнат. В считывателях торчат ключ-карты. Ничего себе, неплохой здесь уровень.

— Слон, что это за мир такой? — спросил я.

— Все потом, на инструктаже. Но тебе понравится.

— Почему?

— Прыщи лечить не надо.

На этой загадочной ноте мы распрощались. Я отвел Альку в ее номер, показал, как пользоваться ключ-картой, включать свет и регулировать воду в душе. Она внезапно расстроилась из-за того, что не во что переодеться. Чуть не заплакала. Женщины…

Объяснил, что вопрос с одеждой так или иначе решится. Либо выдадут казенную, если мы тут по форме, либо выделят «одежные» — если по гражданке. А пока и так сойдет. Юным девушкам все к лицу.

— Мир вполне живой, — сказал я, выглянув в окно, — так что и одежные магазины найдутся.

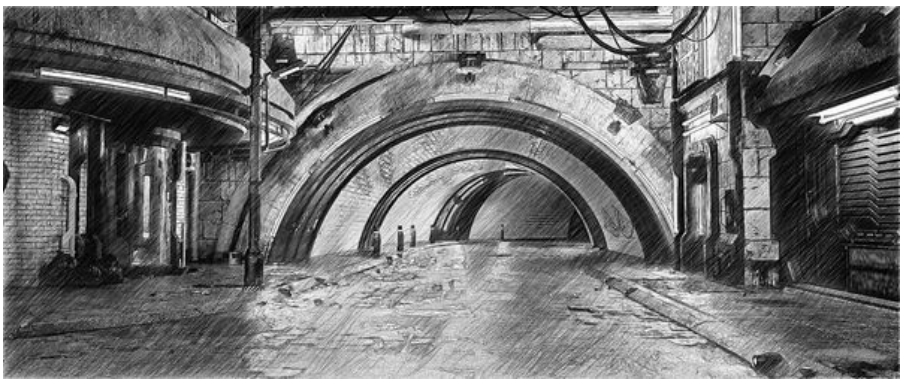
Внизу идут люди, едут машины, настенные экраны

транслируют рекламу. Суета. Отвык.

Напомнил про сбор через час, ушел в свой номер — точную копию Алькиного. От поставленного на пол рюкзака растекается красивая радужная лужа. Открыв, только выругался безнадежно, – внутрь попала вода, и все мои рисунки превратились в пятна на одежде.

Значит этот этап моей жизни действительно закончился.

Глава 4. Лица ваших масок



В холле гостиницы стильный интерьер, низкие, мягкие, неудобные диваны, за стойкой, кажется, девушка — но это не точно, потому что на ее лице гладкая белая маска с нарисованным на ней улыбающимся ртом. Выглядит странно и даже немножко жутковато. Впрочем, мало ли какие тут обычаи.

На диванах расположилась группа Слона. Я почти никого не знаю, но в лицах что-то общее. В позах, выражении глаз, некоторой напряженной готовности. Наверное, я был такой же два года назад. Наверное, я сейчас не такой.

— Народ, внимание, — сказал Слон, вставая.

О как, «народ». Значит, мы тут «по гражданке». Строем не ходим, по званиям не обращаемся.

— Кто не знаком — это Док, наш старый военмед, и его помощница, стажер с временным позывным Алька, — продолжил командир. — Он отсутствовал по семейным обстоятельствам, был в оперативном резерве. Вернулся.

— О, а можно мне тоже такую помощницу? — развязно спросил какой-то бородатый хрен. — А то ширинку расстегнуть некому…

Послышались тихие смешки. Алиана покраснела. Ну, ладно.

— Если кто-то еще хочет смешно пошутить на эту тему, — нейтрально ответил я, — то давайте, не стесняйтесь, подходите. Похохочем и спишем на небоевые потери, говна-то.

— Но-но, народ! — строго сказал Слон. — Дока задирать не советую. Наш военмед, хоть на вид и не страшный, полон сюрпризов. Он из первого состава, если кто не понял.

Бородатый хрен встал, приложил руку к груди, слегка поклонился и сказал:

— Прошу извинить, уважаемый Док. Это была неуместная шутка.

— Принято, — кивнул я.

Не стоит начинать с конфликта, но поставить себя надо.

— Дурацкие шутки над стажером отставить, — подтвердил Слон. — Она не имеет доли, но член команды. И если кто начнет сейчас хихикать про «член», имейте в виду — это тупо.

Все воздержались, а бородатый хрен подошел и протянул руку:

— Позывной «Бурят», — представился он. — Мехвод брони и оперативный водитель всего остального.

Я пожал руку, отметив, что черты лица у него действительно азиатские, но именно на бурята он не очень похож. Впрочем, позывные имеют свою логику. Или ее отсутствие.

Кроме Бурята поздороваться приковылял, скрипя протезом, наш одноногий техник Гай. Он тоже из первого состава, мало нас осталось. Кстати, о логике позывных. «Гай» — это не Гай Юлий Цезарь, а мужская форма от «Гаечки». Мышки-механика из мультика про бурундуков-спасателей. Сначала было «Гайк», но «к» редуцировалось. Глупо? Может быть. Зато коротко и по радиосвязи разборчиво.

— Как дела, Гай? — спросил я.

— Совсем не так, как раньше, Док, — ответил он тихо.

— Плохо?

— Вроде, нет. Просто по-другому. Имей это в виду.

— Принято, Гай, спасибо.

— Не за что. Рад тебя видеть живым и с крышей на месте. Слон говорил, что ты поехал кукухой. Ну, из-за жены. Мои соболезнования, кстати.

— Я в порядке, — соврал я. — Спасибо.

Мы похлопали друг друга по плечам и сели. Время Слона.

Командир начал прохаживаться между диванами. Манера у него такая — слоняться.

— Брифинг по задачам. Кто в курсе — терпите, кто не в курсе — вникайте. Общая задача остается прежней — изображаем почетный караул при делегации.

— А чего им конторские своих вояк не дали? — поинтересовался я.

— Потому что те сапоги, — пояснил Слон. — На военных местные реагируют нервно, у них армии, прикинь, вообще нет. Так что мы тут «по гражданке», типа наемные бодигарды, это нормально, даже понтово.

— А зачем делегации бодигарды? — удивился я. — На них могут напасть?

— Тут на кого хочешь могут напасть, — вздохнул Слон. — У местных все трындец странно устроено. Увидишь еще.

— И чего они тут добиваются? — поинтересовался я.

— А это, товарищи бодигарды, не наше телохранительское дело. Наше — стоять с каменной харей и изображать собой готовность к действию. Там, где изволит быть заказчик. Пока бог миловал, но не расслабляемся. Знаю, всем кажется, что это курорт, но поверьте, Контора умеет считать деньги. И если нам заплатили, причем заплатили хорошо, то не за красивые глаза Змеямбы и мой прекрасный хобот.

Наемники дежурно заржали, хотя шутки у Слона нифига не смешные. Не шутки — слонизмы. Неуклюжие и нелепые.

— Расписание все знают, — закончил Слон. — Дежурной смене готовиться к выезду. Все свободны, кроме Дока и стажерки, у них персональный инструктаж.

Когда все разошлись, и мы остались втроем, Слон махнул рукой существу в маске за стойкой.

— Откройте нам малую переговорную, пожалуйста.

Существо вышло из-за стойки и оказалось-таки девушкой с довольно приятной фигурой. Она сделала пригласительный жест и пошла впереди, демонстрируя ноги и то, что выше в облегающей юбке.

— Почему она в маске? — тихо спросил я у Слона.

— Тут все в масках ходят, вам тоже придется напялить. Светить голой харей чертовски маргинально. Как у нас голой жопой. Зато если у кого прыщи — всем насрать. Я же говорил, что тебе понравится.

Уселись в небольшом зальчике — кресла, столик. Удобно, не то, что в холле.

— Подать кофе? — спросила девушка.

Голос приятный, но эта безглазая белая доска с нарисованным ртом…

— Не нужно, спасибо, — отказался Слон.

Когда она вышла, он встал, проверил плотно ли закрыта дверь, поставил на стол и включил глушилку — редкий технологический девайс из того мира, откуда Змеямба. У них там есть всякие интересные штуки.

— Нас слушают? — поинтересовался я.

— Скорее всего. Здесь очень технологичненько, а значит, прайвеси в полной жопе. У нас примерно полчаса до тех пор, пока они сообразят, что им в сеть генерится фуфло, так что я коротенько. Первое по тебе, стажер Алька. Откровенно скажу, твое дело декоративное. Ходишь везде с Доком, носишь за ним саквояжик. Все равно с чем, хоть пустой. Косплеишь медсестру,

точнее, ассистентку доктора-консультанта. Так тут принято. Иметь живого ассистента — статусно и престижно, без него не тот эффект.

— А неживого? — удивился я формулировке.

— А неживого — просто вопрос денег. Это как ездить с персональным водилой в костюме, который выскакивает и распахивает перед тобой дверь, кланяясь. Дверь с моторчиком удобнее, но никто не кланяется, вот в чем фигня. Для местных это важно, потому что всякой херни с моторчиками тут как говна, и стоит она дешево.

— Не очень понял, ну ладно, — пожал плечами я. — Давай дальше.

— Увидишь — поймешь. Ты у нас по легенде — светило нетрадиционной медицины.

— Хорошо, что не ориентации…

— Не перебивай! Звезда, специально привезенная за тридевять миров ради безмерного нашего уважения к местному главнюку. Поэтому живая симпатичная ассистентка тебе полагается по статусу.

Алька хмыкнула и покраснела.

— Наши хотят выцыганить у него кой-чего. Чего именно — не спрашивай. Это, во-первых, секретно, во-вторых, не твое дело. Взамен есть чего предложить, не подаяния просим, но он говнится и водит жалом. Так что ты у нас — дополнительный личный бонус, типа отката на сделку.

— А если я не смогу вылечить пацана? Я не всесилен.

— Значит, не повезло. Зря потратил время и утопил хорошую машину. Но я в тебя верю, поэтому попрошу наоборот — не вылечивать сразу. Поводи руками, повращай глазами, скажи «крибле-крабле-бумс», изобрази лицом «это почти невозможно, но ради вас…». Потяни время, набей цену, а то он решит, что это нам ничего не стоит.

— Не нравится мне это.

— Знаю. Но я тебя прошу. Так надо для дела.

— Принято.

— Тогда по основной задаче все. По снабжению, снаряжению и расходке — к Джаббе.

— Она еще в строю? — удивился я.

— Она нас всех переживет, вот увидишь.

В дверь постучали.

— О, отдуплились, быстро они сегодня, — хмыкнул Слон и убрал со стола глушилку.

— Могу я все-таки предложить вам кофе? — спросила все та же маска.

— Спасибо, мы уже закончили, — ответил Слон.

И добавил для нас:

— Личное время до восемнадцати часов по местному. Встречаемся в холле.

***

Джабба Хатт — персонаж старого сериала, не самый симпатичный тип. Наша квартирмейстерша тоже не красотка, но позывной у нее от фразеологизма «Душит Жаба». Очень уж она… Хозяйственная.

В гостинице занимает двухкомнатный номер, превратив первую комнату в каптерку, а вторую — в склад.

— Вернулся, рыцарь медицинского образа? — поприветствовала она меня довольно-таки нелюбезно. — А это кто? Надеюсь, внучка, а не любовница?

— Я тоже рад тебя видеть, Джабба. Это новый стажер, позывной Алька.

Толстая пожилая женщина затряслась тремя подбородками, то ли смеясь, что ли в припадке злобы. У нее никогда не поймешь.

— И что вам от меня надо? Вижу, с пустыми руками, значит, будете что-то выпрашивать. Что там Слон себе думает? У меня что, склад бесконечный?

— Вот пусть Слон и думает, — решительно пресек дискуссию я, — у него голова большая. А ты просто выдай, что положено.

— А оно, может, не для вас тут положено!

— Джабба, не зли меня. Я ведь Слону жаловаться не стану, сам приду к тебе с приветом. И прошлый раз покажется тебе за счастье.

— Подумаешь, какие мы нежные, — буркнула Джабба. — Вот, забирайте.

Она положила на стол два маленьких пакета.

— И что это? — я даже не подумал их брать.

— Мы тут по гражданке, так? Значит, получаете карточки с подъемными и по маске на ваши рыльца, век бы их не видать, чтобы дойти до магазина. Там и купишь себе, то, что твоей черной колдунской душеньке угодно. Хотя откуда у тебя душа? И сикилявке этой мелкой купишь, а то она у тебя как чмо болотное одета. Под каким кустом ты ее подобрал?

— Джабба, я предупреждаю один раз. И он уже был.

Тетка нервно двинула к нам пакеты, отдернув руки и даже убрав их за спину на всякий случай.

— Я обязана выдать комплекты. Я выдала. Любить тебя в мои служебные обязанности не входит. Проваливайте.

— А что было в прошлый раз? — спросила Алька в лифте.

— Джабба меня сильно разозлила.

— И что?

— И получила в награду месяц почесухи… Неважно где.

— Ого, — засмеялась Алька, — постараюсь вас не злить.

— Уж будь так любезна, — ответил я совершенно серьезно, и она притихла, задумавшись.

В качестве стилиста-консультанта мобилизовал Змеямбу. Она тут не первый день, должна знать, что прилично носить, чтобы не слишком выделяться. И заодно, курс местных денег.

— Вот сюда палец приложи, — сказала Зме, содрав защитный слой с карты.

Я приложил. Пластиковый прямоугольник дрогнул в руке, тихо пискнул, на гладкой белой поверхности проступили черные контрастные цифры.

— Ух ты! — искренне восхитилась никогда не видевшая цифровой техники Алька.

— Теперь она привязана к тебе, начальный счет активирован. Простенькая предоплаченная карта, нам всем такие выдали в первый день.

— Это много денег?

— Не особо. Но можно одеться, прикупить всяких мелочей, а на остаток питаться пару недель, ни в чем себе не отказывая. Не в ресторанах питаться, но и не с помойки. В общем, по местным меркам, примерно половина среднего месячного дохода работающего горожанина. Или полтора социальных пособия неработающего.

— Ты, я смотрю, вникаешь в реалии? — спросил я.

— По привычке. Однажды довелось поработать в правительстве. Недолго, но психотравма на всю жизнь, — улыбнулась она. — Ну что, на шоппинг?

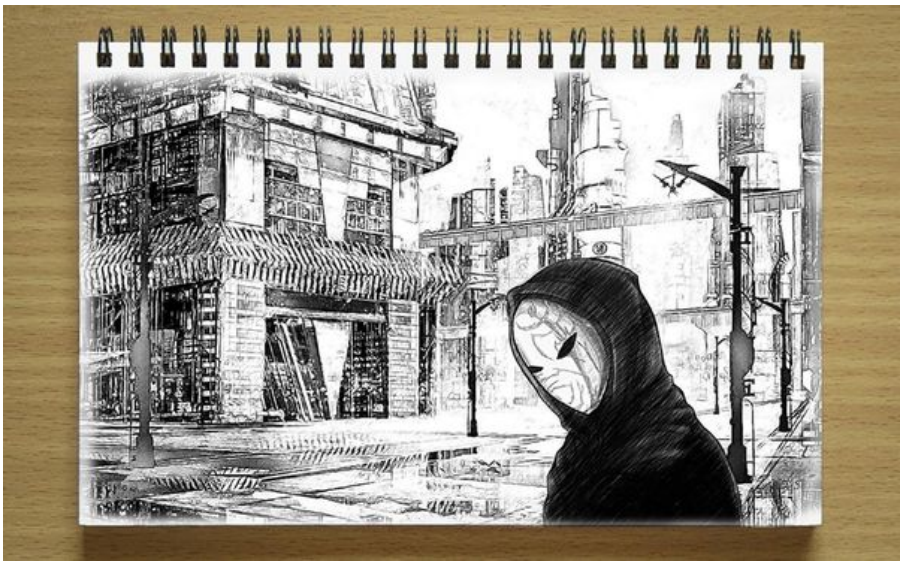
— Обожаю магазины! — сказала Алька.

— Ненавижу магазины! — сказал я.

***

Первое впечатление от города странное. Что люди непривычно одеты — это ладно. Что они в масках — этого я ожидал. Неожиданностью стало то, что многие масками не ограничиваются. Часть идущих по улице горожан производят впечатление участников косплей-шоу из-за надетых на них элементов доспехов — наручных щитков, латных перчаток, поножей и кирас. Они кажутся сделанными из пластмассы, некоторые покрашены в веселенькие цвета, что усугубляет сюрреалистичность зрелища. Целого доспеха ни на ком, что характерно, нет. Идет, к примеру, девушка в платье — юбочка до колена, короткая курточка из чего-то блестяще-шуршащего, маска

в виде стилизованного противогаза с накрашенными глазами за стеклом, одна нога (вполне приятных очертаний) голая, в босоножке, а вторая — в лаково-черном глянцевом доспехе с выраженным коленным шарниром.



— Не пялься, неприлично, — одернула меня Змеямба.

Я честно стараюсь, выходит не очень. Альке она даже говорить ничего не стала, понятно, что бесполезно. Хорошо, что наши выпученные глаза и отвисшие челюсти прикрывают маски — довольно простенькие, похожие на вратарские в хоккее. На фоне самовыражающихся во всю силу фантазии местных мы выглядим как монахини на гей-параде.

— Зме, какого черта они так? Неудобно же, наверное.

— Забей, Док. Это просто подражание.

— Кому, блин? Рыцарю, пропившему коня и полдоспеха?

— Да нет, они изображают кибер-протезы. Это бедный район, на импланты денег нет, поэтому имитируют.

— Какой бред!

— Обычный. К счастью, это не обязательно, так что мы на себя напяливать не будем.

Стеклянные двери распахнулись, и я сразу засомневался, туда ли мы пришли. Для магазина одежды тут ее маловато. Точнее, нет вообще. Нет рядов вешалок, полок с коробками, примерочных кабин и прочего. Небольшое помещение, пара каких-то юных вертихвосток, пялящихся в настенный экран, продавец, слегка похожий пластиковым белым забралом на солдата Галактической Империи.

— Нам точно сюда? — спросил я Змеямбу.

— Даже не сомневайся. Пойдем.

Оказалось, что примерочные кабинки тут все же есть, просто не похожи на наши. Крошечная выгородка без двери или хотя бы занавески, а на стене экран в рост человека. Когда я подошел, он включился и изобразил меня. Сначала — просто картинка с камеры, потом из нее на глазах соткалось что-то вроде три-дэ модели.

— Повернись пару раз, — посоветовала Змейса, — чтобы полный объем снять.

Я вздохнул и потоптался перед экраном, чувствуя себя предельно глупо. Мое изображение повернулось туда-сюда и принялось медленно вращаться вокруг вертикальной оси, демонстрируя с безжалостной отчетливостью, что куртка и штаны у меня сзади такие же грязные и потертые, как и спереди. Маска на экране замерцала красной обводкой.

— Сними, — сказала Змеямба, но я уже и сам догадался.

Снял. Прорисовалось мое собственное лицо, ничуть, к сожалению, не приукрашенное программой. Да, я не молод и не красив, и что? Мне и не надо. Я не юноша в поисках любви, мне не надо победить в эстафете передачи генов следующему поколению. Всем насрать, как я выгляжу, мне тоже.

— Вот пульт, — Змейса сунула мне в руку пластиковую

хреновину с несколькими кнопками. — Вот так меняешь разделы, вот так — листаешь предложку. Сначала идут самые популярные варианты, так что не пугайся. Мотай, пока не найдешь что-то приемлемое. Начни с масок, это проще всего. Ценники в кружочках слева. Вот тут, вверху, будет общая сумма. Развлекайся, а я пойду ассистентку твою наряжать. Вспомню детство, поиграю в куклы!

Я ткнул в верхнюю кнопку, раскрывая раздел масок. Боже, какую только хрень тут не напяливают на лица! Больше всего вариаций на тему противогазов, респираторов и других устройств защиты дыхания. У меня сразу возникло подозрение, что мода на маски пошла от проблем с экологией, хотя сейчас воздух в городе вроде бы нормальный. Но так бывает — необходимость ушла, а привычка таскать что-нибудь на лице осталась. Во всяком случае, вариантов, открывающих верхнюю часть лица, хватает, а вот органы дыхания, так сказать, закрыты всегда. Вторые по популярности после противогазных мотивов — имитации чего-то вроде пилотских шлемов с темными забралами и даже шлангами подачи дыхательной смеси. Я, правда, не понял, куда они должны втыкаться. Третий модный тренд — зубастые демонические хари, закрывающие либо все лицо, либо его нижнюю половину, изображая адскую пасть вместо рта. Ничто из этого не хотелось таскать на своей физиономии, но, видимо, придется. Выбрал какую-то черную медицинскую маску с рудиментарными дыхательными клапанами, закрывающую рот и нос, и темные очки. Очки довольно стильные, мне даже понравились — всем, кроме ценника. Дороговаты.

Куртка, штаны и башмаки дались проще — в предложении полно нейтральных вариантов в темно-серой гамме и казуальном стиле, как я люблю. Мой аватар на экране теперь выглядит так, что второй раз не взглянешь и при этом, как мне кажется, не выделится в уличном потоке. Серое ничто в куртке с капюшоном. То, что доктор (то есть я) сам себе прописал.

Когда перешел в раздел белья, одежда на экране пропала и теперь там вращается голый мужик.

— Неплохо выглядите, — сказала подошедшая Алька, рассматривая изображение.

— Программа мне льстит, — буркнул я, выбрав первые попавшиеся трусы.

Попались довольно похабные, обтягивающие, розовые, в цветочек, от чего моя ассистентка откровенно фыркнула.

— Ты уже нарядилась? — спросил я раздраженно. — Как-то быстро для девицы твоих лет.

— Не совсем… — она замялась.

— В чем дело?

— А вы не могли бы… Ну… Добавить мне чуть-чуть денег, из своих? Я смотрю, у вас итог совсем маленький, а я уже не уложилась, хотя не все выбрала… Я отдам! Потом. Там такое белье! Я такого никогда не видела! Хотите посмотреть?

Хитрая какая. Наверняка красивое белье на юной девушке выглядит так, что я должен закапать пол слюной и согласиться на все.

— Полностью доверяю твоему выбору, — отказался я. — Можешь рассчитывать на небольшую финансовую добавку, но, чур, не наглеть. Процентов десять от суммы.

— Двадцать пять?

— Пятнадцать.

— Двадцать?

— Восемнадцать и не забудь, что кроме белья понадобится что-то еще.

— Спасибо, товарищ военмед!

Убежала в свою кабинку. Надеюсь, Змеямба не даст ей наделать совсем уж дурацких покупок. Так-то пусть развлечется — в ее мире нет эластичных тканей, а значит, и женское белье там вряд ли верх эстетики. Я, впрочем, не проверял.

Ладно, вернусь к выбору. Есть тут обычные удобные трусы?

Есть. И трусы, и носки, и простые футболки. Правда, не в начале каталога, пришлось полистать. Зато и недорого. На счете осталось процентов тридцать от начальной суммы, так что, если Алька все же не уложится…

Не уложилась. Смотрит глазками какающего котика.

— Док, имей совесть, — вступилась Змеямба. — Молодой девушке нужно больше, чем тебе. Она же свалила в чем была, даже трусов запасных нет. Опять же предметы гигиены, всякое такое…

— Змейса, блин, ты разбалуешь мне ассистентку.

— Ничего, забалуешь обратно. А сейчас давай считать, что ты уже доказал свою суровость и приверженность порядку. Пожалуйста.

— Ладно, черт с вами. Но, Алька, не рассчитывай, что так будет всегда. Это разовая гуманитарная акция.

— Конечно, товарищ военмед! Я все поняла!

— Кстати, — быстро, пока я не передумал, перевела разговор Змеямба, — советую купить электробритву. Здешние — просто технический шедевр, я в восторге.

— Блин, Зме, только без подробностей. Не хочу знать, зачем тебе бритва. Предпочитаю считать, что ты изначально совершенна.

— Да ради бога, — засмеялась она, — но бритву таки купи. Потому что ты не настолько изначально совершенен, и щетина твоя колется.

Процесс покупки оказался удивительно простым — продавец попросил нас подтвердить выбор на встроенном в прилавок терминале, приложить карты, которые, пискнув, лишились содержимого. Затем в стене открылась ниша, где купленное лежит, упакованное в вакуумную пленку. Примерять не надо — Змейса предупредила, что все, слава цифровому сканированию, уже подогнано по фигуре. Точнее, изготовлено сразу по ней. Ее то ли печатают, то ли еще как-то делают автоматические производства и пуляют прямо в магазин по подземным трубам пневмодоставкой.

— Удобно, — признал я.

— Это одежда для бедных, — пояснила Змейса. — Не совсем нищих, тем даже такая не по карману, а нижний средний класс, пожалуй. Неплохая по качеству, но совсем не престижная. Те, кто может себе позволить, одевается в натуральные ткани, а не в этот масс-маркет. Так что готовься, к вечернему визиту тебя придется приодеть.

— О черт.

— А ты думал. Никто не обещал, что будет легко!

***

— Какой-то уныловатый город, — пожаловался я Змеямбе, когда мы, нагруженные пакетами (в основном Алькиными), побрели обратно.

Шоппинг меня всегда выматывает и портит настроение, но, надо признать, здешний наименее травматичен.

— Посмотришь на него вечером и изменишь мнение, — заверила она. — Вся жизнь тут начинается, когда стемнеет. И районч ик не лучший, конечно. Контора нашла дешевую гостиницу. В центре куда пафосней.

— А мне нравится, — неожиданно сказала Алька. — Необычно. Жаль только, что зелени совсем нет.

— Как по мне, слишком индустриально… — начал я и осекся. — А это что за хрень?

То ли с крыши, то ли с одного из балконов на дорожку перед нами спрыгнуло… Нечто. Черная с серым фигура, как будто отлитая из сегментированного гладкого пластика. Защитные щитки на животе, плечах и коленях, закрытый шлем с круглыми, слишком широко расставленными окулярами, в которых рдеют красные кружки подсветки. Меня больше всего удивило, что вся эта сбруя имеет выраженные гендерные признаки — два черных полушария спереди. Поди ж ты, самочка.

Фигура, спрыгнув, погасила вертикальную скорость, спружинив ногами, присев на одно колено и картинно оставив в сторону длинный темный меч. Или саблю. Или катану. Я не знаток клинкового оружия. Полсекундная пауза — возможно, чтобы мы успели перед смертью оценить изящество позы, а потом эта штука кинулась на меня. То ли я ей чем-то особенно сильно не глянулся, то ли оно феминистка и не любит мужиков, то ли я просто шел первым, и этого хватило.

Удар сабли должен был бы снести мне голову, но я кинул в атакующую все, что нес в руках, — пакеты со шмотьем — и отпрыгнул. Кончик клинка свистнул в неприятной близости.

— Банг! Банг! Банг! — Змеямба влепила ей три патрона.

Не увидел куда, но она вряд ли промахнется на такой дистанции.

— Банг, банг, банг, банг, банг! — уже вдогон.

Стремительный рывок, прыжок, балкон, второй балкон, крыша — и все, пишите письма. Секунд пять заняла наша бурная встреча.

— Что это было, Зме? — выдохнул я.

— Без малейшего понятия, Док, — ответила Змеямба, меняя обойму.

— То есть это не просто славная местная традиция? Отрубать случайным прохожим бошки на улицах?

— Я о таком не слышала, — вздохнула снайперша. — И, кстати, оно нацелилось конкретно на тебя.

— Пожалуй, попрошу у Слона пистолет.

— Ну вот, — расстроенно сказала Алька, — а я даже не примерила…

Она держит в руках две белоснежные кружевные полусферы. Видимо, были частями лифчика, но сейчас пребывают отдельно друг от друга, разделенные удачно прошедшим лезвием меча.

— Выпроси у Джаббы ниток и сшей, — пожала плечами Змеямба.

— Или сделай две шапочки, — выдвинул встречное предложение я.

Кажется, мы ее не очень утешили.

Я в этом мире всего пару часов, и меня уже хотят убить. Многообещающее начало.

Глава 5. Гендерная валидация

Наряжали меня Слон и Змеямба. Я ждал местных нарядов немыслимой роскоши, поэтому, когда передо мной вывалили на кровать ворох совершенно обычной одежды, немало удивился.

— И смысл? — спросил я, разглядывая новенькие и приличные, но простые джинсы.

— Сравни с тем, что ты сегодня купил, — посоветовал Слон.

Я достал из пакета местные штаны. Штаны как штаны. Плотная, мягкая, прочная ткань, на ощупь довольно комфортная. Нет швов, как будто штанины делались целиком. Покрой свободный, цвет — черный. Ремень не требуется, поясная часть эластичная и удобно обтягивается по фигуре. Карманы могли бы быть и побольше, но не принципиально.

— Эти удобнее, — сказал я.

— Но они синтетические! — заявила Змеямба таким тоном, как будто я их из помойки обосранными достал.

— Синтетика для нищебродов, — пояснил Слон. — Ее тут производят мегатоннами, она дешевая, такие штаны просто печатают за десять секунд.

Он взял с кровати простую белую рубашку и показал этикетку.

— Чистый хлопок! Его надо вырастить, собрать, обработать, превратить в нить, нить в ткань, ткань раскроить, потом сшить нитками… В общем, разница в себестоимости, как у манускрипта чернилами каракатицы на пергаменте из шкуры с жопы дракона против странички из принтера.

— Так я по местным меркам офигеть какой денди? — поразился я, разглядывая в зеркале свою хлопчатобумажную футболку с выцветшим принтом «I'm too old for this shit».

— Если бы твоя собственная одежда не была такой

потасканной, я бы тебя и переодевать не стал, — подтвердил Слон. — Поверь, я знаю, что делаю.

В результате, напялив, по заверению командира, прикид местного олигарха, я выгляжу, как менеджер средней руки — джинсы, рубашка, кожаная курточка, кожаные туфли.

Змеямба повязала мне на ковбойский манер обычный платок, закрыв нос и рот, как будто я за коровьим стадом скачу с лассо и револьвером. Кстати!

— Пистолет выдай, — попросил я Слона. — А то в следующий раз закидать нападающего лифчиками может не получиться.

— Непременно, — ответил тот, — но потом. Все равно туда с оружием не пустят. Но вообще история загадочная — это не наемный киллер. Костюмчик такой стоит… Даже не знаю, с чем сравнить. Я когда в первый раз увидел, аж ручки затряслись – хачу-нимагу! Змейса только зря патроны потратила — пули ему нипочем. Прилегает, как вторая кожа, усиливает движения, улучшает обзор, позволяет видеть в темноте, дышать под водой или в отравленной атмосфере, огонь ему пофиг, радиация пофиг… Пригодилась бы такая штука, согласись.

— Цену не потянул? — понимающе спросил я.

— На него просто нет ценника. Это только для представителей высшей аристократии.

— Получается, мне пыталась снести башку какая-то здешняя графиня, не меньше?

— Здесь аристократия другого рода, но типа того. Можешь гордиться, без шуток. Костюмы — для дуэлей равных, — Слон говорит вполне серьезно, но мне как-то не верится.

— Это не было похоже на вызов на дуэль. Никто не кидал мне перчаткой в харю. Прыг, вжик, башка долой. Где ритуал, где секунданты?

— Предполагается, что если ты аристократ, то всегда готов, — пояснила Змеямба. — Милая местная традиция. К счастью, работает только среди выпердышей самого высшего света. Странно, что удостоили чужака.

— А ты, Слоняра, мне даже пистолет не даешь, — расстроился я.

— Да толку от того пистолета, — отмахнулся Слон. — Твоя загадочная графиня убежала изменившимся лицом не потому, что Зме начала в нее палить, а потому что не смогла уложить тебя красиво, одним точным ударом. Рубить в капусту по местным понятиям неизящно — атака не удалась, атакующий удаляется, чтобы вернуться позже.

— Утешил, блин, — вздохнул я. — Ладно, буду на ночь

подпирать дверь стулом.

— Тогда придумай условный стук, — засмеялась Змеямба. — У меня есть планы на твою дверь.

— О, наша Змейса уже вползла в койку вдовца? — удивился Слон. — Одобряю. Жизнь продолжается, ребятки.

Мне хотелось сказать: «Не твое дело», — но это так же глупо, как обижаться на Змеямбу, что та растрепала про наш секс. Каждый из нас такой, какой он есть. Слон многих похоронил, Зме со многими спала. Для меня смерть и секс значат не то же, что для них.

***

Алиану нарядили, как школьницу, — юбочка, блузочка, гольфики. Все простенькое, но натуральное. Где только взяли. Такой же, как у меня, платок на лице.

— Здесь так не носят, — пояснила Змейса, — но я решила, что у вас должна быть некая личная изюминка в дресс-коде. Уверена, это еще станет модным.

Я добавил к платку очки-авиаторы, Алька обошлась так, зато у нее в руках небольшой чемоданчик.

— Там полевая аптечка, — сказал Слон. — Просто чтобы было.

Для визита подали машину. Перед выходом Слон нас придирчиво осмотрел, покивал головой довольно.

— Годно. Не зря мы подобрали эту мамзель, она эстетически отвлекает от твоей потасканной возрастной хари. Юбочку можно было бы покороче, но и так неплохо.

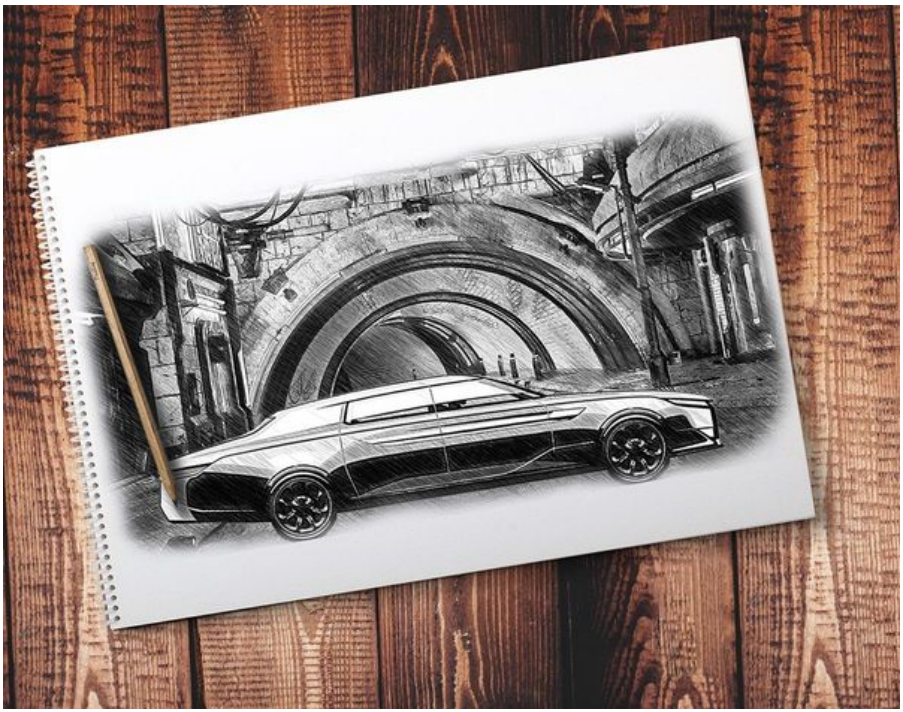
Альке наряд действительно идет. Впрочем, покажите мне, что не пойдет юной девушке с хорошей фигурой.

— Только рот не раскрывай, — инструктирует ее напоследок командир. — Твоя роль — подставка для чемоданчика. Что бы там ни происходило — молчи.

Алиана молча кивнула. Поняла, значит. Мою роль мне уже описали — знаменитый в иных мирах Целитель Док. Безногие начинают ходить, немые — говорить, а тупые — молчать, как только я возлагаю на них… Руки, а не то, что вы подумали. Будучи по легенде звездой масштаба Мультиверсума, могу позволить себе некоторую эксцентричность, так что если даже ляпну что-то не по протоколу, меня не сразу убьют. Это утешает. На это мы и спишем то, что о протоколе общения с высочайшим лицом этого мира я понятия не имею. Слон бы меня проинструктировал, но он и сам не в курсе. Даже глава делегации, которую мы типа охраняем, не допущен до столь высоких сфер. А я, значит, удостоился. Не питаю на этот счет иллюзий — если император допускает к своей особе проктолога,

это не значит, что тот становится ему равен. Он даже жопе его не становится равен.

Машина роскошная, этакий блестящий лимузин с уходящим вдаль бескрайним капотом. Водитель в беспросветно-черной маске выскочил как черт из табакерки, с поклоном открывая для нас дверь. Дверь широкая, толстая, судя по толщине стекол — бронированная. Весело живет здешняя элита.



Разговаривать в машине Слон превентивно запретил, потому что слушают, так что я, утонув в мягком сиденье, пялюсь в окно. Змеямба права — вечерний город куда интереснее дневного. В основном за счет неоновой подсветки и тумана. Эти два явления дополняют друг друга, создавая загадочный эстетический фон для пешеходов и машин. И те, и те не пренебрегают подсветкой контуров, превращая улицы в оригинальное световое шоу. Машины люминесцируют обводами, переливаются лампочками на колесных дисках и светят под себя синим, зеленым или красным, как будто тут слет колхозных стритрейсеров. Пешеходы подсвечивают лица за стеклами масок, на их одежде светятся швы, их обувь моргает в такт шагам. Из-под женских юбок свет разливается по ногам так, как будто у них фонарики вместо тампонов. А может, так оно и есть. Сомнительная эстетика, на мой вкус, но все же не лишено своеобразного шарма. Наверное,

батарейки тут дешевые.

Чем ближе к центру, тем больше неона, тем выше здания и тем шире улицы. Лимузин нырнул в подземный тоннель, промчался по нему и остановился на подземной парковке. Водитель выскочил, открыл с поклоном дверь, показал приглашающим жестом на лифт. Тот раскрыл перед нами зеркальные недра, и мы предались самосозерцанию, пока он вжимал нас в пол ускорением. Ничего, неплохо выглядим. Особенно Алька, но меня спасает платок на роже и темные очки. Слон явно не собирается выделяться, поэтому одет казуально, в местное. Его роль сегодня никакая, доставил — и в сторону.

Судя по скорости подъема, мы должны были выйти на низкую орбиту, но вышли в каком-то разнеможном вестибюле, где нас встретил человек в строгом костюме, с которым странно смотрится маска, стилизованная под промышленный противогаз. Глава делегации кивнул Слону, а нам представляться не стал. Просто показал жестом следовать за ним, и мы последовали, оставив Слона в одиночестве.

Проводив до двери, внимательно нас осмотрел, кивнул, коснулся рукой двери, и та раскрылась. Внутрь мы с Алькой прошли вдвоем — видимо, роль главы делегации состояла именно в том, чтобы провести нас от лифта. Сложно у них тут все.

В помещении никого, стоим и рассматриваем интерьер. Я сообразил, что забыл спросить, как называется должность местного главнюка. Кто он? Президент, царь, председатель колхоза, властелин мира, божий помазанник? Три с минусом Слону за инструктаж.

К счастью, вошедший человек не стал ждать, пока я обращусь к нему по званию, а заговорил сам. На нем свободный плащ с капюшоном и жутковатая черная с металлом маска. Чорный Властелин прям-таки. Саурон Воландемортович Палпатин.

— Я владетель Креон, спикер правящей фракции, — сказал он через дырки маски вполне обычным голосом.

Должность не впечатляющая, но мало ли, какие за ней стоят полномочия. Спикер протянул мне руку, я ее пожал.

Странное ощущение — как будто на ней жесткая перчатка. Но еще страннее, что я ее не почувствовал. Нулевой импакт при касании, как за деревяшку подержался.

— Я Док, — представился я коротко.

Чем меньше говоришь, тем меньше вероятность ляпнуть что-то такое, что приведет к дипломатическим казусам. Где аристократия, там и этикет. Причем наверняка весьма замудренный, чтобы если какая низкородная сволочь случайно пролезла, ее сразу видно было — не так сидит, не так свистит, не тем концом вилку не в тот глаз тычет. Это в стратифицированном обществе завсегда так. Надеюсь, иномировое происхождение меня отчасти оправдывает, хотя бы на уровне «смешного варвара».

— Про вас рассказывают настоящие чудеса, — Креон меня рассматривает, я его тоже.

Он в маске, я в очках и платке, позиции равные.

— Я не всесилен, — предупреждаю я честно.

— Никто не всесилен, — соглашается спикер, — я проведу вас к сыну.

Алька со мной для мебели, ее игнорируют, она молчит. И славно.

Двери перед Креоном раскрываются сами, он шествует торжественно и плавно, с немного неестественной пластикой, которую не до конца скрывает даже плащ. Такое впечатление, что ему в жопу вставили лом до самых гланд. Или он носит корсет.

Интерьеры резиденции хороши — если вы любите футуромодерн. Или как там это называется, когда все белое, гладкое, гнутое, подсвеченное и с закругленными уголками? Я не любитель постиндустриального пафоса, но должен признать — в таких масштабах он впечатляет.

— Мой сын, Калид, — представил спикер сидящего в кресле подростка.

Тот наряжен в широкие одежды, на лице белая овальная маска с кроваво-красным ртом и черной неровной полосой там, где должны быть глаза. Немного похоже на ту, что я видел на гостиничной хостес, но сразу видно, что та — дешевое подражание, а эта — неповторимый оригинал. Вроде ничего особенного в ней нет, а прям мороз по коже. Так в этом мире выглядит подростковое отрицание?

— Это Док, — сказал Креон. — Он тебя осмотрит.

Парень не отреагировал. Он сидит и смотрит на экран какого-то гаджета в руке. Знакомая картина, что уж там. Миры разные,

но подростки везде остаются подростками.

Креон сделал поощряющий жест — мол, медицина, вперед. Не жди, в общем, реакции пациента. Поэтому я не стал задавать наводящих вопросов, типа «Что беспокоит?» и «Как вы себя чувствуете?», а просто подошел к креслу сзади и положил руки на плечи. Под моими руками они вздрогнули и напряглись, но и только. Да и черт с ним, мне активное содействие не требуется. Я сосредоточился на том, что вижу, и на секунду подумал, что меня клинит. Но нет, все верно.

— Что с моим сыном? — строго спросил Креон.

— Извиняюсь, если это сюрприз, — ответил я растерянно. — Но у вас дочь.

***

Плечи под моими ладонями нервно дернулись, и я убрал руки. Воцарилось неловкое молчание. Алька раскрыла было рот, наткнулась на мой огненный взгляд и закрыла обратно.

— Во избежание дальнейших недоразумений, — ледяным тоном сказал Креон, — напоминаю один раз. У меня — сын. Этот вопрос обсуждаться не должен. Ни здесь, ни, тем более, за пределами этого помещения. Последствия этого будут крайне негативны не только для вас, но и для ваших рекомендателей.

— Понял-понял, — моментально согласился я. — Гендер — социальный конструкт и все такое. Я чисто с медицинской точки зрения.

— Медицинская проблема у моего сына не между ног. Занимайтесь ей.

Я вернул руки на плечи, чуть придавил, снимая напряжение с дельтовидных мышц, провел ладонью вверх по шее, нащупал уплотнение в основании черепа. Раздвинул мягкие темные волосы — чуть выше наружного затылочного выступа, между ним и наивысшей выйной линией затылочной кости, наличествует некое инородное включение, выступающее наружу плоским диском размером примерно с ноготь.

— О том, что у вашего… ребенка торчит в голове, тоже нельзя спрашивать? — осторожно поинтересовался я.

— Это интерфейс слияния оболочки, — недовольно пояснил спикер.

Я положил ладонь на затылок. Подросток продолжает сохранять неподвижность и видимое спокойствие, но чувствую, что от напряжения его/ее едва не разносит в клочья. Нервы на пределе, пульс за сотню, адреналин зашкаливает. Вон, тонкие волоски на шейке встали дыбом. Был бы хвост — раздулся бы в меховой шар. Не укусила бы.

— Что там? — нетерпеливо спросил Креон.

— Мы можем обсудить это вне присутствия пациента?

— Чушь, — отрезал заботливый папаша. — Мой наследник способен принять правду, какова бы она ни была.

Как по мне, наследное дитя на таких нервяках способно принять ранний инсульт, но спорить явно бессмысленно. Вернул ладонь на затылок, гася адреналиновый шторм. Трачу себя на всякую ерунду.

— Как скажете, — ответил я сухо. — У вашего ребенка опухоль заднего отдела мозга в районе варолиева моста, сдавливающая преддверно-улитковые, лицевые, тройничные и отводящие нервы. Думаю, чувствительность лица сильно снизилась, и с мимикой проблемы, так, Калид?

Подросток судорожно кивнул.

— При дальнейшем развитии процесса сперва начнутся проблемы со слухом… — тело под моей ладонью вздрогнуло, и я поправился. — Начались. Затем разовьются нарушения в управлении моторикой тела. Возможно затруднение глотания вплоть до невозможности приема пищи. Потеря ориентации в пространстве. С вашего позволения, не буду продолжать, прогноз так себе. Я не знаком с конструкцией и принципами работы вживленного устройства, но судя по расположению, его связь с заболеванием весьма вероятна. Уточнение потребует углубленного обследования, но в первом приближении я бы рекомендовал удаление импланта.

— Это исключено! — резко оборвал меня Креон. — Вы должны вылечить опухоль, не удаляя его.

Под моей ладонью снова начал раскручиваться адреналиновый торнадо, и я решил не обострять.

— Возможность такого лечения требует дальнейшего обследования.

— Обследуйте. Буду ждать доклада, — отрезал Креон.

— Калид, полное подчинение, — скомандовал он подростку. — Не препятствовать осмотру.

Мне пришлось снова притормозить надпочечники, чтобы ребенка не порвало в клочья адреналином, но внешне это выразилось только резким кивком головы. Приз «Лучший отец года» я бы спикеру не вручил, но у аристократии всегда такие заскоки. «Пусть ребеночек вырастет полным психопатом, лишь бы не таким, как это быдло вокруг».

Креон развернулся и покинул помещение. Мы остались втроем.

— Медицина — неприятная штука, — сказал я подростку. — Болезненно нарушает личные границы. Так что заранее извиняюсь за возможный дискомфорт, в том числе моральный.

Молчание было мне ответом. Я выдержал паузу и продолжил:

— Для начала сними, пожалуйста, маску. Я должен оценить нарушения иннервации лица.

Он/она поднял/а руки, что-то нажал/а на краях, маска щелкнула и упала на колени. Я застыл, а Алька не выдержала:

— Какая красивая! — выдохнула она шепотом.

Редкостной, почти невозможной красоты лицо. Большие, темные, слегка раскосые глаза, тонкий прямой нос, высокий чистый лоб, полные красивые губы. Закрывать такое маской — кощунство. Мне страстно захотелось все бросить и немедля нарисовать портрет, но это несвоевременный порыв. Блин, теперь у меня язык не повернется назвать ее в мужском роде. С трудом вернул себя в рамки профессионализма.

— Понимаю, что обстановка не располагает, но попробуй улыбнуться. А шире можешь? Подмигни. Левым, теперь правым. Хорошо. Скорчи рожу. Любую. Просто подвигай мимическими мышцами. Брови вверх. Ушами шевелить умеешь? А зря, попускает. Алька, подай шпатель. Вот здесь касаюсь — чувствуешь? А здесь?

Как я и думал, лицо почти ничего не чувствует, мимика сглажена и несимметрична. Улыбка выходит кривая, что несколько портит совершенство черт лица. Тревожный симптом.

— Эта штука у тебя в голове — она давно?

— Почти год, — наконец-то меня удостоили ответом.

Приятный голос.

— Она работает?

— Да. Я управляю силовой оболочкой в полном объеме. Остальные точки подключения также функционируют штатно.

— Хм… А сколько их всего?

— Кроме церебральной? Восемь. Коленная пара, локтевая пара, плечевая пара, позвоночная пара.

— Надо их осмотреть.

Девушка встала, молча сбросила на пол балахон и переступила через него, оставшись голой. Серьезно? И вот от этого она хочет отказаться? Да за одну мысль удалить такую грудь надо судить, как за преступление перед генофондом человечества!

— Ты такая красивая! — снова не сдержалась Алька. — Я думала, я красивая, но ты… Ты идеальная! Ты вообще знаешь, какая ты красивая?

— Мне говорили, — тускло отозвалась моя пациентка. — Это неважно.

— Как неважно? — задохнулась от возмущения ассистентка. — Еще как важно! Ну почему, почему ты решила, что мальчик?

— У спикера должен быть наследник, иначе, по уложению владетелей, он не может исполнять обязанности главы фракции. Наследником может быть только сын. Поэтому я сын.

Мимика у нее настолько слабая, что маска не нужна. Ее лицо — само по себе маска фарфорового совершенства, скрывающая эмоции. Но я их чувствую, касаясь руками кожи возле аккуратных наростов имплантов. Те еще бури эмоций бушуют внутри этого красивого тела. Два на руках — локтевые нервы, на пару сантиметров выше локтевой кости. Два — на наружных поверхностях ног, чуть выше колен — большие берцовые нервы. Два – выше груди, в районе латерального грудного нерва, ориентированы на плечевые сплетения. И еще по одному — на шейное и поясничное сплетения. Все нервные узлы гиперемированы, имеют признаки новообразований.

— Одевайся, — сказал я с некоторой долей очень немедицинского сожаления. Эх, рисовать бы ее и рисовать.

Алька аж засопела — она прямо прилипла глазами к фигуре.

— И каково тебе быть сыном, Калид? — спросил я, стараясь не слишком пялиться на одевающуюся девушку.

— Пока никак. Меня начали готовить к операции, но начались проблемы тут, — она постучала пальцем по затылку. — Пришлось прекратить. Отец был в бешенстве.

— А ты?

Она не ответила.

— Сядь и наклони голову вперед, — вздохнул я. — Посмотрим, что с этим можно сделать…

***

— Опухоль связана с наличием импланта, — докладываю я Креону. — Похоже на спонтанное отторжение.

Поперек всех принципов медицинской этики спикер приволок дочь в свой кабинет, чтобы она присутствовала при оглашении вердикта. Она сидит с прямой спиной, руки на коленях, маска на лице поверх маски лица.

— Продолжайте, — ледяным тоном велит папаша.

— Медицинская рекомендация — подчеркиваю, медицинская, вне контекста — удаление импланта, отказ от гормональной атаки с целью маскулинизации, консервативное лечение опухоли. В этом случае я гарантирую полное излечение с купированием уже возникших симптомов в течение нескольких недель. Если необходимость трансгендерного перехода сохранится, к нему

можно будет вернуться позднее, после восстановительного периода.

— Исключено, — отрезал он. — Через три месяца выборная сессия Совета. В этот момент у меня должен быть наследник. Можете ли вы вылечить опухоль без удаления импланта?

— Я определенно смогу замедлить ее развитие. С высокой, но не стопроцентной вероятностью смогу добиться долговременной ремиссии. Однако после прекращения лечения опухоль вскоре начнет расти снова.

— Насколько скоро?

— Непредсказуемо. Скорее всего, у вас будут эти месяцы, ведь речь, как я понимаю, идет о них. Но вполне вероятно, что затем она погибнет.

— Он. Он погибнет. У меня сын.

— Ах да, простите. Он, конечно. Погибнет.

— Второй вопрос. Можно ли совместить операцию по смене пола с лечением опухоли?

— Введение ударных доз тестостерона само по себе рискованно, а при наличии опухоли гормонотерапия будет стимулировать ее рост. Теоретически, можно попробовать удержать баланс, интенсифицируя противоопухолевую терапию, практически это бесполезно. Слишком короткий срок. Особенно, если вам нужны, хм… внешние половые признаки. Метоидиопластика требует времени. Вы не сделаете из девочки мальчика за три месяца.

— А вы?

— Что — я?

— Вы — сделаете? Нашими методами это невозможно. А вашими? Разумеется, это будет крайне щедро оплачено лично вам, а ваши рекомендатели получат просимое.

Я завис. А действительно, рассматривая как абстрактную задачу, — смог бы? Никогда такого не делал, даже в голову не приходило — да и зачем бы? Но, если вдуматься… Да, наверное. Шанс ненулевой, хотя последствия предсказать не возьмусь.

Сообразил, что молчание затянулось, и все смотрят на меня. Креон — особенно пронзительно, даже маска не спасает.

— Не готов дать ответ, — уклонился я. — Мне надо подумать. Ранее в моей практике таких случаев не было.

— Я вижу, что вы можете это сделать, — твердо сказал спикер. — Но по какой-то причине не хотите.

Разумеется, навык «читать людей» входит в число базовых скиллов правителя.

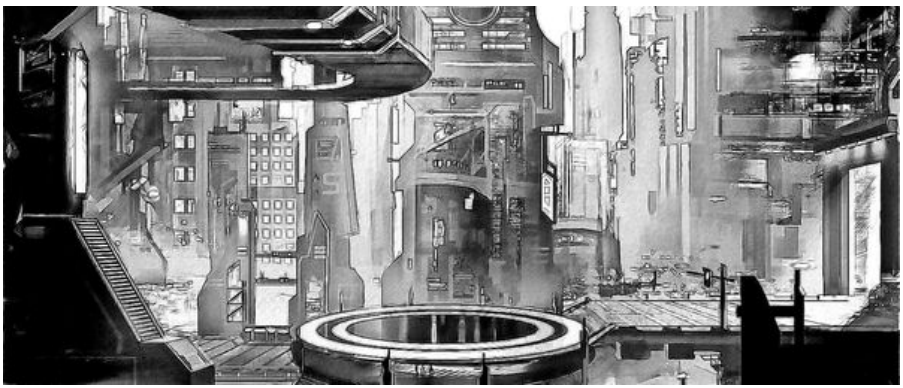
— Это несет крайне высокие риски как для меня, так и для пациента, — признался я честно.

— Вы получите компенсацию за личный риск. Риск пациента — не ваша забота. У вас сутки на размышление. Но учтите — если ответ будет отрицательным, вам придется немедленно покинуть наш мир. Вам и вашим рекомендателям. Разумеется, никакие договоренности в этом случае не будут реализованы. Можете быть свободны.

Провожать нас никто не пошел, но дверь мы нашли сами. Спину жег острый, как спица, взгляд Калидии.

Вот я влип, да?

Глава 6. Медицинский ультиматум



— Эта штука точно работает? — спросил я Слона, поставившего на стол глушилку. — Потому что если нет, мне кабзда.

— Не делай мне нервы, — отмахнулся командир, — рассказывай.

И я рассказал. И про сына/дочку, и про предложение, от которого отчетливо несет безымянным прахом из местного крематория.

— Ты не прав, — сообщил Слон, подумав. — Это не тебе кабзда. Это нам всем кабзда. Если ты откажешься, то никакого «покинуть этот мир» нам не будет. Точнее, будет, но в другом смысле. Потому что дать нам утечь с такой инфой — глупо. А он не глупый. Мы же можем вернуться, слить компромат конкурирующей фракции и получить от них то, чего не дает он. После того, как его фракцию скинут.

— Так может, нам свалить прямо сейчас, пока ультиматум не действует?

— А ты думаешь, он не действует? — скептически хмыкнул Слон. — Спорим на щелбан — все выходы перекрыты, кросс-локус блокирован, а делегация в заложниках?

Я не стал спорить. Я не такой параноик, как Слон, но и наивностью не страдаю. Мне сделали предложение, от которого нельзя отказаться. Такие ребята, как Креон, привыкли получать то, что им нужно.

— А если нет? — спросил я прямо. — Ты готов отказаться от контракта и свалить?

— Нет, — так же прямо ответил Слон. — Давай по чесноку, Док, мы с тобой не молодеем. Еще подергаемся, конечно, но

финишер уже занес флаг. Этот контракт даст выходное пособие, которое обеспечит нас до конца наших дней, да продлятся они в бесконечность!

— Нас или тебя?

— Нас, Док. Сделай, что он хочет, и я тебя не забуду.

— Да от чего тебя так триггернуло? Что за приз?

— Не скажу. Чего не знаешь, того не расскажешь. Даже под пытками.

— Утешил, блин.

— Это маловероятно. Слушай, Докище, ну в чем проблема? Мальчик, девочка — какая, в жопу, разница? Я понимаю за твою «медицинскую этику», я понимаю, что для тебя это риск…

— Ты не понимаешь, Слон, в том-то и дело. Я не рассказывал тебе, как это работает. Никому не рассказывал. Думаешь, я, как хилер в компьютерной игрушке, возлагаю руки и вливаю ману? Астральное выдавливание прыщей? Энергетическое вправление геморроя? Думаешь, чтобы сделать из девочки мальчика, я буду тянуть ее за клитор, пока он не вытянется в хер?

— Ну, нечто в этом роде, — признался Слон. — Ты уж тяни получше, расстарайся для будущего пацана.

— Так вот, это вообще совсем не так работает. Ты даже не представляешь, какие последствия могут быть у воздействия такого уровня! Я тоже не представляю…

— Так расскажи, испугаемся вместе, — хмыкнул Слон.

В дверь переговорной постучали.

— Могу я предложить вам кофе?

— Чёрт, вечно не дадут толком поговорить, — разозлился командир, — пошли на крышу, там не сразу выпасут.

Мы вежливо отказались от кофе и пошли к лестнице. По дороге нас перехватил Пугач.

— Слон, там на парковке…

— Местный спецназ? — проницательно спросил командир.

— Хуже. Гвардия владетеля. Бойцы выглядят, как ходячий трындец. На такого только с РПГ выходить, как на танк.

— Не надо РПГ. Не провоцируйте, и они не тронут.

— Есть не провоцировать, — мрачно ответил Пугач. — Что вообще творится, Слон?

— Не сцать, командир в курсе, командир знает, что делает. Иди, успокой народ, скажи, что все под контролем.

— Есть не сцать. А оно точно под контролем?

— Абсолютно, — убедительно соврал Слон.

Пугач удалился, недоверчиво покачивая головой.

—А ты сомневался, — невесело хмыкнул Слон, когда мы поднялись на плоскую крышу гостиницы, утыканную массивными

коробами вентиляции, антеннами и лифтовыми модулями. — Чёрта с два они нас выпустят.

Стемнело, город расцветился огнями сквозь туман. Стало мрачновато, но красиво. Есть в здешнем неоне своеобразное очарование. Мы встали у бетонного парапета, ограждающего крышу. Командир поставил на него глушилку и включил.

— Ладно, говори, что не так с твоим колдунством.

— Я не лечу людей. Я их меняю.

— Если это какая-то сложная аллегория, — пожал плечами Слон, — то я её не понял.

— Мультиверсум имеет фрактальную природу, так? Ты как проводник должен понимать это лучше всех — именно фрактальность дает тебе возможность войти в один гараж и выйти из другого.

— Я не силён в теории, — признался он. — Просто пользуюсь.

— В общем, это так. Есть даже легенда, что в начале времен некие демиурги, называемые Основателями, не смогли договориться о том, каким будет Мироздание, наглухо пересрались и тем создали первое ветвление фрактала, породив Мультиверсум.

— В жопу легенды, — отмахнулся Слон. — Ближе к делу.

— Так вот, если мне надо вылечить прыщ, я не убираю воспаление фолликула и не заживляю пустулу. Я заменяю человека с прыщом человеком без прыща.

— Вот щас не понял.

— Есть бесконечное множество вариантов здесь-и-сейчас. В каких-то этот прыщ просто не возник — пора не закупорилась, бактерии не проникли, воспаление не началось. И я привожу реальность к этому состоянию. Прыщ не пропадает моментально, потому что метрика умеренно эластична, но оказавшись в той микроветви фрактала, где он не возник, постепенно исчезает, осознав свою неуместность…

— Прыщ осознаёт свою неуместность? — удивился Слон. — Док, ты сам себя слышишь сейчас?

— Чёрт… Не так, конечно. Я просто не знаю, как это правильно сказать — нет подходящих слов. Может быть, Вселенная понимает, что прыща быть не должно, и он растворяется в облаке вероятностей.

— Она что, по-твоему, разумная?

— Хер его знает, Слон. В общем, прими как факт — в определённых условиях и до определённого предела Мультиверсум можно прогнуть под себя. Пожелать — и станет по-твоему. Заменить мир, где пуля пробила Змеямбе перикард, на

тот, где она прошла миллиметром выше. Потом на тот, где рана не такая глубокая. Потом на тот, где рана была давно и уже почти зажила. Потом на тот, где от неё один шрам и костная мозоль на ребре.

— Да, такое не забудешь, — кивнул Слон. — Все в кровище, Змейса белая и не дышит, а ты над ней трясёшься и глазки закатил. Допустим, ты не зашил ей дырку усилием нижней чакры, а поменял мир так, что дырки не стало. Или поменял Змеямбу с дыркой на Змеямбу без дырки и не перепутал, без какой именно дырки. Но я всё ещё не понял, в чём проблема. Змеямба жива, ты тоже, контракт закрыт, едем дальше.

— Какого цвета у меня глаза?

— Серого, — ответил Слон уверенно. Зрительная память у него отменная.

— Были карие. У кого в команде был позывной Штихель?

— Ни у кого.

— У твоего заместителя, он же твой двоюродный брат.

— У меня нет двоюродного брата!

— С тех пор нет. Точнее, с тех пор его никогда не было, у меня с рождения были серые глаза, Змеямба не рожала, а у моей жены оказалась неоперабельная опухоль мозга, о которой я узнал слишком поздно, потому что тот я, который о ней знал и должен был вернуться и вылечить, был, наверное, Доком-с-карими-глазами, а не мной. А этот я не знал, она не дождалась и умерла, думая, что я её бросил. Вот примерно так это работает, Слон.

— Опизденеть.

— Именно. И ведь это только то, что я заметил.

— Да, страшный ты человек… — сказал задумчиво командир. — Слушай, а ты не можешь, например, изменить мир так, чтобы Креон просто отдал нам искомое, и мы бы свалили доживать свой век в какой-нибудь тёплый мир, где есть море, пляж, крепкие коктейли и толпы очаровательных юных геронтофилок, всегда готовых бескорыстно приласкать ветерана?

— Нет, Слон, это так не работает.

— Обидно, сука.

— Сука, да.

— И какой был мой двоюродный брат? Ну, этот, Шпатель?

— Штихель. Крутой был. Но злобный, как подавившийся кактусом медоед. Ты его постоянно осаживал. Честно сказать, мне его не жалко. А вот у Змеямбы был отличный пацан.

— Какое говно.

— Полнейшее. А представь, что будет, если изменить мир так, чтобы вместо девочки оказался мальчик?

— Что?

— Понятия не имею, в том-то и дело. Лучше бы мне ограничиваться прыщами.

— Жаль, что ты не можешь просто потянуть её за клитор. Чёрт, мне надо выпить. Составишь компанию?

Я бы составил, но у кого-то были другие планы на вечер. На этот раз таинственная графиня решила не скрываться. Не знаю, как она попала на крышу, но я увидел её уже идущей к нам — быстрым легким шагом, красиво неся саблю наотлет. Вот позёрка — надо было подкрасться и зарезать без этого театра. Все равно оценить будет некому.

Слон отреагировал моментально — выхватил пистолет и пошел по дуге в сторону, выцеливая нападавшую. Она не обращает на него внимания, наведясь точно на меня, но, когда он начинает стрелять, резко меняет направление движения легко уклоняясь. Скорость и пластика потрясающие. Я просто стою — бежать глупо, сражаться нечем. Если удастся коснуться ее раньше, чем меня коснется меч, есть неплохой шанс изменить этот мир на тот, в котором она неожиданно описалась, замкнув свой костюм. Если он, конечно, электрический. Шутка. Никаких нелетальных приемов. Остановлю сердце и как звать не спрошу.

Слон все-таки попал нападавшей в плечо, от чего она дёрнулась, покачнувшись и сбившись с шага. Калибр у его пушки тоже слоновий. Но это не помешало бы ей снести мне башку — буду честным, шансов у меня было примерно ноль, — если бы на крыше не возникли новые действующие лица. Угловатые чёрные фигуры в защитной броне, закрытых шлемах, увешанные оружием и снаряжением. Движутся они не так изящно, как дама с мечом, но уверенно, быстро, целеустремлённо — а ещё их много, человек десять. Один из них сделал запрещающий жест в сторону Слона — и тот опустил оружие. Двое технично отсекли нападающую от меня, остальные пошли на сближение. Оружие не применяют, видимо, решили брать живьём.

У дамочки с мечом оказались другие планы. Временно передумав сносить мне башку, что я мысленно горячо приветствовал, она запрыгнула на вентиляционный короб и попыталась разорвать дистанцию. Гвардейцы ускорились, торопясь взять её в клещи, но не тут-то было — мадама помчалась как в попу укушенная, прыгая с возвышения на возвышение, как горная коза. Один из вояк прицелился в неё из зловещего вида стрелялки, но его остановил запрещающим жестом собственный командир. Видимо, валить аристократок наглухо тут не принято, даже если они попались на попытке отчекрыжить голову ценному мне. Жаждущая моей крови дамочка бодро скакнула с крыши куда-то ниже и затерялась в подсвеченном тумане.

Предполагаемый командир гвардейцев подошел к нам и сказал синтетическим электронным голосом из-под шлема:

— Владетель Креон отдал распоряжение о вашей защите. Покидать здание временно воспрещается.

— Для нашей, разумеется, безопасности, — скептически констатировал Слон.

— Именно так, — подтвердил гвардеец.

— Какая ирония, Док, — нас наняли для защиты делегации и приставили личную охрану.

Командир гвардейцев наши рассуждения проигнорировал.

***

Ближе к ночи ко мне в комнату пришла Змеямба, и у нас был

отличный секс. Потом она сидела на кровати голая, я рисовал её углём на картонке из-под местного аналога пиццы и думал: она мне благодарна за то, что я спас её жизнь. Мы об этом не разговаривали никогда, но я знаю — благодарна. Вот она сидит, уже не молодая, но ещё красивая — грудь, живот и бёдра нерожавшей женщины. Но что бы она сказала, узнав цену? Был бы я проклят за то, что сделал?

Иногда мне кажется, что я давно проклят, хотя сперва думал, что благословлен.

— У тебя здорово получается, Док, — сказала Зме, посмотрев набросок.

— Спасибо.

— Ты чем-то расстроен, я вижу. Хочешь поговорить?

— Может, и хочу, но нельзя. Не обижайся. Я бы рассказал тебе, если б мог, но…

— Понимаю. Секреты, тайны, уровень допуска — все как положено. Никаких обид, дело военное. Остаться с тобой или уйти к себе?

— Я не способен повторить прямо сейчас, но…

— Я не про секс, дурачок, нам обоим не восемнадцать. Могу просто побыть теплым плечом рядом.

— Побудь, Зме. Ты права, мне это нужно.

Мы полежали, обнявшись и делясь теплом, потом меня все-таки хватило на второй раз, а потом мы уснули, прижавшись друг

к другу. Наверное, ей тоже нужен кто-то рядом.

***

Машина за нами пришла утром. Креон не дал мне обещанных суток.

— Владетель требует вас немедленно. Его сыну стало хуже, — сказал сопровождающий.

— Зме, если будет возможность свалить отсюда — все бросай и вали, — предупредил я ее на ухо, обнимая на прощание.

Она осталась стоять в холле, задумчиво глядя мне вслед, а нас с Алькой торжественно погрузили в машину.

Спикер, он же владетель, он же заботливый папаша Креон, встретил нас в кабинете.

— Сутки ещё не истекли, — сказал я с намеком на укоризну в голосе.

— Обстоятельства вынудили сократить этот срок. Ваше согласие очевидно, на формальности времени нет. Калиду внезапно стало хуже. Утром он потерял сознание на лестнице и упал, получив легкие повреждения тела.

— Я осмотрю ее… Его.

— Вам и вашей ассистентке выделены комнаты в апартаментах наследника, ваши вещи привезут к вечеру.

— Я бы предпочел возвращаться в гостиницу…

— Исключено. Ему требуется постоянный медицинский надзор. Пока результат не будет достигнут и подтвержден, вы остаетесь здесь.

Я не стал спорить. После вчерашнего появления гвардии я этого ожидал — слишком велики ставки, при этом кто-то явно не хочет, чтобы Креон добился цели. Настолько, что готов снести мне башку. Логично держать меня под рукой и под присмотром.

А вот Алька расстроилась, это видно. Но промолчала. Умная девочка.

Пациентка сидит в кресле, поджав босые ноги, смотрит в экран.

— Привет, Калидия, — поздоровался я приветливо.

Ответа не получил.

— Что за внезапное ухудшение? — я решил не обращать внимания на ее неприветливость. Стерпится-слюбится, нам тут долго торчать. А если и нет — то и черт с ней.

— Голова закружилась. Упала. Ударилась.

— Покажи.

— Ерунда, синяки.

— Раздевайся и показывай, — велел я.

Хоть полюбуюсь на красоту, которой собираюсь лишить человечество. Мальчик, наверное, будет симпатичный, но девочка

— отвал башки.

Синяк на бедре небольшой, ссадина на локте, ссадина на лбу, большой, круглый, лиловый кровоподтек на плече. Это она здорово приложилась.

— Обо что ты так?

— Не знаю. Отключилась на секунду, пришла в себя — лежу внизу лестницы.

— Странно, не ожидал такой динамики, — удивился я, положив ей руку на затылок. — У тебя не было каких-то чрезмерных нагрузок?

Промолчала. Да и чёрт с ним. Какая разница? Важны следствия, а не причины.

— Улыбнись. Подвигай бровями. Пошевели ушами… Знаю, что не умеешь, просто попробуй. Завтракала?

— Да.

— Глотала нормально?

— Ну… Как будто через силу немножко.

— Плохой признак. Не знаю, что ты делала с момента прошлого осмотра, но больше этого не делай, потеря глотательного рефлекса нам точно ни к чему.

Снова промолчала. Лицо окончательно застыло прекрасной неподвижной маской, улыбок на нём больше не будет, иннервация блокирована. Снизилась внятность речи из-за нарушенного контроля губ. Целоваться ей в ближайшее время не светит. Интересно, она вообще целовалась? Тьфу, какие глупости лезут мне в голову. Внешность имеет значение — будь она страшненькая, я бы воспринимал ситуацию спокойнее, хотя с точки зрения медицинской этики не должен. Вон, даже Алька сопит расстроенно.

— Ну что же, приступим.

— Как это будет… Происходить? — не выдержала девушка.

Страшно ей, надо полагать. Мне было бы страшно.

— Довольно просто — для тебя. Ты сидишь, лежишь, стоишь — как тебе удобнее. Я тебя рисую. Мы разговариваем.

— Рисуете?

— Звучит странно, понимаю, но работает. Можешь потом забрать наброски и сжечь, если хочешь. Искусство ничего не потеряет, я так себе художник.

— Я могу одеться?

— Да, конечно. Но маску, пожалуйста, не надевай.

— А разговаривать обязательно?

— Не хочется?

— Нет.

— Понимаю, я тебе неприятен, и у тебя есть на то причины.

Но придется — это контроль обратной связи.

— Не понимаю.

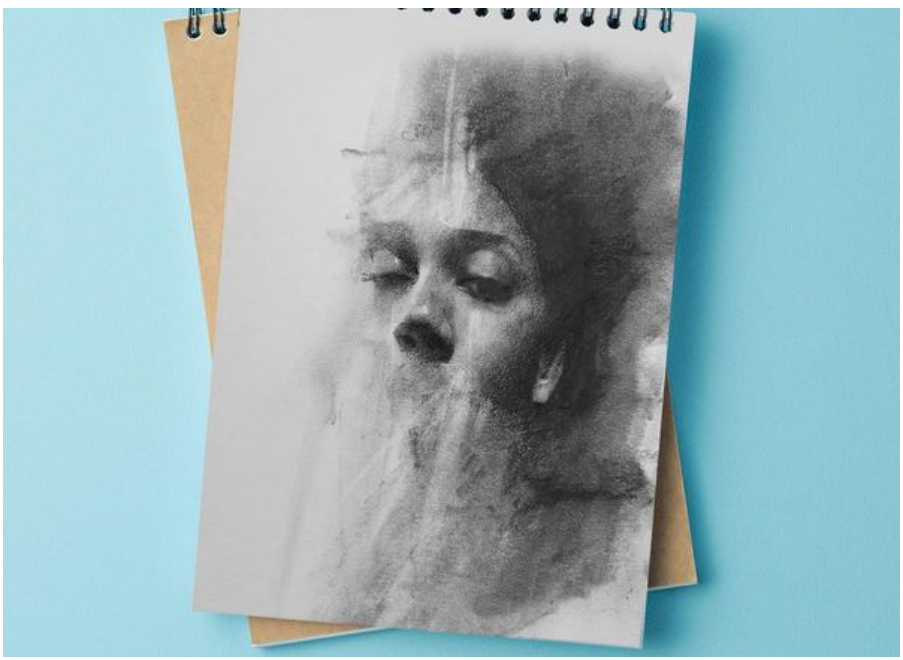
— Сложно объяснить. Когда мы говорим, я контролирую твою точку локуса на фрактале. Чувствую, как меняешься ты и как меняется мир.

— А без рисунков и разговоров не можете?

— Могу. Иногда приходится действовать быстро. Но и последствия непредсказуемы. Поскольку ты не умираешь у меня на руках от ранения в сердце, то лучше не спешить.

— И когда вы начнете?

— Уже начал. Ты сидишь, мы разговариваем, я рисую, — показал ей блокнот с наброском.



— Я ничего не чувствую!

— И не должна. Ты меняешься относительно мира, а не себя, потому что ты и есть точка отсчета.

— Не понимаю.

— Я и сам не очень понимаю, — признался я. — Но факт.

— И когда у меня… Отрастёт… Ну…

— Мужской половой признак?

— Да, — лицо бесстрастное, но её аж передёрнуло от отвращения.

— Всё будет не так, как ты себе представляешь. Сейчас тебе кажется, что ты будешь девочка-с-пипиской, несчастная и нелепая. Потому что проецируешь себя в мужское тело, и тебе

гадко. Так и было бы, если бы тебе поменяли пол гормонами и хирургией, да еще так экстренно, как планировал твой отец. Кстати, не подскажешь, почему? Если ему позарез нужен мальчик, логично было начинать до полового созревания, делать трансгендерный переход плавно, совмещая гормональную терапию с работой психолога, а не растить тебя девочкой до семнадцати, а потом угробить эндокринную систему ударными дозами тестостерона.

— У него был мальчик. Наследником был мой брат, но он умер.

— Соболезную.

— Не стоит. Я его почти не знала. У нас разные матери, мы встречались пару раз в год на официальных мероприятиях. Я даже лица его не видела ни разу.

— Разве это нормально? — влезла в разговор Алиана. — Если бы у меня был брат, я бы хотела с ним общаться!

— Зачем? — вяло спросила Калидия.

— Ну как же, это брат!

— И что?

Девушки смотрят друг на друга с непониманием. Детдомовская бессемейщина и аристократическая клановость. Одна все детство плакала в казенную подушку, мечтая о семье, другая не знала, куда от нее деться, и в сладких снах видела себя сиротой.

Жизнь всегда дает нам не то, что хочется.

— От чего умер твой брат? — переключаю разговор на себя.

— Его убили.

— Кто?

— Кто же признается? — удивилась Калидия. — Любая из враждебных фракций, желающая ослабить нашу. Любой из нашей фракции, считающий, что сможет занять место спикера. Спикер должен иметь наследника, поэтому наследник всегда мишень.

— Не хочешь быть наследником?

— Мои желания не имеют значения, — замкнулась девушка.

— А чьи имеют? Отца?

— Ничьи, — отрезала она. — Важны интересы фракции, отец их проводник.

— Для тебя они тоже так важны?

Замолчала. Не ответила. Лицо ничего не отражает, но я настроился на резонанс, и от нее веет безнадежной горечью. Нет-нет, так не годится, мне нужен вербальный контакт.

— Давай представим, что ты не дочь владетеля Креона, а просто девушка Калидия, которая никому ничего не должна. Чем бы ты хотела заниматься? Как жить?

— Зачем об этом говорить? Я — это я.

— Это ненадолго, — серьезно сказал я. — Скоро ты станешь другим человеком. Может быть, у него будут другие мечты.

— Он что, даже не вспомнит, что был мной?

— Дело в том, что он тобой не был, — ответил я. — Это будет молодой человек по имени Калид, и я с ним не знаком. А чего хотела бы девушка Калидия?

Она замолчала и задумалась. Я поступаю жестоко и неэтично, провоцирую и нагнетаю. Делаю больно. Но так надо. Эмоциональные реакции раскрывают пациента. Когда я закончу свои труды, девушки, которая могла бы меня этим попрекнуть, уже не будет.

— Не знаю, — ответила она наконец. — Мне сложно представить себя вне… Вне…

— Замкнутого круга обязательств и долга? — подсказал я.

— Да, пожалуй. Никогда не рассматривала себя отдельно. Для нашей семьи, ты — это и есть твой долг. По этому праву мы возглавляем тех, кто живет для себя. Потому что живущий для себя не может принимать решения за других.

— А кто-то обязательно должен принимать за них решения? — спросила Алька. — Разве они не могут сами?

— Не могут, — уверенно ответила Калидия. — Общество, где каждый принимает решения за себя, и никто — за всех, просто развалится и погибнет. Поэтому оно делится на тех, кто решает, и тех, кто подчиняется. Для их же блага.

— А что для них благо, тоже решают другие? — скептически спросила моя ассистентка.

— Конечно. Живущий для себя не видит картины в целом. Не может оценить перспективы. Не обернется ли его мелкое сиюминутное благо большими неприятностями в дальнейшем?

— А вы, значит, можете? — ощетинилась Алька. — С какой стати?

Надо же, у нас тут классовые противоречия!

— Люди нуждаются в руководстве, это аксиома. Разве в твоем мире не было руководящих и подчиняющихся? — спросила Калидия, не подозревая, в какое больное место «падчерицы градоправителя» ткнула.

— Были, — признала Алька, помрачнев, — но лучше бы их не было!

— Тебе так кажется, — не согласилась дочь спикера. — Если убрать тех, кто правит, их место просто займут другие.

— А может, не займут! Может, люди договорятся, и сами решат, как им жить! Откуда тебе знать? Вы просто держитесь за свою власть, чтобы вам все подчинялись! — разозлилась Алиана.

Может быть, стоит ее осадить в целях субординации, но мне нужна пациентка в активном эмоциональном взаимодействии.

— Ты когда-нибудь командовала людьми?

— Нет! Ну и что?

— Ты пробовала жить, никому не подчиняясь?

— Ха! Я сбежала, чтобы не подчиняться! — призналась в запале спора Алька.

— И теперь не подчиняешься?

— Нет!

— Уважаемый Док, — обратилась Калидия ко мне, — прикажите, чтобы ваша ассистентка ушла. Я требую!

— Алиана, иди в свою комнату, пожалуйста, — попросил я.

Та надулась, встала и пошла к выходу.

— Вернись, хватит, — велела девушка, но Алька упрямо вышла.

— Она поняла, что ты хотела доказать, — сказал я, — но тебе она все-таки не подчиняется. Только мне как ее командиру. И только в рамках моих командных полномочий. У нее тоже есть долг, как и у тебя.

— Вы разделяете ее анархистские убеждения? — спросила Калидия.

— В ее — и твоем — возрасте естественно быть анархистом, в моем — консервативным скептиком, — уклончиво ответил я.

— И все же, кто прав?

— Я не встречал общества без властной вертикали. Но Мультиверсум бесконечно разнообразен, так что все возможно.

— Вы видели много миров?

— Довольно много.

— Я бы хотела увидеть хоть несколько. Вы спрашивали, чего бы я хотела, если бы не была собой? Вот этого. Переходить из мира в мир, не останавливаясь нигде надолго. Потому что стоит остановиться — и снова увязнешь в обязательствах. Может быть, через какое-то время мне бы надоело путешествовать и захотелось бы где-то осесть, но это было бы не скоро. И точно не там, где я должна себя другим. Глупо, да?

— Ничуть, — покачал головой я. — Вполне понятное желание. Есть те, кто так и живет, хотя их и не много.

— Но не вы?

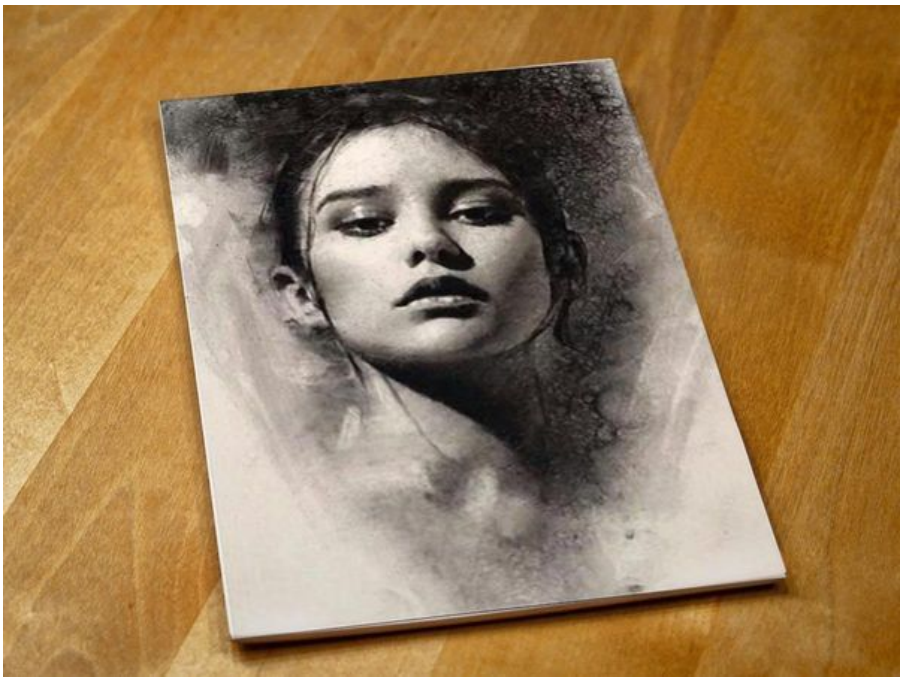
— Не я. Я, к сожалению, тоже человек долженствования. Делаю то, что должен, а не то, что хочется.

— А чего вам хочется?

— Ничего, наверное. Так что я тебе даже немного завидую. Твоя мечта, будем честными, вряд ли исполнится, но она у тебя есть.

— Лучше не иметь никакой мечты, чем иметь неисполнимую! — уверенно заявила девушка.

Я не стал спорить, хотя и не согласен. У меня была возможность сравнить, у нее — нет. И не будет. Ее вообще скоро не будет, и нам еще предстоит пережить момент, когда она это осознает.



— Скажите, — неожиданно спросила Калидия, — а менять людей так, как вы, многие умеют?

— Так, как я, — вряд ли.

— Повезло моему отцу, что он вас нашёл… — сказала она задумчиво.

«А тебе — не повезло, — подумал я. — Но нас с тобой не спрашивают».

— Вы сейчас меня меняли?

— Да, — ответил я честно, — ведь именно для этого я здесь нахожусь.

— Успешно?

— Вполне.

— А почему я не чувствую, что изменилась?

— Потому что теперь ты была такой всегда.

— Какой? — она непроизвольно сдвинула ноги, как будто боясь обнаружить между ними что-нибудь новое.

— Всего лишь девушкой, у которой опухоль чуть меньше, чем

у той девушки, которой ты была утром. Которой за ужином будет легче глотать. — «И у которой нет на плече синяка, чертовски похожего на заброневу травму», — подумал я, но вслух этого, конечно, не сказал.

— Спасибо, — сказала она растерянно.

— Не за что, — ответил я.

Не благодари, девочка. Я тебя не рисую, а стираю.

Глава 7. Генетический дрейф

Комната намного лучше, чем в гостинице. Стильный интерьер, роскошный санузел, удобная кровать, на которую я с удовольствием завалился. Посмотрел свой набросок — слабенько, пока слабенько. Даже для моих невеликих художественных умений. Но для первого раза сойдет. Всё равно не буду дорисовывать, начну после обеда новый. Это как следующий кадр в мультике. Каждый из них почти не отличается от предыдущего, но запусти со скоростью двадцать четыре в секунду и увидишь движение. От одного человека к другому. От Калидии к Калиду. Каким он будет? Не знаю. Однажды на очередной странице скетчбука появится его портрет. В этот момент от девушки останутся только мои наброски и воспоминания. Креон, конечно, будет помнить, что у него раньше была дочь — её удержит в памяти причинно-следственная связь, ведь он заказчик. Но вряд ли сможет вспомнить, какой она была. Так Слон помнит, что Змеямба умирала на моих руках, ведь он прикрывал нас огнём, давая мне время, но он не помнит, что у неё был почти взрослый сын. Ему сейчас было бы столько же лет, сколько Калидии, и они были бы отличной парой — в генетическом плане, он был красавчик. Но его нет, и никогда не было, и Калидии тоже скоро не будет, как будто её никогда не было. Дикий, не укладывающийся в голове парадокс.

Если бы Змейса умирала не так быстро, если бы у меня была возможность сидеть с ней день за днём, рисовать и беседовать — с сыном бы ничего не случилось. Рисунок за рисунком приводили бы к референсу, а я не корёжил бы себя и мир, впихивая одно в другое.

Вот картинка, где белая от потери крови Змеямба еле шевелит сизыми губами, прося меня позаботиться о сыне, а я зажимаю ей ладонью дырку в левой молочной железе. Вот картинка, где живая и здоровая Змеямба смеётся и просит прекратить лапать её сиськи. Потому что она, в общем, не имеет ничего против, но перед моей женой ей будет неловко. Выбитый из мира собственной башкой референс. Куда делись с её груди почти незаметные растяжки от кормления? Куда делся из её жизни короткий прощальный секс с тем женатиком, в которого она была безответно влюблена? Который, выходит, сберёг супружескую верность, и они расстались навсегда, так и не перепихнувшись напоследок. Вот же мудак принципиальный! Убыло бы с него?

Куда делись мои карие глаза, двоюродный брат Слона, нога Гая? Откуда взялась смертельная опухоль жены и какой-то полубезумный подросток на похоронах жены, назвавший себя нашим сыном? Не знаю, кто это был, и зачем ему это понадобилось. Увы, моя жена была бесплодна, и этого не мог исправить даже мой проклятый талант, потому что некоторые вещи изменить нельзя, так же, как нельзя заранее знать, какие именно.

— Ваш обед, тащ лейтенант, — Алька вкатила в дверь столик на колёсиках, сервированный красивой фарфоровой посудой.

— Тут наверняка есть какие-нибудь слуги.

— Я ваша подчинённая, товарищ военмед, вы всегда можете просто приказать.

А, вот в чём дело, она на меня дуется. Что позволил Калидии взять верх, продемонстрировать власть, подчеркнуть зависимое положение самой Альки. Умыла она её, что тут скажешь.

— Тогда приказываю перестать обижаться. Это глупо.

— Подчинённый не обязан выполнять приказ командира, если это невыполнимый приказ!

— Тебе бы устав почитать, — вздохнул я, — а не самой выдумывать. Но я тебе подскажу, в чём она была не права.

— В чём же?

— Да, ты должна выполнять мои приказы. Но это твой собственный выбор. До того, как ты сбежала, за тебя всё решали другие. С самого детства. Теперь это не так.

— Ну да, теперь за меня решает командир! Может, я снова сбегу! — топнула она ножкой с вызовом.

— Если до тебя до сих пор не дошло, — сказал я устало, — ты больше не собственность. Тебе не надо «сбегать». Ты можешь просто уйти. В любой момент. Мы не находимся в зоне активных боевых действий, работаем «по гражданке», ты вольна покинуть отряд, предупредив непосредственного командира за две недели. Но я могу не настаивать на соблюдении срока и отпустить тебя прямо сейчас. Формально твоё увольнение должен подписать Слон, но он не будет возражать, если я попрошу.

Алька замолчала, озадаченная. Кажется, ей просто не приходило в голову посмотреть на ситуацию под таким углом.

— Так что, уходишь сейчас или после обеда?

— Не ухожу, — буркнула девушка.

— Тогда изволь выполнить приказ.

— Какой?

— Не обижаться. У нас с тобой важное задание, практически миссия в тылу врага, и мы должны вести себя соответствующе. Работать как команда, а не сопли на кулак наматывать.

— Простите, я не подумала.

— Прощаю. Пойди поешь.

— Есть поесть, товарищ военмед! — хихикнула от внезапного каламбура, ушла к себе.

Алиана неглупая девочка. Но в силу специфической биографии в чём-то не по годам циничная, а в чём-то совершенно наивная. Ну да, уволиться-то она может. Но куда? В чужой мир в одних трусах? На ней даже одежда казённая, купленная на

подъёмные, которые она ещё не отработала. Это не говоря уже о том, то она теперь «секретоноситель» владетеля Креона, и кто её такую живой выпустит? Но я не буду это озвучивать. Жизненный опыт — дело наживное, однажды сообразит сама.

А мне пора рисовать следующий рисунок, приближающий меня на шаг к референсу.

***

— А каково это — быть парнем? — спросила Калидия.

— Мне не с чем сравнивать, — ответил я, начиная новый набросок. — На самом деле твой вопрос о том, чем отличается «быть парнем» от «быть девушкой», а как я могу оценить различия? Ну, мы, например, можем писать стоя, но вряд ли тебе интересно именно это.

— Анатомические отличия мне в общих чертах известны, — отмахнулась она. — А остальное?

— Гендерные роли задает социум, — пожал плечами я. — Мой родной мир исторически патриархален, идея равенства полов изменила его не слишком глубоко, так что мужчина в нём традиционно имеет больший спектр ответственности. Мир, из которого моя подруга Змейса, сильно феминизирован, и там, судя по её рассказам, такой проблемы нет. Мир, из которого Алиана, — полностью мужской, так что родиться в нём девушкой — тяжёлый гендерный гандикап. Учитывая, как сильно твоему отцу нужен мальчик, рискну предположить, что здешнее общество тоже предпочитает мужчин.

— Только в среде владетелей, — пояснила Калидия. — В нашей страте культивируется консерватизм — натуральные ткани, натуральная еда, живые слуги, гетеросексуальность, отсутствие телесных модификаций, мужское доминирование. Это не всегда соблюдается в быту, но в официальной части — очень строго. Поэтому владетель, претендующий на один из ключевых постов, должен быть женат на живой женщине и иметь минимум одного ребёнка мужского пола.

— А на какой ещё женщине он может быть женат? — не выдержала Алька. — На мёртвой?

— Мехра, принеси мне воды, — громко сказала в пространство Калидия.

Открылась дверь, вошла женщина в облегающем комбинезоне. Её лицо нейтрально-правильное, но невыразительное. В руках небольшой поднос, на котором стоит стакан с водой. Она подошла к девушке и подала поднос, склонившись в полупоклоне.

— Мехра — кибернетический организм, — пояснила та. — Процент механизированных имплантов выше пятидесяти,

ментальные функции ограничены. Она не может считаться живой женщиной в контексте брака владетелей. Для всех остальных такого ограничения нет, сожительство с кибернетическими организмами весьма популярно у среднего класса. Стратам с более низкими доходами это не рекомендовано, точнее, просто не по карману — лицензионные выплаты достаточно обременительны для тех, кто живёт на пособие.

— Не понял, — спросил я, внимательно разглядывая женщину, так и стоящую в полупоклоне, ожидая, пока девушка возьмёт стакан. — Она киборг? Что это значит? Её собрали на заводе из деталей? Но почему тогда механики не сто процентов? Это искусственный интеллект? Но почему тогда ментальные функции ограничены?

— Она настоящая или нет? — Алиана сформулировала своё недоумение короче.

— Я не интересовалась, — равнодушно сказала Калидия. — Сейчас уточню.

Она взяла со столика полупрозрачные широкие очки, надела, по внутренней стороне побежали неразличимые отсюда значки и текст. Пальцы правой руки при этом делают короткие полужесты, как будто перелистывая и сдвигая.

— Мехра — контрактный киборг, — девушка вернула очки на столик.

Посмотрев на наши непонимающие лица, пояснила:

— Женщина, заключившая долгосрочный контракт-лицензию на сервисную киборгизацию. Оговорённый договором процент её внутренних органов замещается киберимплантами, качество которых также регулируется лицензионным соглашением. На время действия контракта ей устанавливается ментальный ограничитель, подавляющий высшую нервную деятельность. Пользователь арендует контрактного киборга у компании, с которой заключён договор. Оплата его услуг распределяется между компанией-лицензиаром и лицом, предоставляющим физическую основу. После выплаты лизинга имплантов и за вычетом стоимости регулярного технического обслуживания остальные средства зачисляются на специальный счёт. По окончании действия договора Мехра получит эти деньги, плюс ей остаются все импланты. Это весьма приличный капитал для её уровня благосостояния. После снятия ментальной блокировки она не будет помнить, что происходило во время контракта.

— Мне кажется, это очень жутко, — сказала Алька.

— Почему? — удивилась Калидия.

— Как представлю, что у меня исчезло несколько лет жизни, и я даже не знаю, что со мной делали! Бр-р-р!

— Для неё это выглядит так, как будто она уснула и сразу проснулась, но уже с деньгами и дорогими имплантами, на которые ей иначе не заработать за всю жизнь. Использование подробно прописано в контракт-лицензии, нарушение условий которой влечёт финансовую ответственность пользователя. Также договор гарантирует физическую сохранность, включая гарантийное восстановление в случае случайного повреждения тела.

— Всё равно кошмар! Ведь она потеряет кусок жизни!

— Она получила импланты, которые продлят её жизнь на срок как минимум не меньший. Кроме того, в процессе эксплуатации она существенно лучше питается, чем могла бы себе позволить на пособие, содержится в лучших условиях, не подвергается воздействию токсических факторов, а также находится в полной физической безопасности, что отнюдь не гарантировано в районах проживания социальных низов. Вместо того чтобы подавать мне воду, стелить постель и убирать в ванной, она к своему возрасту с высокой вероятностью многократно подверглась бы насилию, испортила желудок синтетикой, печень алкоголем, получила наркотическую зависимость, венерические и другие заболевания, а главное — не имела бы никаких перспектив на будущее.

— И что в ней искусственного? — заинтересовался я. — Выглядит она вполне… Натурально.

Калидия снова надела очки-экран, полистала на них что-то, сняла.

— Она получила модификации, не затрагивающие внешность. Это дороже, ей дольше придется выплачивать лизинг, но зато открывает возможность работы в семьях владетелей, потому что не нарушает традиционной эстетики «живых слуг». У неё модифицированы кости и суставы, заменены органы внутренней секреции, частично кровеносная, почти полностью — пищеварительная система. С такими улучшениями срок её полноценной жизни как минимум удвоился, учитывая, что её контракт предусматривает только физические работы малой тяжести внутри помещений. Также разрешено сексуальное использование, не влекущее травматизма.

— Фу, какая гадость! — брезгливо сказала Алька.

— Она же ничего не вспомнит, — удивилась Калидия. — Такое разрешение существенно увеличивает лицензионные выплаты, контрацептивный имплант вполне надёжен, и его можно отключить после окончания контракта. Это гораздо менее травматично, чем бытовая сексуальная эксплуатация, которой она подвергалась бы при обычном для их страты образе жизни.

Алька побелела лицом, на скулах выступили красные пятна, нервно задышала — но промолчала. Опять Калидия её зацепила. На этот раз мимоходом, случайно — но очень обидно.

— Если вам понадобится сексуальная разрядка, — любезно сообщила мне девушка, — могу предоставить к ней доступ. Или вы…

Она вопросительно посмотрела на меня и Алиану, та засопела ещё сильнее, мрачнея.

— Благодарю за предложение, — ответил я спокойно. — Мы с Алианой не являемся сексуальными партнёрами, однако я всё-таки им не воспользуюсь. В моей культуре секс без сознательного эмоционального желания партнёра считается этически неприемлемым.

— Как угодно, — равнодушно ответила Калидия и взяла, наконец, с подноса стакан воды.

Женщина распрямилась и ровным шагом покинула помещение.

— И много у вас таких… Продающих себя по контракту? — спросил я.

— «У нас» — это в резиденции семьи? — уточнила Калидия. — Нет, почти нет. Просто я не люблю живых слуг, они меня напрягают. Поскольку я девочка… была девочкой, для меня правила не так строги. После того, как стану наследником, придётся привыкать.

— А вообще, в обществе?

— Довольно много. Это не единственный, но самый выгодный и доступный способ обеспечить себе будущее. Мехра могла пойти не в контрактные киберы, а поступить, например, в университет. Но для этого надо иметь способности, потратить годы на обучение, а по окончании иметь не капитал и импланты, а кредит за учёбу без гарантий трудоустройства.

— Даже странно, что не все у вас идут в киберы, — саркастически сказала Алиана, но Калидия сарказм проигнорировала.

— Предложение превышает спрос, — пояснила она. — Далеко не все могут позволить себе кибер-слуг. Остаются менее привлекательные варианты — контракты с разрешением на тяжёлый физический труд, на конвейерные работы, на использование в качестве секс-куклы, на суррогатное материнство, на опасные и связанные с насилием работы, например, в охранных структурах. Большинство этих контрактов дешёвые, и импланты там более низкого качества, имеющие утилитарную эстетику.

— И люди всё равно на это соглашаются? — удивилась Алька.

— Это даже престижно, — кивнула Калидия. — Те, у кого нет имплантов, имитируют их наличие, потому что отработавшие контракт в среднем более обеспечены.

— Мне всё равно кажется, что это неправильно и бесчеловечно! — заявила Алиана. — И совершенно несправедливо!

— Думаю, в твоём мире тоже много того, что можно назвать несправедливостью, — возразила Калидия, и девушка снова помрачнела.

— Всё это очень любопытно, — сказал я, — но вот что меня смущает. Развитые технологии имплантации предполагают высокий уровень практической медицины. Так почему твоему отцу потребовалось выписывать целителя из другого мира? Опухоль у тебя скверная, не спорю, но даже в моём мире с такими часто справляются без всяких чудес. Со сменой пола посложнее из-за сроков, но удалить грудные железы и вкрутить между ног какой-нибудь киберчлен можно быстро. Это не сделает тебя мужчиной, но имитация будет убедительная.

— Для владетелей кибернетизация тел запрещена, — ответила мрачно Калидия. — Кроме жизненных показаний. У моего отца искусственная рука, и это уже на грани. Если бы он не потерял её в бою, защищая другого владетеля, ему бы и того не разрешили. Это исключение. Так что кибернетически имитировать из меня мужчину нельзя, это будет проверено. А вот биологическая смена пола формально не запрещена, главное, чтобы на момент проверки моё тело соответствовало мужскому.

— А что с опухолью?

— Дело в интерфейсе силовой оболочки, — призналась она с очевидной неохотой. — Иногда, очень редко, возникает несовместимость. Вылечить это нельзя, человек всегда умирает. Я уже год знаю, что обречена.

— Так почему нельзя удалить интерфейс? Да-да, я помню — наследник обязан и всё такое. Но если удалить, вылечить опухоль и имплантировать обратно? Может, второй раз нормально приживётся?

— Секунду, я уточню… — Калидия вернула на нос очки-экраны, подвигала пальцами и сняла устройство с некоторой, как мне показалось, растерянностью. — Странно, отец разрешил вам рассказать. Это очень закрытая тема.

Алька захлопала глазами в предвкушении интересного, а я в этот момент отчётливо понял, что наше возвращение отсюда не предполагается. Уж не знаю, как Креон собирается объясняться со Слоном, но вариантов полно — с крыши упали, враги напали, грибами отравились, ах, какая досада. Если Слону так нужно то,

что там ему нужно, то он закроет глаза на сомнительность версии и сочтёт потерю меня приемлемой платой. Алиана ему и вовсе никто. Ребята из первого состава будут, конечно, недовольны, но он отбрешется. Опять же, если Слон собрался на покой и зарабатывает выходное пособие, то в гробу он видал ребят с их претензиями.

В общем, лучше мне с ребятами теперь не видеться — если я не смогу рассказать им то, что узнал, у Креона не будет повода грохнуть ещё и их.

А вот Альку жалко, да. Не в добрый час она решила с нами удрать.

— Силовые оболочки — артефактная технология, — сказала Калидия.

— Что это значит? — спросила Алаиана.

— Получена от кого-то, а не разработана местными, — пояснил я значение термина.

— Да, верно, — подтвердила девушка, — их конечное число, и мы не можем сделать новые. Интерфейсы к ним не имплантируются, как наши киберустройства, а вживляются сами. Когда ребёнок владетелей достигает семнадцати лет, его помещают в силовую оболочку, и она прорастает в него интерфейсами. Это довольно больно, кстати. Они тончайшими нитями проникают в нервные узлы, срастаются с ними намертво и только после этого отделяются от самой оболочки. Тогда её можно, наконец, снять. В процессе срастания она подстраивается под тело носителя, достигая идеального сопряжения, и сменить владельца можно только после его смерти — тогда эта связь разрывается.

— И откуда у вас такая роскошь?

— Наши предки их просто нашли, — ответила Калидия. — В давние времена силовые оболочки стали залогом власти первого дома владетелей, а по мере развития науки их изучение стало основой развития современного кибертеха. Однако воспроизвести сами оболочки наши учёные так и не смогли. До сих пор нет даже согласия, в какой мере они являются объектами технологии, а в какой — существами-симбионтами.

— Ничего себе! — изумлённо выдохнула Алька. — Они что, живые?

— В определённой степени, — подтвердила девушка. — За века использования их становилось всё меньше и меньше, значительная часть была по разным причинам утрачена. Со временем участились и случаи неполной совместимости — когда по неизвестной причине слияние проходит неудачно и либо убивает кандидата сразу, либо запускает разрушительные

процессы в его организме. То ли что-то разладилось в оболочках, они же очень древние, то ли…

— Что? — спросила Алька.

— Сами владетели изменились, — сказал я. — Сменялись поколения, вливались новые линии, сказывался естественный генетический дрейф, так? Скорее всего, оболочки с самого начала были совместимы не со всеми, и те, кто мог их носить, выделились в генетическую аристократию.

— Да, принято считать, что если оболочка убивает носителя, то у него не чистая кровь. Это позор, такие случаи стараются скрыть, списывая смерть на другие причины, но ходят слухи, что это происходит всё чаще. Поэтому совместимость с оболочкой обязательна для наследника как подтверждение происхождения.

— Из этого я делаю вывод, что интерфейсы неизвлекаемые, а вызываемые ими дегенеративные процессы в нервной ткани необратимы, — констатировал я.

— Да, это так, — подтвердила Калидия. — У меня несовместимость минимальная, долгое время казалось, что всё благополучно. Я пока что полностью контролирую свою оболочку, а вот себя уже не вполне…

— Тогда на что рассчитывает твой отец? Допустим, ты сменишь пол, а я удержу опухоль в состоянии ремиссии. Тебя примут как наследника. Дальше что? Опухоль возвращается, Креон получает вместо мёртвой дочери мёртвого сына, наследника снова нет. Как часто ему надо подтверждать статус?

— Раз в год.

— Вот именно. Кого он покажет Совету в следующий раз?

— Моего брата.

— У тебя есть ещё брат? Тогда в чём проблема — пусть покажет его сейчас!

— Пока нет. Новая жена отца беременна мальчиком, но его носить ещё четыре месяца. Она не успеет родить. Отцу надо продержаться один Совет, к следующему он покажет младенца мужского пола, и до проверки на приживление оболочки у него будет семнадцать лет.

— То есть то, что после Совета ты умрёшь, его устраивает?

— Если я умру мальчиком — да.

— Роскошно. Вижу, с отцом тебе повезло.

— Он поступает правильно. Я всё равно обречена, но ещё могу помочь семье.

— А твоя мама? — неделикатно спросила Алька. — Где она?

— Я не видела её с пятнадцати лет. Она удалена от семьи, потому что так и не смогла родить отцу мальчика.

— И куда её «удалили»? — поинтересовался я.

— Я не знаю.

— И ты не спросила? — возмутилась Алька.

— О таком не спрашивают.

Очаровательные нравы потомственной аристократии. Много поколений инбридинга, чтобы не «разбавлять кровь», имеющую совместимый с симбионтами генотип, в результате снижение фертильности женщин и вынашиваемости потомства, но генетический дрейф всё равно сводит все потуги на нет. Кстати, я бы уже по внешности сказал, что Калидия не чистокровка. Потому что она красавица, а результаты близкородственного скрещивания обычно выглядят так себе. Генетика — жестокая сука. Возможно, именно аристократия ввела моду на маски, которую подхватили в народе. Им, наверное, есть что за ними скрывать.

— Послушай, — попросила Алька, — а можно посмотреть на эту твою оболочку?

— Нельзя! — резко заявила Калидия, бросив быстрый взгляд на меня.

— Почему?

— Потому что! Нельзя и всё!

— Да брось, — сказал я примирительно, — я понял, что это была ты.

— Что понял? Что значит «я»? — неубедительно возмутилась та.

— Я военврач, отлично знаю, как выглядит заброневаая

травма. У тебя был синяк как раз нужной формы и размера ровно на том месте, куда Слон влепил пулю. А ещё у тебя и мотив, и возможность. Раз оболочек мало, то какова вероятность, что кто-то ещё из носителей имел что-то против только что прибывшего в ваш мир чужака?

Калидия не ответила, отведя глаза, и я продолжил:

— Ты была уверена, что обречена, и не хотела провести остаток жизни в гендерной трансформации. Ведь отец не скрывал от тебя своих планов, так?

— Не скрывал, — кивнула она. — Я должна исполнить долг перед семьей. И сделать это сознательно.

— Но всё-таки решила меня убить.

— Отец будет разочарован, если узнает, — пожала плечами она. — Не знаю, насколько вам станет легче, но это была скорее попытка самоубийства. Я не хочу лечения. Я не хочу быть мальчиком. Я хочу, чтобы мне дали спокойно умереть.

— То-то бы меня это поправило… — буркнул я. — Ты уже оставила эту идею, или мне запирать на ночь дверь?

— Оставила. Мне будет неловко убить не какого-то абстрактного хилера-колдуна, а знакомого. Тем более, я вижу, что это не ваш выбор.

— Увы, — признал я, — если я не сделаю то, что должен, твой отец убьёт моих друзей. Прямо он этого не сказал, но…

— Убьёт, — спокойно подтвердила Калидия. — Он всегда так поступает. Впрочем, вас он, скорее всего, убьёт в любом случае.

— Догадываюсь, — кивнул я, — но зря ты сказала вслух.

Для Альки это стало неприятным сюрпризом, и она растерянно хлопает глазами:

— Вы же шутите сейчас, да?

— Конечно, шутим, — подтвердил я. — Не бери в голову, всё будет хорошо.

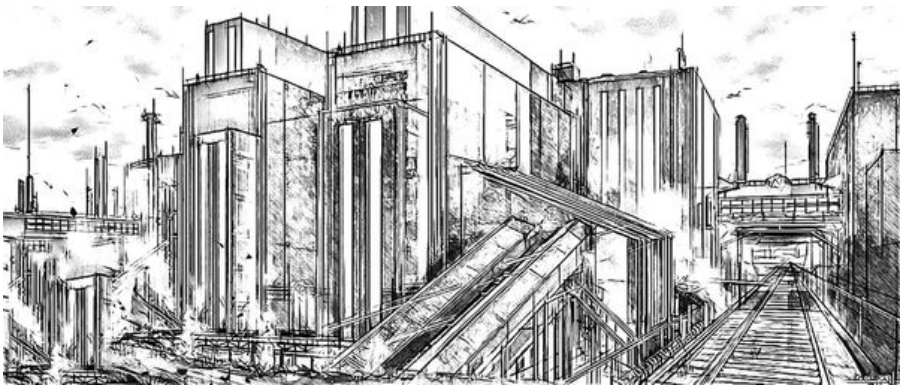
И мысленно добавил: «Только не скоро и не с нами». Чтобы не совсем уж соврать.

— Ну что, всё ещё хотите посмотреть на силовую оболочку? — спросила Калидия.

— Конечно, хотим, — ответил я.

— Тогда идите за мной.

Глава 8. Экзосимбионт



— Это питательно-очищающий раствор, — объясняет Калидия. — В нём оболочки хранятся, когда не надеты.

Вертикальный стеклянный цилиндр высотой метра два заполнен зеленоватой плотной жидкостью. Оболочка висит вертикально, как будто сброшенная чёрная кожа странного чудовища. Широко расставленные круглые глаза не светятся и выглядят слепыми, но мне почему-то кажется, что эта штука всё равно за нами подглядывает.

— Рассказывают, что раньше их хранили в бочках со свежей кровью, — сообщила познавательный факт Калидия. — Потом придумали искусственный заменитель. Пока она на мне, питается мной. Немного крови, немного энергии, влага телесных выделений — всё идёт в дело. Очень долго носить оболочку нельзя, наступает истощение. В легендах есть такой герой — Милизан, — который бился целый день, отбивая атаку каких-то врагов, а когда всех победил, то из оболочки выпал высохший до костей труп. Он так и хранится в святилище владетелей в стеклянном саркофаге. Выглядит — просто жуть. Кстати, он наш предок, мой отец — из прямой линии наследования, раньше он был бы королём.

— А теперь?

— Сейчас у нас конкурентная система управления. Фракции, выборы, интриги. Отец говорит, что абсолютизм обходился дешевле, но правящий дом слишком расслабился без борьбы за власть. Теперь постоянно в тонусе.

— Она, наверное, такая мягкая… — задумчиво сказала Алиана, прилипнув носом к стеклу и рассматривая бархатистую, состоящую из мельчайших тонких волосков внутреннюю поверхность оболочки.

— Когда надеваешь, ощущение такое, как будто тебя кинули в охлаждённое до абсолютного нуля битое стекло, — ответила мрачно Калидия. — Но это быстро проходит. Потом её просто не чувствуешь. Чувствуешь только себя — сильную, гибкую, быструю и неуязвимую.

— Не такую уж и неуязвимую, — напомнил я. — Уверен, во времена мечей и луков оболочки были уберплюшкой, но сейчас я бы поставил на гранатомёт.

— Она какая-то… жадная, — внезапно сказала Алиана, отстраняясь от стекла. — Как будто хочет проглотить меня. Втянуть и переварить внутри.

— Некоторые из-за этого не проходят испытание на совместимость, — добавила Калидия. — Фобия, не могут заставить себя надеть оболочку. Именно как ты сказала — им кажется, что она их съест. Заставлять бесполезно — оболочка с такими не сливается, а вот погибнуть в процессе они могут.

— И как с ними поступают? — поинтересовался я.

— Удаляют от семьи.

— Как твою маму? — спросила Алька.

— Да. Насмотрелись?

— А ты её разве не наденешь? — просительно сказала моя ассистентка.

— Не сегодня. Может быть, потом.

— Почему?

— Мне может снова захотеться вас убить. Когда на тебе оболочка, такие решения кажутся… Приемлемыми.

— Она любит кровь, да? — кивнул я понимающе.

— У нас принято говорить, что она пробуждает инстинкты владетелей, — ответила Калидия. — Или что в ней сохраняется воинственный дух великих предков, которые носили её до меня. Но мне иногда кажется, что у оболочки есть нечто вроде собственной воли.

— Может быть, бочки со свежей кровью нравились им больше этой синтетики, — предположил я. — Не зря в традициях владетелей упор на всё натуральное.

— Пойдёмте отсюда, — сказала Алька, поёжившись, — что-то мне не по себе стало.

***

— Можно посмотреть? — Калидия потянулась к моему скетчбуку.

Я как раз наношу последние карандашные штрихи. Карандаш или уголь. Лёгкий штрих, набросок, намёк, недоговорённость силуэта, который однажды станет другим. Это только первые кадры моего мультфильма. Мультика о превращении красавицы в… Хрен его знает, во что именно. Но красавицы больше не будет, только референс.

— Конечно, можно, — передаю ей блокнот.

Она долго рассматривает набросок.

— Похожа… Наверное. Но не очень.

— Так и должно быть. Это скорее процесс, чем этап.

Она принялась листать дальше, проглядывая штриховые портреты пациенток, скетчи городских пейзажей и эскизы интерьеров. Иногда я рисую и просто так, да.

— Эти девушки… Вы их тоже?..

— Всего лишь лёгкая косметология. Не везде принято закрывать лица масками.

— Это ваша ассистентка? — долистала до наброска времён Алианиных прыщей. Кажется, что это было годы назад, а ведь времени всего ничего прошло.

— До того, как стать ассистенткой, она была пациенткой.

Алиана ушла к себе в комнату и не слышит, иначе краснела бы сейчас.

— Нарисовано… С чувством, — внимательно рассматривает рисунок Калидия.

— Просто удачный черновик. Между нами нет отношений.

— Мне кажется, она к вам не вполне равнодушна.

— Побочный эффект… лечения. Иногда возникает нечто вроде импринтинга. Некая сложного рода связь, ложное ощущение близости. Это проходит.

— У меня тоже будет? — улыбнулась девушка.

— Не думаю. Но, может быть, тебе сложнее будет меня зарезать.

— Я же сказала, что передумала.

— Отец может поручить тебе нашу ликвидацию, оболочка добавит свою жажду крови, и вот уже наши головы отдельно от тел.

— Не надо так говорить, — помрачнела она, — потому что это и правда может случиться.

— Тогда постарайся ко мне не привязываться.

— Вот ещё. И не думала. На сегодня всё?

— Пожалуй. Пойду в свою комнату. До завтра.

***

В комнате на моей шее повисла Змеямба.

— Сюрприз!

— Зме, как ты…

— Разговоры потом. Эта дверь запирается? К чёрту, подопри стулом!

Потом мы лежим рядом, восстанавливая дыхание, я

рассеянно глажу её грудь, отмечая, что не зря в прошлый раз делал наброски. Пара кадров простенького мультика «Отличные сиськи для твоего возраста». Как там выразился циничный Слон? «Скрутить пробег»? Да, это я могу. Это мир от меня стерпит. Не радикально, но чуточку здесь, чуточку там, капельку внимания животу, немножечко — бёдрам, совсем чуть-чуть — ягодицам. Шея и руки всё равно выдадут, но с ними сложнее, их видят все. Визуально помолодевшая Змеямба — это дорогой референс. А сиськи она, при всей лёгкости отношения к сексу, показывает не каждому встречному. Тем более, что у неё, судя по всему, давно никого не было.

Чем мне нравится Змейса — её можно прямо об этом спросить.

— Угадал, — улыбнулась она в ответ, — чуть паутина промеж ног не завелась. Новый состав для меня слишком молод, точнее, я для них старуха. А нас, первых, почти и не осталось. Не со Слоном же спать? Он мужик ещё бодрый, но как-то, не знаю, помутнел, что ли. Ну и вообще, такой стал командир-командир, ать-два, руки по швам, ноги раздвинь. Скучно.

Змеямба тихо засмеялась и прижалась ко мне плотнее.

— Гай совсем сдал, — продолжила она. — Ходит вечно унылый, бормочет о том, что нонеча, мол, не то что давеча, как будто ему сто лет, хотя он не старше нас с тобой. Пыталась его утешить в постели, так он за минуту кончил и час за это извинялся. Можно подумать, я от него невесть каких подвигов ждала. Джабба и раньше меня не особо привечала, а теперь вообще смотрит как на говно. Чем она толще, тем злее. Мартых, сам знаешь, не по тому полу — на молодое пополнение слюной капает. Однажды вообразил, что нашёл взаимность, но ошибся и огрёб по морде. Обидок было! Карабас стал сильно бухать. У пьяного у него не стоит, а трезвый он думает только, как бы так выпить, чтобы командир не спалил. Слон обещал его выгнать к чертям, но пока тянет, жалеет. Все-таки первый состав, столько лет вместе. У Безмена с виду всё нормально, но на деле кукуха давно улетела, я-то знаю. То требовал, чтобы я его била, то просил придушить. Я не против иногда поиграть в игры, но у него как-то совсем всё серьезно, до жути. С Мегерой мы иногда друг дружку утешаем, но она в последнее время бешеная стала. То ругается, то рыдает. Спрашиваю: «Что с тобой, Мег?», — а она: «На что мы свою жизнь просрали, Змейса»? Стареет, что ли. В общем, Докушка, хорошо, что ты вернулся.

Змеямба обняла меня, прижалась и положила голову на грудь.

— Зря ты пришла, Зме, — сказал я со вздохом. — То есть, я

тебе очень рад, конечно, но хрен тебя теперь дальше гостиницы выпустят. Я надеялся, что хоть ты с крючка сорвёшься.

—Куда мне срываться, сам подумай, — она отодвинулась, села в кровати, поджав под себя ноги, уставилась на меня сверху.

Шея, подбородок, руки, небрежно закрашенная седина в волосах, мимические морщинки у глаз и губ, но больше всего — сами глаза, которые видели слишком много говна и крови. И всё равно — хороша. В молодости была та ещё красотка.

— У меня, друг мой Док, ни хрена нет, кроме нашей команды. Никого и ничего. И уже не будет. Я понимаю, что ситуация хуже некуда, но, если нас тут всех положат, так я со всеми. Да, Гай прав, команда уже не та — молодые тупо за деньги, старики перегорели, Слон что-то мутит. Но это всё, что мне осталось. Так что придётся тебе потерпеть меня в своей койке. Как насчёт повторения?

— Зме, я…

— Не переживай, я сумею его взбодрить! — и действительно сумела. Опыта ей не занимать.

***

Когда мы закончили, я подумал: «Да какого чёрта», — и попросил:

— Змейс, не спеши одеваться, ладно? Посиди ещё вот так.

— Опять будешь рисовать мои дряблые сиськи и морщинистую жопу, художник-геронтофил? — засмеялась она.

— Я не художник, Зме, просто рисовальщик по референсам.

Но это неважно. С сиськами у тебя всё хорошо, не кокетничай, но сейчас я настроен на портрет.

— Портрет старой ведьмы! — засмеялась она. — Рисуй, мне не жалко. Разговаривать можно?

— Нужно, Змейса, нужно.

— Слушай, а как ты стал… Ну, хилером? Не родился же ты с этим умением.

— Это довольно глупая и не так чтобы весёлая история, — предупредил я.

— Если не хочешь, то не рассказывай, — быстро сказала она, — это не важно, в конце концов.

— Ничего страшного, дело давнее. Я закончил мединститут, был молод, глуп, романтичен и совершенно нищ. Мой мир, точнее ту его часть, в которой жил я, накрыло жёстким социальным кризисом, работы не было, государство слилось, заявив гражданам: «Выживайте, как хотите», — упавшую власть поднял с пола криминал. Ты знаешь, как это бывает.

— Конечно, — кивнула Змеямба.

Мы с ней успели повидать много миров, и неблагополучных среди них хватало. Никто не нанимает ЧВК туда, где всё хорошо.

— Я хотел лечить детей, выпустился педиатром, но пришлось стать военным хирургом. Мне были нужны деньги, деньги были у бандитов, бандитам был нужен кто-то, способный вытащить пулю. У меня вскоре образовалась маленькая частная практика — совершенно незаконная, а главное, очень небезопасная. Криминальный лепила никогда не знает, заплатят ему деньгами или пулей, за то, что слишком много увидел.

— Совсем как сейчас, да? — усмехнулась Змеямба.

— Чёрт, а ведь ты права, — признал я, в третий раз перерисовывая подбородок. — С чего начал, к тому и пришёл. Жизнь полна дрянной иронии.

Портрет шёл туго, как будто карандаш отказывался рисовать там, куда я его направляю. Знакомое ощущение — мир считает, что я хочу от него слишком много и сразу. Ничего, перетопчется. А откат… Да чёрт с ним. Мне ли бояться кармических последствий? Скорее всего, я и так покойник. А вот у остальных шансы есть. У Слона полно недостатков, но он не дурак, а команда наша отнюдь не беззащитна. Если нас решат зачистить, местных ждёт немало сюрпризов. Змейса — прекрасный человек, и пусть её внешность немного подтянется за её душой.

— В общем, — продолжил я свой рассказ, — однажды я, разумеется, влип в неприятности. Залатал одного нехорошего человека, чем оказались крайне недовольны другие нехорошие люди… Статус некомбантанта в этой среде ничего не значит, и

красным крестом не прикроешься, но некие «понятия» присутствуют. В общем, тот, залатанный, решил, что бросить меня будет «не по понятиям» и «пацаны не поймут», поэтому облагодетельствовал как мог — взял работать на себя. Среди прочего, в его бизнес входил большой бордель. Знаешь, что это такое?

— Платный секс под управлением криминала? — уточнила Змеямба. — Я знаю, как это работает. Приблизительно.

— Я стал там штатным доктором, ещё дальше уйдя от институтской специализации. Когда есть база, книги и свободное время, можно научиться и гинекологии. Педиатрии тоже хватало — девушки постарше проживали при заведении со своими малолетними детьми, а девушки помоложе сами еле-еле вышли из детского возраста.

— Их принуждали к этому? — спросила Змеямба.

— По-разному. Большая часть была из деревень или глухих экономически депрессивных провинций, для них это просто способ выжить в городе. «Общежитие для персонала» — единственное жильё, отделяющее их от улицы. Кроме того, их кормили, и они хоть как-то зарабатывали. Экономика была в глубокой жопе, нормальной работы не сыскать, да и не умели они ничего полезного. Многие попадали туда сразу после школы — приезжали поступать в институты, проваливали вступительные экзамены, не хотели возвращаться домой, получали предложение, которое выглядело выгодным и безобидным, а потом не могли сорваться с крючка. Некоторые девушки попадали против своего желания — по разным обстоятельствам. Хватало сирот — их нам поставляли детские дома прямо после выпуска. Многие из них к тому моменту уже имели большой опыт сексуальной эксплуатации, которой подвергались с раннего детства. Это было поганое время, Зме.

— Сочувствую, Док. Было много работы?

— Более чем. Крупное заведение, до сотни работниц одновременно. Администрация над ними не издевалась, но не препятствовала это делать клиентам, так что хирургии в моей работе тоже хватало. Ссадины, синяки — почти постоянно. Переломы конечностей и лицевых костей. Разрывы тканей половых органов — тоже не редкость. Прерывания беременностей — увы, контрацепция была не слишком надёжной. Наркотическая зависимость — многие девушки тратили на наркотики всё, что зарабатывали, возвращая деньги обратно администрации, которая им наркоту и поставляла. Строго было с венерическими болезнями — регулярные обследования и анализы, потому что заразить клиента недопустимо, среди них бывали и весьма

опасные, и весьма влиятельные люди, включая представителей власти. Я не горжусь тем периодом моей жизни, и многое из него хотелось бы забыть, но практика была разнообразная, и опыта набрался. В том числе, и в психологии — лучше разговор, чем суицид, хотя и попыток суицида тоже хватало. Некоторые — успешные.

— Тяжело было? — Змейса потянулась, разминая затёкшие мышцы.

— Как тебе сказать… Сейчас вспоминаешь — кошмар и ужас. Столько боли и горя, насилия и унижения, безнадёги и жизненных трагедий — и всё это прошло через мои руки и голову. Но тогда это было…

— Фоном? — подсказала Зме.

— Да, пожалуй. Я старался не принимать близко к сердцу, пытался накопить денег в надежде вырваться в лучшую жизнь, и, хотя мои накопления раз за разом сжирали то денежные реформы, то быстрая инфляция, то попытки помочь тем из девушек, у кого был шанс соскочить — я не отчаивался. Я был молод и, несмотря на всё увиденное говно, наивен. Я старался быть добрым к девушкам, они отвечали мне взаимностью, так что у меня, по крайней мере, не было недостатка в сексе.

Я закончил рисовать лицо и перешёл к рукам. Руки — всегда вызов моим скромным умениям. Рисовать их сложнее, чем кажется. Заодно пытался подобрать слова, чтобы не выглядеть перед Змеямбой совсем уж придурком. Но она догадалась сама.

— Ты влюбился? — сказала она с сочувствием в голосе.

— Ты чертовски догадлива, Зме, — признал я.

— Я неплохо изучила тебя за эти годы, Док.

— Я давно уже не тот молодой глупый доктор. Но ты права. Её привезли ночью сразу в карцер. Да, там был карцеры — для тех, кто не в адеквате, кого таращило под наркотой, кто мог навредить себе или другим, кто был склонен к побегу, не рассчитавшись с долгами.

— Долгами? — удивилась Змеямба.

— Там была строгая система денежных вычетов, и девушки часто оказывались должны администрации: за алкоголь, или наркотики, или лекарства. Всё это вычиталось из их заработка, причём по очень завышенной цене. Кроме того, некоторые девушки попадали туда для «отработки долгов» криминалу, и все их деньги уходили тем, кто сдал их в бордель. Это жестокая система, Зме.

— Понимаю, прости.

— Так вот, её привезли ночью и сразу вызвали меня. Совсем юная девушка была жестоко избита и ещё более жестоко

изнасилована. Воздержусь от медицинских подробностей, но от её репродуктивной системы мало что осталось. Ещё немного и она умерла бы от кровотечения. Её зафиксировали ремнями для буйных и строго-настрого запретили отвязывать, потому что она склонна к суициду. Меня предупредили — если девушка умрёт, я об этом пожалею. Тот, кто её привёз, с ней ещё не закончил. Это был серьёзный вызов моим медицинским умениям, но я справился. Остановил кровотечение, зашил то, что можно было зашить, залечил то, что залечивалось, убрал воспаление. К сожалению, бордель — не больница, рубцевание тканей сделало её бесплодной, но её это не волновало. Она не собиралась рожать. Она и жить-то не собиралась. Её нельзя было отвязать даже для посещения туалета, девушка так настойчиво и изобретательно пыталась себя убить, что её пришлось держать на транквилизаторах, что само по себе проблема.

— Если тебе тяжело рассказывать… — начала Змеямба.

— Тяжело не рассказывать, тяжело вспоминать. Но я всё же закончу. Её отец чем-то очень сильно досадил одному из криминальных боссов. Не знаю, чем — потому что она тоже не знала. Её семью показательно убили, над ней жестоко надругались, она чуть не умерла, но они на этом не закончили. Бордель оказался ближайшем местом, где ей могли оказать медицинскую помощь, не задавая вопросов. И я оказал. Теперь ей предстояло пройти это всё снова. Я не смог отвернуться и забыть, как отворачивался и забывал не раз.

— Она была красавицей, твоя жена, — тихо сказала Змеямба.

— Ты опять догадалась, да?

— Мы не были так уж хорошо знакомы, но я всегда чувствовала в ней надлом.

— Я тянул время как мог. Преувеличивал последствия, давал возможность восстановиться, но она не хотела выздоравливать и вообще жить. Когда я сказал, что вытащу её — она мне не поверила, и была, в общем, права — я понятия не имел, как это сделать. Но мне повезло — в бордель явился Слон.

— Слон? Наш Слон? — удивилась Змеямба.

— Да. Мы с ним знакомы со школы, на самом деле. Не то чтобы дружили — он был на два класса старше, — но входили в одну компанию. Он там, разумеется, верховодил…

—Ещё бы! — сказала Зме.

— Потом он поступил в военное училище, я закончил школу и пошёл в мед, мы несколько раз пересекались, пару раз выпивали. Потом он уехал куда-то воевать, сначала по контракту, потом наёмником, и мы друг друга потеряли. И вот он такой является — охранником при какой-то шишке, приехавшей

оттянуться с девочками. От безнадеги я рассказал ему всё, и он неожиданно согласился помочь. Сказал, что знает место, где нас гарантированно не достанут, главное до него добраться. Слоняра горел энтузиазмом — работа охранником надоела, жопа хотела приключений, а ещё в нём открылся талант проводника, и он узнал, что есть другие миры. После этого всё меняется, сама знаешь.

— Конечно, — кивнула Змейса, — внезапно осознаешь, что не обязан жить там, где родился.

— У Слона сразу появились планы на свою команду. Его достало подчиняться чужим приказам. Опытный врач — а я уже был опытный, — с навыками военной хирургии, да ещё обязанный ему лично — это была просто находка. Так что Слон моментально всё придумал.

— О да, в этом он всегда был хорош! — подтвердила Зме.

— План накрылся мохнатой шапкой уже на первом этапе. У того говнюка, который мучил девушку, кончилось терпение, и он заявился её забрать — в любом состоянии. Она увидела его, выдернула руку из фиксатора, сломав два пальца, и, схватив со стола ножницы, распорола себе горло. К счастью, ножницами не так-то просто себя убить, артерию не задела, хотя крови было много. И тут явились мы со Слоном. Слоняра тут же свернул шею охраннику, а мне сунул нож и сказал: «Этот — твой!» Он хотел проверить, как далеко я готов зайти, но я действовал как в тумане — подошёл сзади и всадил нож в сердце. Перевязал девушке горло — чёрт, я тогда даже не знал, как её зовут! — посадил на каталку, накрыл одеялом и вывез через чёрный ход. Там нас подхватил Слон, угнавший пафосный внедорожник у своего босса.

— Да, он их обожает, — согласилась Змеямба.

— Мы свалили без документов и без копейки денег — у меня не было времени даже подняться в комнату за заначкой, — только медицинский чемоданчик прихватил. Но всё это и не понадобилось — Слон, гордый как слон, вывез нас через свой первый кросс-локус. «Вот, — говорит, — Дочище, зырь — это другой мир. И таких миров — до ипени матери. И все они принадлежат нам! В общем, не благодари — будешь должен».

— С тех пор ты ему должен?

— Мы давно в расчёте, но я не забыл. Моя будущая жена была совсем плоха. Не столько из-за горла, сколько из-за потери воли к жизни. Слон только учился быть проводником, мир, в который он нас вывез, был вымерший, помочь было некому, я старался как мог, но она умирала. Слон мотался, привозил лекарства, но не помогало. Она просто не хотела жить. И тогда я начал рисовать — просто чтобы не сдохнуть от тоски рядом с ней. Рисовал портрет

за портретом, выходило паршиво, я отродясь не знал никаких художественных техник, у меня был только карандаш и пачка бумаги. Делал набросок, выходило говно, я комкал и выкидывал. Делал следующий — то же самое. Она не возражала — просто лежала, молчала и смотрела в потолок. Кормил я её почти насильно, и она за месяц не сказала мне ни слова. Но я рисовал и рисовал её лицо на подушке, по два десятка картинок в день и больше, держа в голове чёртов референс.

— Референс? — переспросила Зме.

— Я называю это так. Вижу в голове то, как должно быть, и подгоняю под это мир. Но тогда ничего не знал — просто рисовал, рисовал, пока не начало получаться. И ей стало легче. И чем больше я рисовал, тем скорее она поправлялась. Не сразу, но до меня дошло, как это работает. Когда она начала говорить — стало легче. Мы говорили часами, обо всём, я рисовал её портреты, она восстанавливалась на глазах. С тех пор так и повелось — я рисую по референсам, и они становятся реальностью.

— То есть, — дошло до Змеямбы, — ты сейчас…

— Ага. Держи, — я протянул ей портрет.

— Ты мне польстил тут, — улыбнулась она, рассматривая его, — и очень сильно.

— Вовсе нет. Просто это не сразу действует.

— О, чёрт. Не знаю, что и сказать, Док. Простого «спасибо» за такое явно недостаточно, но у меня нет ничего, кроме моей

стареющей тушки, а она и так в твоём распоряжении.

— Наплюй, Зме. Мне просто хотелось это сделать.

— Отчего-то мне кажется, что для тебя эти «референсы» не бесплатны… — задумчиво сказала Змеямба.

— Ничто в этом сраном мире не даётся даром. Но плевать, оно того стоит. Тем более, не так уж много я поменял, ты и так красивая.

— Забыл добавить «для своего возраста», — засмеялась она, а потом резко посерьёзнела и спросила, — а когда ты меня с того света вытащил — это было дорого?

— Дорого, Зме. Я ведь не мог рисовать.

— И чего тебе это стоило?

— Ты не хочешь этого знать, поверь.

— Но ты бы сделал это снова, если бы можно было вернуться? Сделал бы, заранее зная цену?

— Не знаю, Зме. Не знаю. Не спрашивай меня об этом. Что сделано, то сделано.

— Чёрт, а у меня даже шрама нет. Надо было оставить на память, — грустно улыбнулась она. — Как остался у твоей жены на горле.

— Не надо оно тебе. А с женой не всё так просто, — признался я. — Я пытался его убрать много раз. И даже убирал — но он проявлялся снова. Она не видела себя без него, и мироздание не видело её без шрама. Потому что главные шрамы

остались у неё в голове, и я так и не смог до них добраться.

— Я понимаю, — кивнула Зме.

— Мы не стали счастливой семьёй. Слишком много боли в начале, слишком глубокая травма, всё это было с ней до конца. И она осталась навсегда бесплодной. Рубцовая ткань на шейке матки возвращалась так же, как рубцовая ткань на горле, несмотря на все мои усилия. Ладно, хватит тебя грузить — и так рассказал больше, чем кому-либо за всю жизнь. Спасибо, что выслушала, и закончим на этом.

— Я ценю, Док. Сейчас мне пора, ночевать тут не разрешили, — но я постараюсь прийти завтра. Можно?

— Буду рад.

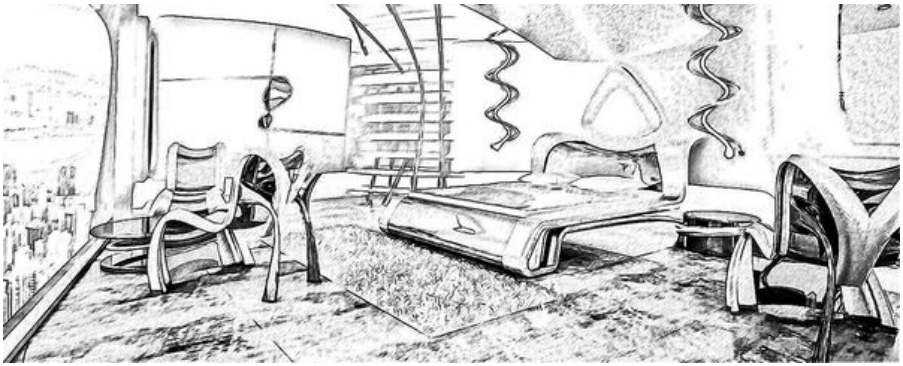
— Тогда, может, ещё разок? На дорожку?

— Зме, я старый усталый…

— Верь мне! Я справлюсь!

И она справилась.

Глава 9. Принцесса киберпанка



С утра заявился Слон. Оценил внимательным взглядом стати киберженщины Мехры, завтрак, интерьер, постель… В общем, вёл себя типично по-слоновски. Я ему не обрадовался — с хорошими новостями так не приходят. И действительно, после того, как Мехра укатила столик, Слон достал из кармана глушилку и включил её.

— Здесь не слушают, — сказал я. — Калидия сказала, что внутри дома не принято.

— Мало ли кто чего сказал, — отмахнулся он. — В общем, Док, тебе придётся ускориться.

— В чём?

— В отращивании пиписьки этой барышне. Мы не можем тут загорать три месяца. Ситуация начинает подгорать со всех сторон. Нас торопит Контора, но это ещё полбеды. Нас торопят местные обстоятельства. Тут начинает бурлить какое-то говно, у меня на такое нюх. Может оказаться, что мы поставили не на того спикера не той фракции, будет обидно оставить ему тебя заложником.

— И Альку.

— Чего?

— Меня и Альку.

— А, ну да. И эту твою Альку. Ты её трахаешь, что ли?

— Сдурел?

— Вот и я удивился. К тебе же Змеямба таскается.

— А что, если не трахаю, то её можно бросить?

— Док, вот только не начинай, ладно? Никого нельзя бросить. Но если приходится — то есть приоритеты. И закрыли на этом тему. Просто поспеши, ладно?

— Сколько у меня времени?

— Да хрен его маму знает. Недели две точно есть. Хватит?

— Слон, ты ёбнулся? Я в три месяца не знаю, как уложиться!

— Док, я в тебя верю. Ты, конечно, хочешь сделать всё идеально, чтобы и мальчик вышел на загляденье, и девочка не плакала, и папа доволен, и откат не словить. Ценю, уважаю, даже горжусь. Но, сука, когда не получается идеально, надо делать хоть как-нибудь. Наколдуй ей пипиську похуже, не знаю. Пусть она даже не стоит, чёрт с ней. Но быстро, ладно? Тяп-ляп, вот яйца, вот хер, вот усы, зацените, какая жопа волосатая. Поздравляем, папаша, с сыном, цветы и конфеты не пьём. Давайте гонорар, и мы поехали.

— В этом случае он не то, что три месяца, он двух недель не протянет.

— Принесём глубочайшие соболезнования. Издали. Выпьем не чокаясь и будем жить дальше. Главное, чтобы заказчик принял работу, расплатился и тебя выпустил. Ах да, и Альку, конечно. Получит тридцатиметровую гарантию.

— В смысле?

— Отошли на тридцать метров — гарантия закончилась.

— Слон, это конкретная говнямба.

— Докище, нешто я не понимаю? Я бы со всем нашим удовольствием три месяца в потолок плевал, за чужой-то счёт. Но — никак. Ничего не имею против трансгендеров, искренне желаю твоей пациентке здоровья, долгой жизни, волосатых яиц и залупу с кулак, но, если не выходит — ты мне ценнее. Мне даже Алька твоя ценнее, потому что она хоть и стажёр, но наш.

— Так подгорает?

— Сука, с синим дымом, реально.

— Блядь.

— Именно.

— А давай ты меня тут оставишь, а через три месяца за мной вернёшься?

— Док, ты вообще наглухо пизданулся, что ли?

— Пойми, Слон, Креон меня не выпустит. Даже если у его дочки завтра повиснет хрен до колена, он будет держать меня тут, пока та не сможет помахать им на Совете. Чисто на всякий случай. Вдруг отвалится?

— Уверен?

— Он мне прямо сказал.

— Вот падла… А если его, ну… Убедить как-нибудь?

— Очень осторожный. Один раз за руку поздоровался — и то оказалось, что протез. Соображает.

— Хреново, Док. Я ещё подумаю, но ты всё равно поторопись, обстоятельства могут измениться.

Слон вырубил свою глушилку и ушёл, а я взял скетчбук и отправился к пациентке.

***

К моему удивлению, Алька уже тут и вовсю болтает с Калидией. Казалось бы, где принцесса киберпанка и где сирота-наложница, а поди ж ты, трещат, как две подружки. Возможно, им обеим не хватало нормального общения со сверстниками. Так что я тихо присел сбоку и достал блокнот.

— …Не так плохо, как кажется, — говорила Алька, — особенно, когда не знаешь другой жизни. Кормили там, во всяком случае, хорошо, и образование давали приличное. Правда, дисциплина жёсткая — наказывали за любую ерунду.

— Наказывали? — удивилась Калидия. — Детей?

— Ещё как! Бить, правда, не били, берегли товарный вид — у претендентки не должно быть шрамов и вообще дефектов кожи. Прыщи были нашим кошмаром! Но за опоздание на урок — карцер. За шум — карцер. За нарушение режима — карцер.

— Что такое «карцер»?

— Маленькое помещение без окон, такое тесное, что там нельзя сидеть или лежать, только стоять. Как шкаф. А ещё там холодно зимой, жарко летом и не кормят. Как-то раз я там десять часов простояла, думала — умру.

— И за что тебя так?

— За драку. Когда я подросла, меня внесли в основной список претенденток — тех, кого покажут градоправителю, чтобы он выбрал. В список попадали те девочки, кто полностью здоровы и хорошо выглядят — фигура, зубы, кожа. Грудь должна быть не слишком большой, но и не слишком маленькой, волосы густыми и так далее. Надо было хорошо учиться и соблюдать дисциплину. Тех, кто попал в список, ненавидели и старались освободить вакансию. Например, если повредить лицо, располосовав его заточенной ложкой, то девочка не могла уже претендовать на место. Так что приходилось защищаться.

— А что делали с теми, кто в список не попал? — заинтересовалась Калидия.

— Точно не знаю. Слухи среди воспитанниц ходили страшные, но мне кажется, никто не знал правды. Для тех, кто в списке, перспективы были понятны — кого-то из них выберет Родл, остальных разберут его чиновники. Среди городской администрации все подражали главе — «удочеряли падчериц». Среди девочек считалось, что это, конечно, «второй сорт», но не ужас-ужас. Приданое не в пример меньше, но дотерпеть до совершеннолетия можно. Не убьют же. Судьба остальных не озвучивалась. Может быть, специально — чтобы боялись. Но в

шестнадцать лет их просто увозили. Никто не знает, куда.

— Жуть какая!

— Да, наверное. Для тебя. Ведь ты росла в богатой семье. А я ничего другого не знала. Единственная возможность вырваться — понравиться Родлу, и для этого можно было сделать что угодно. Вообще всё. Нам рассказывали, что он очень добрый, и что те, кому повезёт, попадут в настоящий рай.

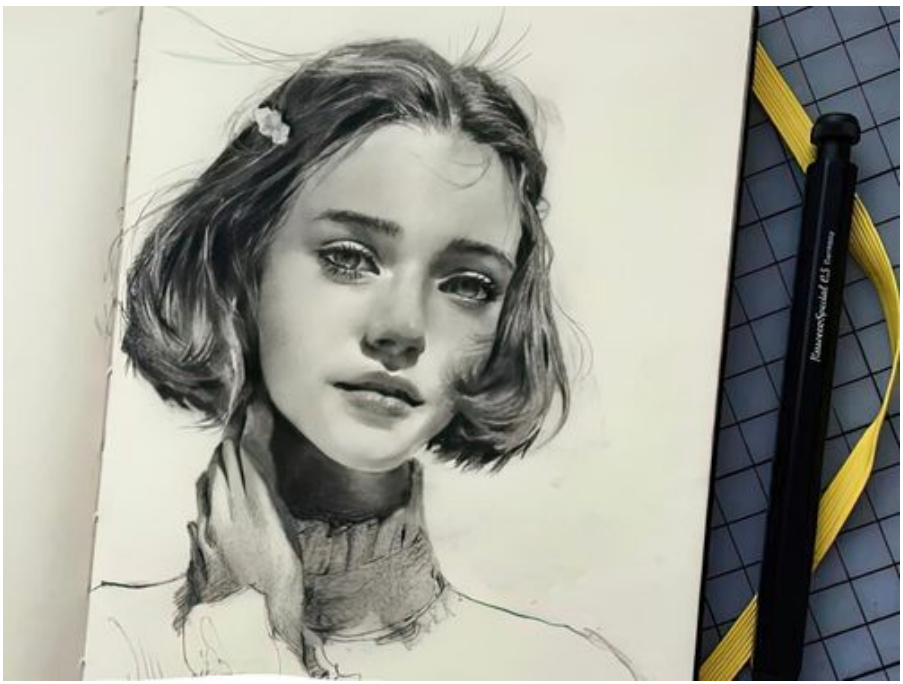
«И держали в аду, чтобы вам этого действительно хотелось», — подумал я, быстро набрасывая скетч за скетчем.

— Ну и как, это оказалось правдой? — спросила Калидия.

— Как сказать… — пожала плечами Алиана. — Еда отличная, одежда красивая, прислуга. Карманные деньги. Учителя, которые не отправляют в карцер за ошибки. При этом ничего особо делать не надо — только сопровождать Родла на всяких мероприятиях, а дома «создавать интерьер» — находиться с ним в одном помещении и быть любезными. Ему нравилось смотреть на красивых девочек, поэтому, пока он работает с документами, мы просто сидим рядом. Самое неприятное — «ночные обязанности», но это не часто и недолго. Он же старый. В общем, после детдома действительно рай.

— Так что же ты сбежала?

— Сама толком не знаю, — вздохнула Алька. — Накатило что-то.



Знаю я, что на неё «накатило». Импринтинг. Побочка от моего воздействия. Я сам толком не понимаю, почему он иногда

возникает. Это случается редко и обычно не создаёт проблем — если бы я вовремя заметил, то легко оборвал бы «привязанность». Просто всё случилось неожиданно и быстро.

— Жалеешь? — спросила Калидия.

— Нет. Почему-то не жалею. Глупо, но сейчас мне кажется, что всё сделала правильно. Оно того стоило.

— Что «оно»?

— Другие миры. Другая жизнь. Что мне светило там? Только выйти замуж. Либо за какого-нибудь жирного чиновного старика, который так выразит преданность Родлу, либо за нищего искателя приданого. А я на эти мужские штуки смотреть без отвращения не могу… — призналась Алька и тут же опомнилась. — Ой, извини…

— Ничего, — отмахнулась Калидия. — Я пока что писаю сидя. И у меня они тоже восторга не вызывают. Просто так надо, и всё.

— А если бы ты была мальчиком, я бы тебе понравилась? — спросила Алиана. — Я никогда не общалась с мальчиками, нам было запрещено.

— Наверное, — пожала плечами Калидия. — Ты простоватая, но симпатичная. Как не мальчику ты мне нравишься, но мальчик — это уже буду не я, так ведь, Док?

Я увлёкся рисованием и не прислушивался, так что вопрос застал меня врасплох.

— Что?

— Я же перестану быть? Калидии просто не станет? Будет совсем другой человек?

— Да, — не стал юлить я. — Тот, кто займёт твоё место, будет помнить то, что помнишь ты, то есть в чём-то будет тобой. Но помнить это он будет не так, как ты, то есть, тобой не будет. Можно сказать, что ты умрёшь, а он родится. Но можно сказать, что это ты изменишься и станешь другим человеком. И то, и другое верно.

— Почему-то мне это кажется больше похожим на смерть, — ответила она мрачно. — И как скоро я перестану быть собой?

— Я стараюсь сделать переход как можно плавнее и мягче, — ответил я, — так что точки «отсюда и впредь» просто не будет. Понемногу твоё мышление будет меняться, ты начнёшь смотреть на мир иначе, и когда физиология догонит, ты испытаешь не стресс, а облегчение.

— И как оно будет меняться, моё мышление?

— Не знаю. Моё дело — задать референс, — я помахал очередным наброском, — дальше ты и мир меняетесь сами. Может быть, однажды ты посмотришь на Альку с другим

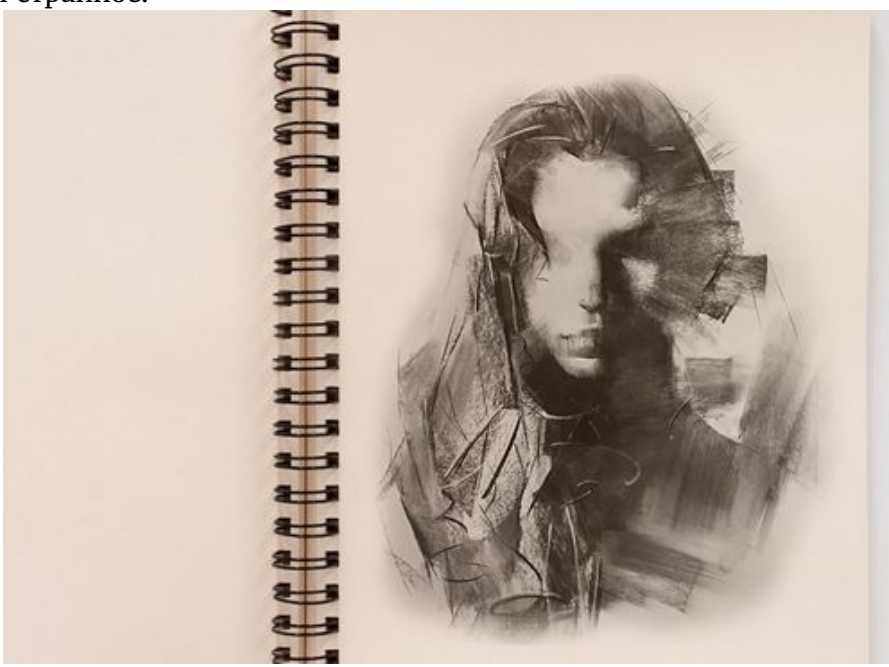
чувством.

«И с новыми ощущениями в штанах», — подумал я, но говорить не стал. Меня куда больше волновал визит Слона, и то, что он меня торопит. Прокрутить три месяца за две недели теоретически можно, но это будет жестоко по отношению к девочке, а уж какой откат словлю я — страшно представить. Надеюсь, Слон что-то придумает, иначе нам всем не поздоровится.

— Можно посмотреть? — Калидия протянула руку за набросками.

Я подал скетчбук.

— Ничего не понимаю, — вздохнула она, — всё расплывчатое и странное.



— Таково твоё сегодняшнее состояние. Ты, некоторым образом, в суперпозиции — одновременно в двух положениях, уходящем и наступающем. Моя задача — сориентировать тебя и мир нужным образом.

— И когда это случится?

— Ты куда-то торопишься?

— Меня бесит неопределённость. Меня бесит то, что я скоро сдохну. И что даже этот последний сраный кусок моей проклятой жизни не могу прожить, как хочу, — она уже кричит, в глазах блестят слезы. — Меня бесите вы с вашими говёнными мутными картинками!

Калидия злобно кинула в меня скетчбуком, встала и быстро вышла из комнаты.

— Простите её, она расстроена, — пискнула Алиана.

— Я знаю. Гормональный сдвиг. Дальше будет хуже. И у неё полно поводов для расстройства. Пойдём пообедаем, что ли.

***

Пообедать не вышло — нас внезапно затребовал к себе Креон.

— К сожалению, вам придётся ускориться, — заявил он.

— Это чрезвычайно опасно, — напомнил я.

— Опасность — сравнительная категория, — ответил спикер. — Мои противники в Совете добиваются экстренного заседания и угрожают импичментом. С высокой вероятностью мне придётся демонстрировать наследника раньше, чем предполагала предварительная договорённость.

— Насколько раньше?

— Скорее всего, у вас не более двух недель.

— Это нереально.

Креон уставился на меня плоским рылом маски. Даже сквозь неё чувствуется тяжесть взгляда.

— Вы говорите неправду, — заявил он. — Я вижу, что вы уже просчитали ситуацию и можете уложиться в срок. Вас беспокоит вред, который вы нанесёте пациентке, ускорив процедуру. Это похвальное качество для врача, но в данном случае вам придётся им пренебречь.

— Фактически это с высокой вероятностью её убьёт.

— Но ведь она и так обречена? Несовместимость с оболочкой смертельна.

— Все обречены. Все однажды умрут. Но это не значит, что жизнь ничего не стоит.

— Я понимаю, что совершать медицинские действия, сокращающие небольшой оставшийся ей срок, для врача неэтично, но…

— У неё нет несовместимости с оболочкой, — невежливо оборвал его я.

— Поясните, — напрягся Креон.

— Проблемы с управляющими имплантами начались, когда начали проводить терапию по смене пола. Из тех поверхностных объяснений, которые я получил, следует, что оболочка идентифицирует человека в момент их… Не знаю, как вы там это называете, когда суёте своих детей в эти жуткие штуки.

— Слияние.

— Вот, его. Ваш экзопаразит присосался успешно, но потом вы начали менять ей пол. Калидия перестала быть тем человеком, на которого настроена оболочка. Начался процесс отторжения — вот и причина дисфункции нервных узлов. Если не менять ей пол, то с высокой вероятностью взаимодействие нормализуется, и она

будет жить дальше, полноценно управляя своим телом и оболочкой.

— Это исключено! — отрезал Креон.

— Вы готовы убить дочь ради должности?

— Ваша формулировка оскорбительна, но, разумеется, вы относитесь к тому большинству, которое ставит личное над общественным. Поэтому объяснять вам понятие высшего долга бессмысленно.

«Вот же пафосный мудак, — подумал я. — Достаточно объявить своё личное благо общественным, и ты навсегда в белом пальто один посреди быдла стоишь красивый». Но вслух, разумеется, ничего не сказал. Ему тоже что-нибудь объяснять бессмысленно.

— Вы уже согласились на, как вы утверждаете, «убивающую её» смену пола, — продолжил Креон. — Отчего вдруг изменили мнение?

— За три месяца я бы «помирил» нового человека с оболочкой. Ваша задача была бы решена, и никто бы не умер. За две недели это невозможно.

— Сомневаюсь, что какое-то шаманское целительство способно преодолеть защиту оболочки. Думаю, вы просто набивали себе цену, рассчитывая покинуть наш мир сразу после завершения лечения. Когда отсроченная болезнь вернётся, вас тут просто не будет.

— Теперь мы этого не узнаем, верно? — пожал плечами я.

Если бы я был целителем — может быть. Но референсы работают иначе. Я меняю не только пациента, но и мир вокруг него. В данном случае — на тот, где вместо девочки Калидии живёт мальчик Калид. И оболочка-паразит приняла своим носителем именно его. Была бы сложнейшая задача за всю мою практику, но я бы справился. Жаль, не сложилось.

— Что-то ещё? — спросил раздражённо Креон.

— Да. Меня новые условия не устраивают. Думаю, наши первоначальные договорённости утратили силу, и мне пора покинуть ваш гостеприимный дом. Пришивайте ей пипиську сами.

— В таком случае ваши рекомендатели не получат желаемого.

— Их проблемы.

— Вас не устраивает оплата ваших услуг? Я её увеличу.

— Не существует такой суммы, на которую можно купить десять лет жизни.

— Я не понял вашей аллегории, — сухо сказал Креон.

— Моё, как вы выражаетесь, шаманство, не бесплатное. Я

трачу на каждое действие часть себя. Если делать это медленно, накладывая одно мелкое воздействие на другое, потери компенсируются. Если сделать разом — только за свой счёт. Прибегнув к аллегории — неспешно прогуляться под дождём грозит разве что лёгкой простудой, а врезаться в воду, упав со скалы — всё равно, что в бетон. Хотя и то, и то — вода. В данном случае откат будет такой, что никакая сумма его не компенсирует.

— Я предложу вам нечто, стоящее дороже этих десяти лет жизни.

— И что же это?

— Две недели жизни. Но прямо сейчас и для всех, — заявил Креон.

— Теперь я не понял аллегории.

— Если вы будете настаивать на расторжении договора, то я распоряжусь, чтобы вас, вашу ассистентку, вашу любовницу, которая приходила к вам вчера, и вообще всю вашу группу ликвидировали.

— Какое выгодное предложение! — сказал я скептически.

— Именно, — кивнул своей маской Креон. — Любой срок лучше, чем никакого. Так что идите и колдуйте старательно — если Совет не устроит ваша работа, то вас не устроит финал вашей жизни.

«Можно подумать, если Совет всё устроит, ты меня отпустишь. Гандон надутый», — подумал я, но опять ничего не сказал. Молча вышел.

— Чего он хотел? — накинулась на меня Алиана.

— На грош пятаков прикупить, — отмахнулся я, но, в силу разного культурного бэкграунда, был не понят.

Пришлось объяснить. В конце концов, мы с ней в одной лодке.

— Но это же ужасно! — сказала Алька, когда до неё дошло. — Бедная Кали!

Надо же, у имени Калидия есть менее официальная форма. И моя ассистентка его использует. Как интересно.

— Нам тоже не позавидуешь, — напомнил я.

— У нас целая команда, мы что-нибудь придумаем. А она совсем одна.

Мне бы её уверенность в Слоне и прочих. Отчего-то мне кажется, что по нам разве что Змеямба всплакнёт. Если умеет. Никогда не видел её плачущей.

***

Калидия сидит мрачнее жопы.

— Отец мне всё рассказал.

— Всё? — удивился я.

— То, что вы хотели спасти мне жизнь тоже, если вы об этом. Я ценю ваши благие намерения, но делайте то, что должно.

— И то, что слияние прошло успешно, что ты могла бы преспокойно жить дальше, оставаясь женщиной, он тоже сказал? И что то, что он меня заставляет сделать, будет убийством?

— Да. Отец никогда от меня ничего не скрывает.

— Вот мудак.

Она никак не прокомментировала, а как по мне, Креон просто перекладывает на неё ответственность за собственную подлость. Не просто убить свою дочь чужими руками, но и заставить её добровольно согласиться на это. Запредельное какое-то блядство. В жопу наследную аристократию. Где тут ближайшая «Аврора»? Носовое к бою!

Но сел, достал скетчбук, выбрал карандаш поострее.

— Почему ты позволяешь с собой так поступить? На самом деле? — спросил я, набрасывая контур.

— Что значит «на самом деле»? — зло переспросила девушка.

— До сих пор ты объясняла свою готовность тем, что всё равно умираешь. Терять, мол, тебе нечего, какая разница, как прожить последние месяцы. Не самое убедительное объяснение, поверь. Я повидал немало умирающих, и ни одному из них не было наплевать, как пройдёт остаток его дней. Но допустим.

Я быстрыми штрихами рисовал волосы, слегка закрывающие красивое лицо с упрямо поджатыми губами.

— Теперь ты знаешь, что скорая смерть тебе не грозит. Но продолжаешь настаивать, чтобы я принёс тебя в жертву во славу политической карьеры отца. Возникает вопрос — в чём настоящая причина?

— Не ваше дело! — вскинулась она.

— Смирно сиди, — одёрнул я девушку. — Я тут рисую, между прочим!

— Раньше вам это не мешало!

— Раньше у меня было три месяца. Теперь две недели. Не хочешь, кстати, объяснить, почему? Раз уж отец тебе всё рассказывает.

— Его политическим противникам требуется свалить его быстро.

— Отчего такая спешка вдруг?

— А вы как будто не знаете? — усмехнулась Калидия.

Мне эта усмешка не понравилась. Что-то она обо мне нехорошее думает. Не то чтобы обо мне нечего подумать нехорошего, но всё же.

— Нет, не знаю.

Я правда не знаю. Совпадение сроков, к которым меня принуждал Слон и тех, что обозначил Креон, наводит на определённые мысли, конечно, но и только. Мало ли, почему две недели.

— Это же ваша делегация выдвинула ультиматум!

— Какая она, к чёрту, «моя»? Хочешь верь, хочешь нет, но я впервые об этом слышу.

— Ещё скажите, что не знаете, что им нужно!

— Скажу. Понятия не имею. Меня притащили сюда исключительно ради тебя, барышня. На кой чёрт мне что-то рассказывать?

— Почему мне кажется, — неуверенно спросила Калидия, — что вы говорите правду?

— Потому что мне, в общем, плевать, веришь ты мне или нет. Это совершенно ни на что не влияет. И хватит уже вертеться! Я и так весьма слабый художник.

Какое-то время мы сидим молча. Калидия обиженно сопит, Алька сочувственно вздыхает, я скриплю карандашом. Новая задача требует более точной техники и детализованного рисунка, а у меня с этим дела обстоят так себе. Когда таланта нет, обходишься терпением и усидчивостью.

— Знаете что, — сказала вдруг Калидия, вставая. — Идите за мной.

Мы с Алькой переглянулись, пожали плечами и пошли. Потом дорисую. Если через колено натягивать мир на референс, то уже не важно — две недели или два дня. Да хоть две минуты. Когда падаешь с небоскрёба, то начиная этажа этак с десятого, конкретная высота уже пофиг. Соскребать всё равно не тебе.

Мы вышли в коридор и шагали по нему довольно долго. Широко живёт спикер Креон, тут можно полгорода поселить, наверное. Но коридоры безлюдны, двери закрыты, никого не видно. Чисто, ухоженно, красиво — и пусто. Наверное, здешними интерьерами любуются в основном роботы-пылесосы. Есть же тут роботы-пылесосы? Должны быть, вон чистота какая.

Калидия привела нас к лифту. На фоне дизайнерских изысков помещений он выглядит как-то удивительно утилитарно — просто стены, просто пол, просто потолок, просто металл, из которого всё это сделано. Даже покрасить не позаботились. Но просторно — будь мы кавалерией, могли бы въехать сюда прямо на лошадях. Но мы и сами не кавалерия, и она к нам на выручку не прискачет. Так что это просто грузовой лифт. Наверное, мы сейчас узнаем, для каких грузов.

Лифт ухнул вниз и помчался, судя по ощущениям, к центру планеты. Кнопки без подписей, номера этажей не высвечиваются,

просто едем и едем. Глубокие, однако, у Креона подвалы.

Встали. Двери раскрылись. Небольшой тамбур, широкий проход, помещение с голыми бетонными стенами и здоровенными стальными воротами самого зловещего вида. Перед ними два… Сказал бы «человека», но… Нечто антропоморфное — да. Две руки, две ноги, голова. Но на людей эти ребята похожи слабо. Что-то настолько вызывающе-кибернетическое, что даже не хочется выяснять, есть ли там где-то внутри мозги, или обошлись баллистическим калькулятором. При нашем появлении они почти не пошевелились, только повернули головы и уставились на Калидию объективами глаз. В руках у обоих пушки такого калибра, что страшно представить отдачу, но им, наверное, безразлично.

— Калидия. Плюс два, — сказала девушка спокойно.

— Допуск подтверждён, — ответил один из киберболванов голосом, который отлично подошёл бы шагающему экскаватору.

Внутри ворот что-то зажужжало, и они начали медленно открываться.

***

Раскрывать ворота во всю ширину ради нас — много чести. Створки разъехались так, чтобы человеку пройти — и только. За ними — коридор из чёрного как ночь матового камня. Это не причуды дизайна — сами стены сложены из массивных каменных блоков, подогнанных удивительно точно. И не только стены — пол и потолок из тех же чёрных каменных параллелепипедов, каждый размером с автомобиль. Свет только из ворот, внутри нет

ни отделки, ни светильников. Калидия взяла из стойки у входа два фонаря — мне и Алиане, — сама опустила на глаза очки-экран. Наверное, в них встроен какой-то ПНВ.

Ворота за нами закрылись, и мы, включив яркие фонари, пошли вперёд.

— Что это за место? — не выдержала в конце концов Алька, оглядывая мрачные тёмные стены череды пустых помещений.

— Цитадель Ушедших, — ответила Калидия.

— И куда они ушли? — спросил я.

— Никто не знает. Это было задолго до того, как мои предки нашли здесь капсулы с оболочками и сумели их активировать. Те, кто выжил во время слияния, стали кланом владетелей. Вот, здесь они хранились, смотрите!

Круглое помещение похоже на внутреннюю проекцию револьверного барабана на десять гнёзд — колонна посередине и полуцилиндрические выступы в стенах. Один из них девушка раскрыла, сдвинув тонкую стенку. Пустая камора, патронов в этом барабане нет.

— Оболочки были упакованы в продолговатые коконы, похожие на муравьиные яйца. Никто не знал, что это, пока Мелдар не захотел отнять один из них у Еданта. Едант, защищаясь, разрубил ему шею, кокон залило кровью, и он раскрылся. Так владетели обрели оболочки, — Калидия криво улыбнулась и пояснила, — семейные легенды.

— И много их было? — спросил я.

— Много. Я не помню точного числа, но таких помещений тут десятки.

— Прилично, значит, кровушки пролили.

— Да, — подтвердила девушка, — все они активированы ещё тогда, и с тех пор только меняют хозяев.

— Ты это хотела показать? — спросила Алиана.

— Нет, это просто древняя история. Нам дальше.

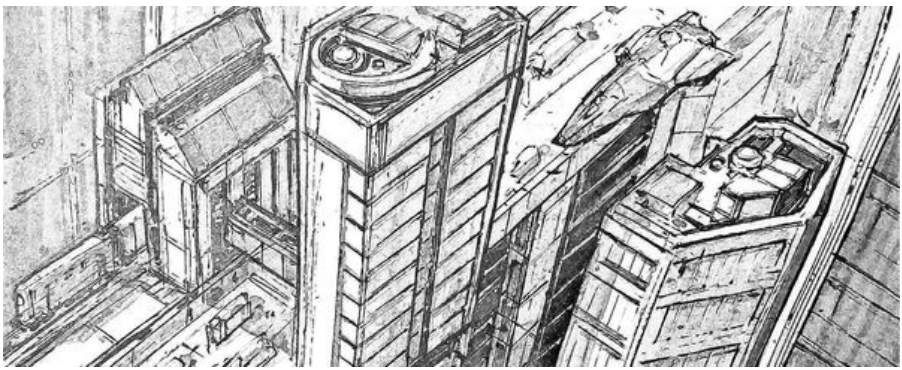
Снова коридоры и залы. Здоровенная эта Цитадель Ушедших, однако. Похоже, что особняк Креона построен на ней, как на фундаменте. Надо думать, это что-то означает в местной табели о рангах. Самая большая жаба в местном болоте или типа того.

— Нам сюда, — Калидия нырнула в каменную арку, нащупала в стене узкую щель, вставила туда металлическую пластину с фигурно вырезанным краем и с усилием нажала. Внутри что-то гулко грохнуло, и часть стены отъехала в сторону, открывая проход. За ним узкая винтовая лестница вниз, три витка и новое тёмное помещение. Впрочем, тёмным оно было недолго — девушка потянула вниз массивный рычаг, и некоторые камни в стенах зажглись розоватым закатным светом.

— Световоды наверх, — пояснила она. — Ещё с тех времён. Смотрите, вот это то, что нужно вашим.

— Охренеть, — выдавил я из себя, когда снова смог говорить. — Вот реально охренеть совсем.

Глава 10. Эликсир жизни



— Вы знаете, что это? — с удивлением спросила Калидия.

— Как ни странно — знаю, — кивнул я. — Видел однажды. Но ты права, мало кому повезло увидеть даже одну. А здесь их… Много.

— Я не знаю! Я! — Алька аж подпрыгивать начала от возбуждения. — Расскажите мне, ну пожалуйста! Что это за штучечки!

Цилиндрический контейнер из тёмного металла раздвигается вверх, и там в любимой Ушедшими револьверной компоновке плотно упакованы блестящие, как капли ртути, капсулы. Я видел такую один раз и уже пустой.

— Это не «штучечки», — вздохнул я. — Это самое дорогое и редкое в Мультиверсуме вещество — ихор. То ли кровь хтонических чудовищ, то ли моча демиургов, то ли жидкая первоматерия Мультиверсума.

— И что он делает? — спросила Алиана.

— Делает людей богами.

— Правда, что ли?

— Нет, брехня. Но многие верят.

— Тогда какой в нём смысл? — удивилась Алька.

— Это метаболический агент фантастической эффективности, отменяющий предел Хейфлика1 для человеческих клеток. Если его принимать, то не состаришься и не умрёшь. Своего рода эликсир бессмертия. Не думал, что его где-то можно увидеть в таком количестве.

1 Предел, или лимит, Хейфлика (англ. Hayflick limit) — граница количества делений соматических клеток, определяющая запрограммированную

продолжительность жизни организма.

— И сколько он стоит?

Ух, как глазки заблестели!

— Сколько попросишь. Во что ты оценишь вечную жизнь? Даже представить себе не могу, что за него пообещали Креону…

— Технологию клонирования оболочек, — сказала Калидия. — При определённых условиях оболочка может выделить из себя спору, которую можно вырастить в новую оболочку. Но для этого нам чего-то не хватало, не знаю, чего именно. Ваши готовы это обменять на ихор.

— Любопытно… — сказал я. Заинтересованность Слона заиграла для меня новыми красками.

— Я почти ничего не поняла, — расстроилась Алька.

— Давайте выберемся отсюда и поговорим, — предложила Калидия. — Не слишком уютное место.

Лифт вёз наверх дольше, чем вниз, и высадил на плоской крыше. На город спускается вечер, неон подсвечивает туман. С высоты панорама смотрится особенно стильно — потому что не видны подробности.

— Откуда берётся этот ихор? — спросила Алька.

— Я не знаю, — равнодушно призналась Калидия.

Мне кое-что рассказывала Змеямба. Она дама со сложной биографией, входила одно время в высшие круги одного весьма развитого мира, в силу этого посвящена в некоторые тайны.

— Его находили в неразграбленных Цитаделях, — поделился

я. — От Ушедших по Мультиверсуму осталась куча всякого хлама. Находили мало и редко, потом все найденные Цитадели обчистили, и настоящего, артефактного ихора теперь не найти.

— А какой ещё бывает? — спросила Алиана.

— Одно странное сообщество гонит его как самогонку, бог весть из чего, но получается похуже. Действует не навсегда, кто уже старый — не омолаживает, приём надо регулярно повторять, побочки какие-то… Его называют просто «веществом», стоит оно космически, но всё равно не то. Ихор, по слухам, один раз принял — и живёшь вечно.

— Пока не убьют, — уточнила Калидия.

— Да, это важное уточнение, — признал я. — От насильственной смерти не помогает. Просто выключает старение, клетки снова начинают делиться, организм омолаживается и остаётся таким до тех пор, пока кто-нибудь не грохнет счастливчика тупо из зависти.

— Ух ты! — сказала Алиана мечтательно. — Мне бы так…

— Слушай, — спросил я Калидию, — а почему ваши хотят продать ихор? Почему сами не вмажутся?

— Он несовместим с оболочками. Это ещё в древние времена выяснили — либо то, либо другое. Оболочки не принимают тех, кто получил ихор, а если получить после слияния — то отторгают. С летальным исходом.

— И вы выбрали оболочки? Странно.

— Наши предки решили, что цивилизация вечных бессмертных правителей обречена на стагнацию и распад. Это было сложное решение, не все были с ним согласны тогда, и тем более не все сейчас.

— Так вот в чём замес в вашем Совете! — осенило меня.

— Да, — кивнула Калидия. — Отец считает, что надо размножить оболочки, расширив аристократию за счёт тех, кто сейчас не может войти в состав правящих. Из-за того, что оболочек осталось мало, правят не те, кто имеет способности, а те, кому повезло их получить.

— Узкий, строго наследственный пул, — уточнил я. — Плюс проблема генетической совместимости.

— Именно. Если оболочек станет намного больше, мы сможем привлекать в правящую страту не только близких родственников. Чтобы доказать, что это возможно, отец женился на моей матери, простолюдинке без генетической связи с владетелями. То, что я прошла слияние, подтвердило его правоту — нынешний тесный круг может быть расширен.

— Надо полагать, не все согласны с твоим отцом, — примерил я погоны Капитана Очевидность.

— Многие считают, что надо поступить наоборот. Не расширять аристократию за счёт притока свежей крови, а предельно сузить её. До числа тех, кто получит дозу ихора и будет затем править вечно.

— Тем самым навсегда закрыв вопрос сменяемости власти, — закончил я её мысль. — Красивая комбинация. Надо полагать, её особенно поддерживают те, кому оболочек не досталось, а значит, и ихор не противопоказан.

— Их называют «ждущие», — уточнила Калидия. — Входят в Совет с ограниченными правами. Раньше был шанс, что кто-то из носителей умрёт, и они получат оболочку по наследству, но теперь оболочек так мало, что им ничего не светит.

— Быть «вечнождущим» и навсегда остаться второго сорта — так себе перспектива, — покивал я. — Рискну предположить, что таких большинство, а между ними и абсолютной властью с бессмертием стоит только твой отец.

— Не он один, — ответила Калидия. — Старая аристократия, в основном, на его стороне. Они хотят избавиться от ихора, чтобы избежать раскола среди владетелей. Но и среди них нет единства — некоторые не хотят рисковать жизнью детей, опасаясь, что те не переживут слияния. Предпочли бы сделать вечноживущими правителями их, раз уж самим никак. Именно они поставили вопрос импичмента действующему спикеру, который со смертью наследника перестал удовлетворять требованиям. У него дочь-полукровка, протез руки — всё это формально позволяет требовать досрочного пересмотра статуса.

— В общем, — уточнил я, — если Креона выпрут из спикеров, хрен нашим, а не ихор. Сами всё выжрут.

— Скорее всего. Теперь вы понимаете, как это важно?

— Угу-угу. А ты, значит, решила возложить свои юные перси на алтарь отечества?

— Мне не нравится ваш тон, — насупилась Калидия.

— А мне не нравится, милочка, что ты мне врёшь. У тебя есть какая-то личная причина, за политику так не убиваются.

— Эта причина важна для процесса…

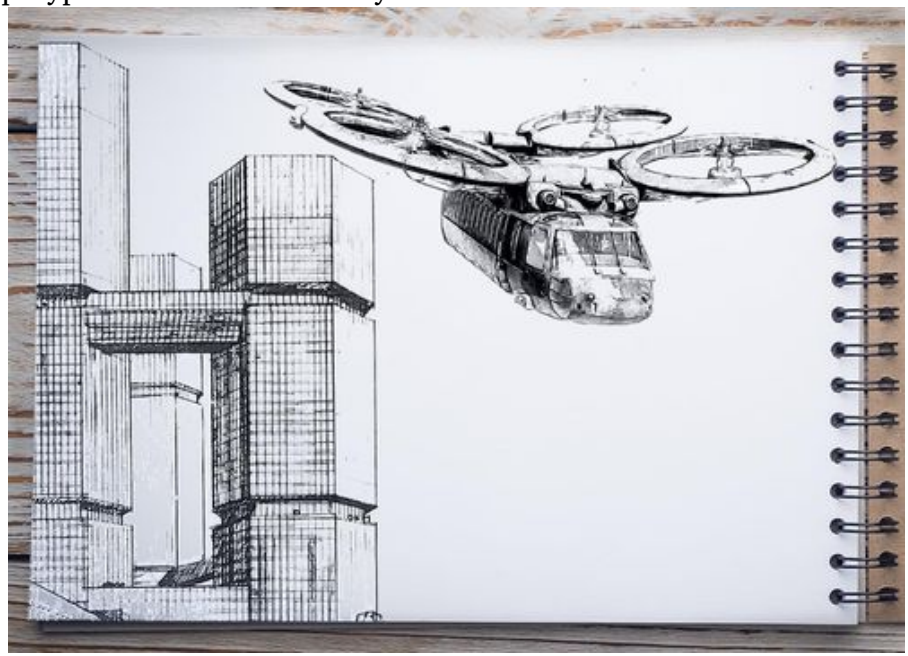
— Гендерной трансформации? Нет.

— Тогда это не ваше дело! — отрезала она ледяным тоном.

— Может, и не моё, — согласился я. — И всё же. Не так давно ты пыталась отчекрыжить мне башку, чтобы не становиться мальчиком, а теперь ты готова сдохнуть, лишь бы это случилось. Что поменялось, Калидия?

Ответить она не успела. С тёмного неба стремительно спикировал летательный аппарат незнакомой конструкции. Он завис в метре над крышей, из открывшейся двери выпрыгнули три

фигуры в оболочках и метнулись к нам.



— Бежим! — крикнула Калидия и побежала к лифту.

Она успела. Успел бы и я, но Алька, не имеющая опыта моментального исполнения неожиданных приказов, протормозила, а я потерял время, приводя её в движение вручную. Лифт закрылся перед нашим носом.

***

То ли леталка шустрая, то ли лететь недалеко, но высадили нас быстро. Ну, как «высадили» — вышвырнули. Алька удачно (для неё) приземлилась на меня, пол оказался твёрдый — это всё, что можно сходу определить с мешком на голове. Руки замкнуты за спиной какими-то модными наручниками, но я, извернувшись, нащупал Алькин мешок и сдёрнул его. Она, повозившись, оказала мне ответную услугу. Без мешков мы увидели, что валяемся на полу в комнате без окон и мебели. Потолок состоит из двух половинок, видимо раздвижной. Так что нас, скорее всего, через него и вбросили, выпихнув из летательного аппарата. Тусклое освещение даёт лента светильника по периметру потолка, но смотреть тут особо не на что. Решил смотреть на Алиану, она здесь самое симпатичное зрелище, несмотря на испуганную физиономию и растрёпанную от мешка причёску. Очень хочется ощупать себе ребра, на которые она грохнулась чем-то удивительно острым для такой приятно-округлой в целом девушки, но при скованных сзади руках это невозможно. Надеюсь, ушиб, а не перелом.

— Ты цела? — спросил я Альку.

— Вроде бы, — сказала она неуверенно. — Ничего не болит. Испугалась только. Они нас убьют, как вы думаете?

— Убить они нас и на крыше могли, — успокоил я девушку.

Честно говоря, то, что нас не убили сразу, вовсе не означает, что не убьют позже. Предварительно помучив с целью получения какой-нибудь информации, которой мы можем располагать, а можем и нет. Как правило, на факт применения пыток осведомлённость пытаемого не слишком влияет. Будут пытать, чтобы проверить, действительно ли не знает, или чтобы убедиться, что рассказал всё. Пытаемый в данном случае сторона пассивная, инициатива не на его стороне. Но Альке я это озвучивать не буду.

Допрашивать нас никто не спешит, поэтому мы уселись на полу, прислонившись к стене и друг другу, что составило максимум возможного в таких скудных условиях комфорта. Я бы вполне мог, пользуясь случаем, подремать, но девушка, конечно, нервничает и не даёт расслабиться.

— Как вы думаете, кто нас похитил?

— Судя по модным костюмчикам — местные элитарии. Такое в магазине не купишь.

— Как вы думаете, зачем нас похитили?

— Одно из двух — чтобы мы не были там, где были, или чтобы мы были там, где не были.

— Не поняла… — призналась Алька.

— Либо целью было увезти нас оттуда, либо целью было привезти нас сюда. В первом случае они не хотят, чтобы я выполнил заказ Креона, во втором — я им зачем-то нужен тут. Тебя, извини, скорее всего, прихватили просто за компанию.

«Или для воздействия на меня. Например, чтобы посмотреть, как я отреагирую, если тебя будут при мне пытать. Если я вдруг окажусь стоек к пыткам сам», — это то, что я мог бы добавить, но не стал. Зачем мне девичьи истерики? Кстати, я вовсе не собираюсь изображать пленного партизана — расскажу всё, что просят. Моей стороны тут нет. Но, как я уже говорил, на применение пыток влияет готовность к ним пытающего, а не пытуемого.

— А как вы думаете… — не унимается девица.

— С трудом, — перебил её я. — С трудом думаю. Башкой треснулся, когда упал.

Преувеличиваю. То есть, башкой я, конечно, треснулся, но не настолько, чтобы волноваться на сей счёт. Симптомов сотрясения не наблюдаю. Но надо как-то пресечь её трындёж.

— Повернись лучше задом, — попросил я, — посмотрю, что за наручники тут в моде.

Наручники оказались гуманные, но крепкие и с электронным замком. Такие шпилькой не откроешь, даже будь у меня шпилька и свободные руки к ней. Скажу честно — я и обычные-то шпилькой не открою. Вообще чёрта с два их шпилькой откроешь, если это не в кино.

Уселись обратно. Я пригрелся и начал уже задрёмывать, но Алька опять завозилась.

— Чего тебе не сидится, егоза? — спросил я недовольно.

— Писать хочу!

— Терпи.

— Не могу больше!

— Писай в штаны. Только отодвинься сначала.

— Не могу в штаны!

— А чего там мочь-то? — удивился я. — Дело нехитрое.

— Когда я была маленькая, нас в детдоме за намоченные штаны выставляли голыми в коридор. Я один раз не дотерпела — и стояла так. Все смеялись, показывали пальцами и кричали: «Фу, обоссака!». Я ужасно плакала и думала, что умру.

— Да, педагогика у вас не самая прогрессивная, согласен. Но ты уже не маленькая, и это не детдом. Твои мокрые штаны будут на совести тех, кто нас тут держит. Кстати, от этого ещё никто не умирал.

— Все равно не могу.

— Тогда терпи дальше. Вариантов, сама понимаешь, немного. Только постарайся не ёрзать.

Но она все равно ёрзала, конечно. Уснёшь тут, как же. Я бы налил в штаны без колебаний, но меня пока, слава богу, не подпирает.

Хватило её минут на десять.

— Михл, вы не могли бы, ну… Расстегнуть мне штаны?

— Сортира тут нет.

— Я отойду в угол, а вы отвернётесь. Лучше так, чем в мокрых штанах.

— Пожалуй, — согласился я. — Давай попробуем.

Она в брюках, довольно узких, ширинка на пуговицах. Расстёгивать её на ощупь, руками, скованными за спиной, — тот ещё тактильный квест. Но справился.

— Отвернитесь!

Я и не поворачивался, так что только плечами пожал, слушая сопение и возню за спиной.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

— Что такое?

— Не могу стянуть штаны! Руки за спиной! Не получается! Они узкие!

Сделал полшага назад, зацепил пальцами пояс брюк, присел, стягивая вниз, к коленям.

— Так лучше?

— Ещё трусы, пожалуйста.

Повторил фокус с трусами, с трудом нащупав узкую резинку и стараясь не нащупать ничего лишнего.

— Простите, мне очень неловко.

— Ничего, — сказал я, — те, кто за нами сейчас наблюдают, уже наверняка описались. От смеха.

— Вы думаете, на нас смотрят? — переполошилась она. — Я так не могу…

Вот кто меня за язык дёрнул?

— Слушай, ты уже стоишь в спущенных штанах, что тебе терять? — заметил я философски. — Иди уже, сливай балласт.

За спиной зажурчало. Природа всегда своё возьмёт.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! Ну что за гадство, а?

— Что ещё?

— Я присела и не могу встать теперь! О боже, я сейчас плюхнусь в собственную лужу!

Я плюнул на приличия и повернулся — девушка, присев в углу, завалилась назад, к стене и теперь ёрзала, пытаясь встать без помощи скованных сзади рук. Получалось плохо, точнее никак. Пришлось подойти, развернуться, ухватить пальцами за блузку, придать наклон вперёд — только тогда смогла.

Надела штаны уже сама, я только ширинку застегнул.

— Мне ужасно неловко и невыносимо стыдно, простите. Я, правда, не могу в штаны.

— Обращайся.

— Надеюсь, больше никогда в жизни.

В помещении теперь пахнет понятно чем, но тут уж ничего не поделаешь. Хоть не по большому ей приспичило, вот это был бы действительно цирк.

Уселись обратно, стараясь не смотреть в осквернённый угол.

— Я вам тоже помогу, если придётся, — отважно заявила Алиана.

— Учту, — коротко ответил я.

— Вы думаете, за нами подсматривают?

— Почему «подсматривают»? Просто наблюдают. Фиксируют реакцию на обстановку, уровень нервозности, ищут слабые места в психике. Если нас собираются допрашивать, то это обычный приём. Ну, один из, — поправился я. — Есть разные методики допросов.

— Вы много об этом знаете, — заметила Алька.

— Жизненный опыт. Единственное преимущество возраста.

Не завидуй — всё остальное недостатки.

— А сколько вам лет, Михл?

— А ты как думаешь?

— Тридцать?

— А если не кокетничать?

— Ну… Не знаю. Сорок? Сорок пять?

— Пятьдесят пять.

— Да ладно? — не поверила девушка. — Родлу пятьдесят один, и он по сравнению с вами старик. Противный и толстый, с проблемами… Ну, в общем, в постели. А вы со Змеямбой… — Я прям спиной почувствовал, что она краснеет. — Простите, было слышно. Ну, тогда, в мотеле.

— Здоровый образ жизни.

— Правда?

— Нет. Чёрта с два он здоровый. Просто однажды я был тяжело ранен, и Зме дала мне одно лекарство… Точнее, не лекарство. Помнишь, я говорил, что есть самодельный ихор?

— Да, — кивнула она. — «Вещество»?

— Именно. Я получил небольшую дозу, в большом разведении, но это спасло мне жизнь и задержало старение лет на десять. К сожалению, временный эффект. Однажды я получу своё сполна.

— А вы бы хотели… Ну, полную дозу? Чтобы снова молодой — и навсегда?

— Знаешь, наверное нет.

— Но почему!

Она аж подскочила, несмотря на то, что руки скованы.

— Мне не для кого и не для чего жить. Даже то немногое, что мне осталось. А уж «навсегда» — это вообще слишком долго.

— А я бы всё за это отдала! — горячо заявила девушка. — Вот вообще всё! Быть всегда молодой! Просто всегда быть!

— В твоём возрасте я бы думал так же, — кивнул я.

Когда тебе семнадцать, то кажется, что от жизни невозможно устать.

— Простите, что спрашиваю, вы же вдовец? Ваша жена умерла?

— Да, два года назад.

— Вы её любили?

Кто о чем, а девочки всегда про любовь.

— Очень.

— Вы не смогли её спасти?

— Я не всесилен. И я опоздал.

— Вот почему вы говорите, что вам не для кого жить… А почему не хотите начать новые отношения? Найти новую любовь?

Ох уж мне эта девичья романтика…

— Очень сложно сойтись с кем-то, если ты не молод.

— Почему?

— Пластичность утрачена. Отношения — это как притирание двух жерновов. Они трутся, летит пыль, и, если повезло, образуется плоскость прилегания. Там, где у одного камушек, у второго бороздка, и наоборот. Но если такие твёрдые конкреции попадают друг на друга, то всё, ничего не выйдет. Будут биться, искрить, делать друг другу больно — но не сольются в одно. Надо искать другую пару.

— Понимаю, — согласилась Алька.

— Так вот, дело в том, что жизнь, как таковая, обладает схожим эффектом. Ты трёшься об мир, и то, что может в тебе стесаться, — постепенно стёсывается. Миру, в целом, пофиг, а от тебя с возрастом остаются одни твёрдые фрагменты. Камни, которые мир не смог обтесать. И ты уже не можешь притереться к другому человеку. Истираться нечему. Будешь биться своими камнями в его камни, а толку чуть, только искры, злость и обида.

— А как же вы со Змеямбой? У вас же всё хорошо, так?

— Мы старые друзья, а теперь ещё и любовники, так. В этом смысле всё хорошо, потому что нам обоим именно это сейчас нужно. Но если бы мы попытались стать парой, то искры полетели бы такие, что мамадорогая. Мы как два старых оббитых куска кремня — одни сколы, острые углы и режущие кромки. Друг друга не изменим, а кого помягче сотрём в порошок. Возраст — это в том числе и одиночество. Поэтому вечная жизнь была бы вечным одиночеством.

— Звучит грустно.

— Вот именно.

— И всё равно — я бы попробовала! — повторила она упрямо.

Хорошая штука — молодость. Есть время до того, как станешь всё повидавшим унылым говном.

***

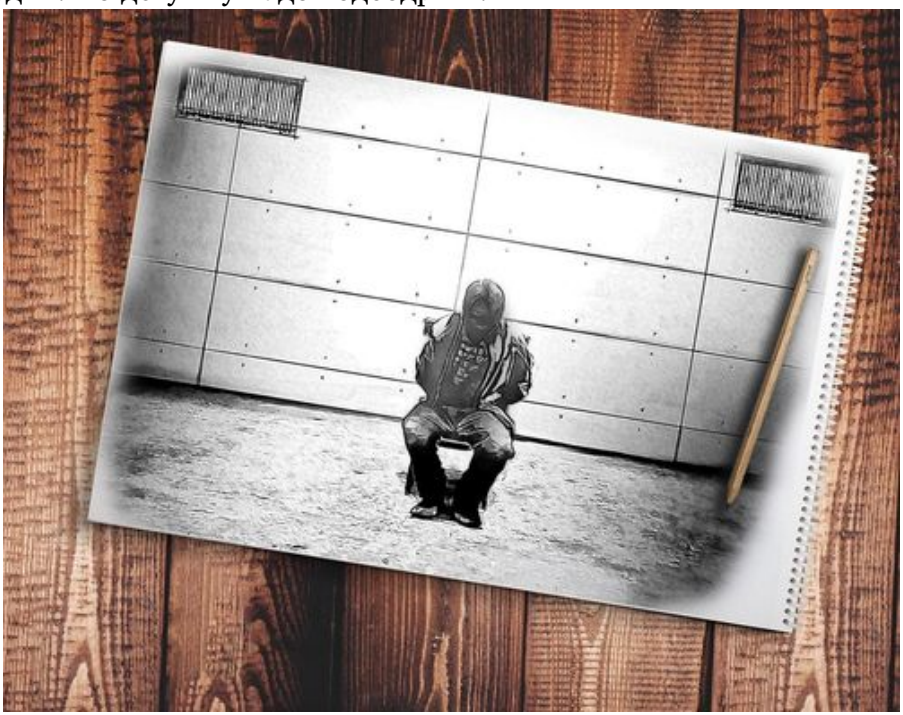
Допрашивать нас явились, когда я уже начал раздумывать, а не воспользоваться ли любезным предложением Алианы. Всякое случалось в моей жизни, но ещё никогда девушка не помогала мне пописать. Новый опыт, новые впечатления. И штаны мочить не хочется, факт. Ходи потом, как дурак, в мокрых.

Но два мужика в масках припёрлись раньше, чем вопрос встал действительно остро.

Пришли, заводили нарисованными харями, возможно, принюхиваясь. Да, пахнет, а вы-то чего ожидали? Запах им не понравился, или другие какие причины нашлись — но нас отвели в другую комнату. Там светлее, есть стулья и в углу не нассано —

это плюс. Зато в углах торчат два кибера — это минус. Если меня бить руками — я могу показать пару фокусов даже связанный. Ломать — не строить, обойдусь без картинок. А если кибернетическими железяками — то увы.

Нас усадили на стулья. Алька испугана, аж трясётся. Побелела вся. Ожидание насилия с непривычки хуже самого насилия. На то и расчёт. Затем и мариновали. Правильная линия сейчас — молчать, пока не спросят. Так бы я и поступил, будучи один. Но девушку надо подбодрить.



— Наручники снять не хотите? — спросил я выбранную наугад маску.

Та никак не отреагировала, да я и не ждал.

— Боитесь, щелбанов навешаю? — продолжил я ломать комедию. — Это правильно. Звук сразу выдаст, что бошки пустые.

Шутка так себе, согласен. Но Алька нервно хихикнула от неожиданности. Я, собственно, для неё это все говорю. Эти двое все равно будут делать, что собирались, а те, что в углах — вообще железные.

— Ну, чего молчите? У вас там под масками рожи или сразу жопы? Или вы, чистокровные, так промеж себя перееблись, что одно от другого не отличить? Близкородственное скрещивание столько поколений — это вам не шутки!

Надо же, да их зацепило! Ручками заёрзали! Дилетанты, фу. Специалист по допросам никогда не поведётся на подначки

допрашивемого. Это азы. Неужели разведу дать мне по морде?

— Вы женаты на племянницах или на сёстрах? Или вы двое женаты друг на друге? Говорят, педерастия в благородных семействах дело обычное. И кто из вас пассив? Не то, чтобы мне было интересно, но надо же вести светскую беседу? Вы молчите, приходится мне отдуваться… Ну же, аристозады жопомордые, сделайте хотя бы вид, что знаете, зачем нас притащили! Спросите что-нибудь уже, ну! Хотя бы «который час» или «как вам погода сегодня»? Разве не так принято? Кстати, часов у меня нет, погоду не вижу, но разговор поддержим.

Смешно, но они «поплыли» — переглянулись масками, засучили лапками — я выбил их из сценария, и они не знают, что делать. Думали, допрос — это просто? Посадил на стул, напугал, дал по морде — и всё? Чёрта с два. Это тоже уметь надо. А они — не умеют. Сейчас меня будут бить, но это будет их проигрыш, а не мой, потому что такой мордобой — не часть стратегии давления, а демонстрация бессилия. Впрочем, по морде все равно получу я, так что всё относительно.

Тот, что стоит слева, повернулся к киборгу и показал на меня. Кибер выдвинулся из угла и направился к стулу. Зловещих жестов, вроде разминания кулаков и свирепых гримас, он не делает, по причине того, что болван синтетический, но выглядит внушительно. Бедная моя морда, всю жизнь она страдает из-за моего языка. Сделав три шага, кибер застыл и молча повалился на бок. Второй моментально перешёл в боевое положение, пригнувшись и изготовив к стрельбе оружие, — в этой позе и упал. Открылась дверь, вошёл Слон.

— Как говорится, «ничего не бойся и жди русских», — выдал он свою коронную фразу. — Они тебя даже побить не успели?

— Да, сегодня ты вовремя.

— Но-но! — Слон строго осадил задёргавшихся масочников. — Даже, блядь, не думайте! Я человек терпеливый, но вот эта дама на вас чертовски зла!

Из коридора в помещение жутковатым привидением просочилась Калидия — в оболочке и с мечом. С меча что-то зловеще капает, надеюсь, тормозная жидкость, или что там циркулирует в киберах. За ней очень буднично вошли Змеямба с винтовкой и Гай — с какой-то очень электронного вида хернёй в руках. Похожа на продукт перекрёстного опыления между антидроновым ружьём и блоком строчной развёртки лампового телевизора.

— Ха, работает, надо же! — сказал он с удовлетворением, потыкав носком берца в лежащего на полу кибера.

— Гай, ты хочешь сказать, что не был в этом уверен? — удивился Слон.

— Но ведь сработало же, — рассеянно ответил Гай. — О, а вот эту штучку я заберу. Давно хотел посмотреть, что внутри…

Он с усилием выкрутил из рук кибера футуристическое ружье. Затем подошёл к нам с Алькой, чем-то ткнул в наручники, и те раскрылись.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Не вопрос, — отмахнулся тот.

Допрашивавшие продолжают стоять столбами. Калидия направилась к ним так решительно, что я ожидал зрелищной декапитации — «мой меч, твоя голова с плеч», но она всего лишь сдёрнула с них маски. Да, недаром мои подначки их так вздрючили — не красавцы оба. И это очень мягко сказано. Лошадиные длинные физиономии с выдающейся вперёд челюстью, узкие, близко посаженные глазки, низкие покатые лбы, слишком крупные носы, общая ассиметрия строения лицевых костей… Похожи как два яйца.

— Вы атаковали владетеля Креона, — сказала девушка синтетическим неузнаваемым голосом.

— Это уже неважно, — сказал тот, что слева. — Креон будет

низложен. А ты, Ка…

Он замолчал на полуслове, потому что меч вошёл ему остриём точно в сердце.

Слон только начал говорить «Что за на…», как Калидия моментально продублировала удар на втором аристократе. Меч метнулся стремительно и точно, как иголка электрической швейной машины.

— Э… Ну, как скажете, барышня… — сказал командир задумчиво. — Это, наверное, что-то личное.

— Меня сейчас стошнит, — сказала Алька и еле успела отбежать в угол.

Теперь в одной комнате нассано, а в другой — наблёвано. Так себе из нас гости. А мы и не напрашивались.

Эвакуировали нашу группу с крыши. Выручать меня Слон прогулял всю команду, за исключением Джаббы, конечно, так что за нами пришли аж три леталки — таких же, как та, на которой похитили нас, только цвет другой.

— А дамочка резкая, как понос, — сказал мне Слон, кивнув в сторону сидящей к нам спиной Калидии. — Видел бы ты, как она там на входе зажгла… Всё-таки костюмчики эти — стильная вещь. Я бы не отказался.

— Отказался бы, поверь, — разочаровал его я. — Там сильно непросто с ними.

— Да уж думаю, — вздохнул он. — Халявы вообще не бывает.

— Как вы нас нашли?

— Так вот она и привела. Мы чуток очковали, врать не буду. Лезть в местные властные разборки — говно идея, сам понимаешь. Но она была убедительна, а главное — щедра. Контракт не запрещает нам брать попутные задачи.

— То есть, — уточнил я, — ты спас меня потому, что тебе за это хорошо заплатили.

— Договор с этой дамой просто развязал мне руки, — уклончиво ответил Слон. — Одно дело штурмовать дом владетеля по собственной инициативе, а другое — по договору с другим владетелем. Юридический, так сказать, нюанс.

Стал бы Слон меня вытаскивать без этого нюанса, я уточнять не стал. Я его понимаю — ситуация сложная, а командир отвечает за весь отряд. Что-то он бы определённо предпринял, бросить своих — ребята не поймут. Но был бы гораздо, гораздо осторожнее. Скорее всего, более осторожным, нежели эффективным. Но речь в мою память сказал бы трогательную и грозную, он умеет.

Калидию, Альку и меня высадили на крышу владетеля Креона, остальные отбыли по месту расположения. Дело к утру,

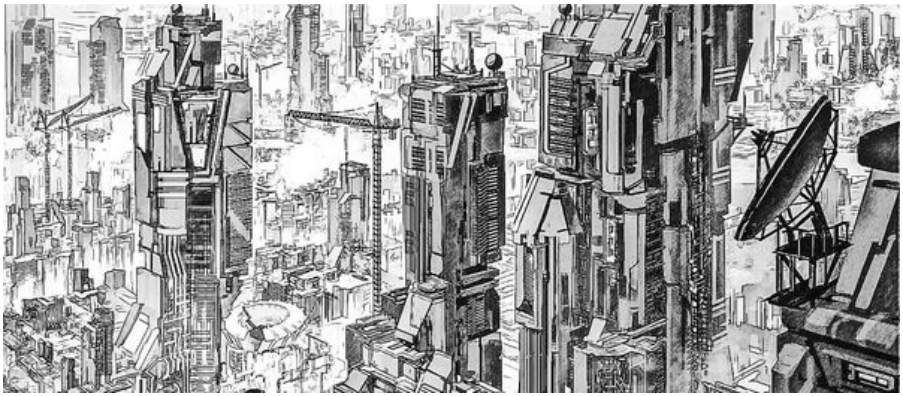
город утонул в подсвеченном неоном тумане.

— Спасибо, — сказал я затянутой в жутковатую оболочку девушке.

— Они напали на владения Креона, — ответила она.

Синтетический голос не передаёт интонаций, но мне показалось, что прозвучало подчёркнуто сухо. Мол, не ради вас старалась, а защищала родовую честь, или что там у них. Однако то, что она наняла команду Слона, а не явилась во главе гвардии владетеля, наводит на размышления. Надеюсь, она не потратила на это все карманные деньги.

Глава 11. Положительная динамика



— Почему раньше вы делали много быстрых набросков, а теперь рисуете день за днём одну картинку? — требовательно спросила Калидия. — Мне надоело сидеть в одной позе!

— Потому что раньше я менял мир, а теперь фиксирую, — ответил я. — Как ты себя чувствуешь после вчерашних приключений?

— Удивительно хорошо, — признала она. — Я прекрасно контролировала оболочку в бою, была с ней в полном физическом и эмоциональном контакте и после рассоединения мне не стало хуже.

— То есть, динамика положительная, — кивнул я. — А значит, заткнись и не мешай мне делать своё дело.

— Это было очень грубо и неуважительно.

— Похрен, — ответил я, размазывая пальцем тени.

Портрет выходит неплохо, для меня так даже отлично. Штрихи ложатся так, как надо, а значит, Мироздание принимает то, что я делаю. Хотя я, возможно, совершаю самоубийственную глупость с непредсказуемыми последствиями. Что поделать — в любом процессе есть обратные связи. Милая девушка Калидия на моих глазах хладнокровно зарезала двух малоприятных, но всё же живых людей. Не в бою, а казнила с холодным расчётом. Потому что пока она управляет оболочкой, оболочка управляет ей. Обратная связь. Я своими референсами меняю мир, а мир в ответ меняет меня. Игнорировать это не получается. И да, это бесит.

— Что-то изменилось, да? — догадалась она. — Я должна чувствовать себя хуже, оболочка должна отторгать меня. Но этого не происходит. Вы должны сказать мне, что случилось!

— Девочка, я ничего тебе не должен. Твой отец угрожает

убить моих друзей, если я не убью тебя. Вот короткая выжимка наших отношений. Где тут мои долги?

— Я вас понимаю, — сказала Калидия примирительно. — Вы правы, между нами нет отношений долженствования, вы не обязаны мне ничего объяснять.

— Именно.

— Но я вас прошу. Скажите, что происходит?

— Ответ за ответ, согласна?

— Спрашивайте.

— Почему ты пытаешься покончить с собой таким мучительным и извращённым способом?

— Из-за матери, — сказала она, помолчав.

— Поясни, — удивился я.

— Она удалена от семьи, потому что не родила наследника. Если я становлюсь наследником, это значит, что она его всё-таки родила! Её вернут!

— Ты уверена?

— Да, отец мне обещал.

— Так почему ты тогда сначала хотела меня прикончить?

— Думала, что она мертва. Была уверена, что отец её убил.

— Вот что бывает, когда общество не изобрело семейных психологов, — вздохнул я. — Теперь ты, видимо, уверена в чём-то другом.

— Я её видела. Она кибернетизирована, но жива. Её просто заглушили.

— Её что? — не понял я.

— Подавитель высшей нервной деятельности. Она киберприслуга, как Мехра. Наверное, отец её действительно любил.

— Если ты и мать — примеры его любви, то я сделал правильный выбор. Быть его врагом безопаснее.

— И что вы сделали? Я ответила, теперь ваша очередь.

— Ты не будешь мальчиком. Ты полностью здоровая семнадцатилетняя девушка, твоё слияние с оболочкой совершенно, у тебя нет и не будет никаких изменений в нервных узлах. У тебя даже перхоти нет, настолько ты идеальна. Впрочем, если ты не против, я закончу работу, — я кивнул на почти законченный портрет. — Зафиксирую этот факт в мироздании.

— Но почему! Зачем! Как же теперь… — она замолчала, потрясённая.

— Потому что так правильно, — ответил я спокойно.

Алька после приключений бурной ночи осталась в своей комнате, и мне ничто не мешает говорить откровенно. Беречь нервы Калидии я необходимым не считаю — девушка, способная,

не дрогнув, прирезать парочку родственников (все владетели, надо полагать, родственники, и даже более близкие, чем стоило бы), переживёт и небольшую порцию правды.

— Я честно пытался. Мир был против, но у меня было три месяца, и я бы его, скорее всего, уговорил. Так же, как уговорил на это говно себя. Не сложилось. Дело не в откате, который я, возможно, не переживу. Дело в том, что так нельзя. Это не этическое «нельзя, потому что нехорошо и гадко», когда можно затолкать совесть в жопу и сделать. Это «нельзя, потому что, сука, просто нельзя». Не знаю, как ещё тебе это объяснить.

— Я, кажется, понимаю, — кивнула она.

Может, и понимает, почему нет. Её растили в парадигме «так надо, потому что надо». Не ребёнок, а жертвенная пешка для размена в политической партии. Её папаша, как по мне, больной на всю башку ублюдок, но его, скорее всего, растили так же. Они тут все такие, аристократы хулевы. Понимают «надо» и «нельзя». И когда их «надо» находит на чужое «нельзя», то горе чужим.

— Но… Как же моя мать? Как ваши друзья? Как Алька? Как вообще всё?

— Без понятия. «Делай что должно и будет что будет», — процитировал я.

— И что теперь делать мне?

— Сесть уже на попу ровно и не мешать мне рисовать! Ну, или пойти и рассказать всё отцу. Как хочешь.

Она села.

Из своей комнаты выбрела смурная Алька, и мы замолчали. Обсуждать больше нечего, настало время решений.

***

До вечера я рисовал. Закончил черновик на картонке, взял большой лист и перешёл к чистовой картинке. Финальный референс выходит на загляденье. Его бы маслом на холст и в рамку, но не умею я маслом.

Алиана сидит надутая, куксится, вздыхает и вообще демонстрирует расстроенные чувства. Даже обедать не стала. По-хорошему, ей бы не помешало с кем-нибудь поговорить. В конце концов, она пережила большой стресс — её похитили, насильно удерживали, собирались пытать, а потом на её глазах убили людей. Ах, да, ещё ей пришлось пописать в углу. Не знаю, что её больше травмировало, — лужа мочи или лужа крови. Разумеется, ей сильно не по себе сейчас. Но и мне не до её переживаний. Если Креон решит нас прикончить, то вырастить в себе нервное расстройство она не успеет.

После ужина Алька пришла ко мне в комнату. Смотрела, как я навожу глянец на портрет, вертелась, вздыхала, потом не выдержала:

— Калидия очень красивая, да?

— Факт, — я не стал спорить с очевидным.

— А я? Я красивая?

— Да, — кивнул я рассеянно. И добавил безжалостно: — Но она красивее.

— Я понимаю… — вздохнула она. — Как вы думаете, нас убьют?

— Не исключаю такого варианта, — ответил я честно. — Ты выбрала опасную стезю, вступив в наёмники.

— Я понимаю… Как вам удаётся быть таким спокойным, зная, что нас могут убить?

— К этому просто привыкаешь. Как будто мозоль натирается.

— И всё?

— Немного меняется восприятие жизни, — попытался я сформулировать словами то, что чувствуется жопой. — Перестаёшь откладывать что-то на потом, потому что этого «потом» может не случиться. Когда что-то очень хочется сделать — просто идёшь и делаешь. Ведь, может быть, это последний твой день, так какого черта? Как-то так.

— Наверное, вы правы, — вздохнула она, — так и надо. Жаль, я так не умею. Я всю жизнь жила будущим. Вот вырасту, и тогда. Вот выберусь из детдома, и тогда. Вот дотерплю до совершеннолетия, и тогда. А если будущего нет, то зачем тогда всё?

— А если есть — то зачем? — удивился я. — Нет никакого «зачем». Мы однажды умрём, это перечёркивает все цели. Но мы живы здесь и сейчас, и вместо «зачем» у нас «потому что». Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что так захотелось. Потому что можем, в конце концов.

— А как вы думаете, я нравлюсь Калидии? — спросила она внезапно.

— Неожиданная смена темы, — удивился я. — Отвращения она к тебе не выказывала, за глаза гадостей не говорила, если ты об этом.

— Не совсем об этом… — вздохнула девушка.

— Так пойди и спроси у неё! — отмахнулся я. — Всё, хватит меня отвлекать. Ныне отпущаеши, иди и не греши. Ну, или греши, если есть такое намерение.

Алиана ушла, я вернулся к рисунку. Без оригинала перед глазами не то, но поправить очевидные огрехи моих кривых ручек можно. Тут штрих мимо лёг, тут тень не на месте, тут передавил, тут недожал. И всё равно — на редкость удачный портрет для моих более чем скромных способностей. Значит, я всё делаю правильно. Или просто повезло.

Ближе к ночи приехала Змеямба. На этот раз ей почему-то разрешили остаться на ночь, и она не спешит. Даже чаю попили до того, как в койку прыгнуть.

— Красивая девочка, — сказала Змейса.

Она стоит голая перед портретом, на фоне подсвеченного неоновым туманом окна и тоже, надо сказать, выглядит неплохо. Не зря рисовал.

— Ты тоже красивая, Зме, — ответил я.

— Ты ведь не стал её калечить, Док? Не поднялась рука?

Змеямба умная и наблюдательная.

— Не стал.

— Правильно. Меня с самого начало от этого мерзило.

— Нас могут за это убить, Зме.

— Нас в любой момент могут убить, — пожала она плечами. Грудь завораживающе подпрыгнула. — Работа у нас такая. Ты предупредил Слона, что не обязательно сможешь, и он, я тебя уверяю, это учитывает.

— Я бы смог. Ну, технически…

— Не важно, — отмахнулась она, продолжая внимательно рассматривать портрет. — Ты не всесилен, это всем понятно. Попробовал — не вышло. У всех свои пределы, в том числе и этические. Не смог искалечить и убить ребёнка, экая беда. Вырулим как-то.

— А если не вырулим?

— Значит, сдохнем. Ты же не за себя переживаешь, верно? За меня, за Альку… Ты ведь не спишь с ней?

— Нет, конечно, ты что!

— Так я и думала, а Гай проспорил! Йес! В общем, за меня не переживай. Я уже много лет как не живу, Док. Иногда кажется, что та пуля в сердце меня всё-таки убила, а всё, что было после неё, — дурной сон. Альку твою жалко, конечно, но молодым умирать легко, они ещё не знают, что смертны.

— Спасибо, Зме. Не то, чтобы мне стало легче, но спасибо.

— Спасибом не отделаешься! Пошли в кровать, пока мы ещё живы.

***

Утро началось с Алианы.

— Я не знаю, что я натворила, — сказала она, — но это было лучшее, что со мной случалось в жизни. И мне плевать на последствия!

Я оценил припухшие губы, шалые глаза, засос на шее и глупую улыбку до ушей и кивнул:

— Да лишь бы на здоровье.

— Вот! Я сказала. А теперь я пойду спать! — и ушла.

— Что я пропустила? — спросила вернувшаяся из душа Змеямба.

— Калидия с Алькой переспали, ко взаимному, надеюсь, удовольствию. Моя ассистентка влюблена по уши.

— А, ну совет да любовь, — зевнула Зме.

Мы с ней тоже немного не выспались.

Интересно, Калидия всегда предпочитала девочек, или это последствия попыток гендерной коррекции? А, впрочем, без разницы. Не самое плохое, что с ней могло случиться.

Потом Змеямба уехала, а меня вызвал Креон.

Я думал, что меня расстреляют за саботаж, но нет — в кабинете кроме владетеля сидит Слон. Весь такой на сложных щщах, сразу видно — что-то мутит.

Слонище незаметно подмигнул, и мне стало легче — он человек сомнительных этических принципов, зато хитрый как черт.

Креон посмотрел на меня доской маски и заявил:

— Насколько мне стало известно, в данный момент у моей дочери нет проблем со здоровьем.

— Дочери? — поразился я.

Этот хрен в первый раз публично признал, что у него не сын. Что-то крупное в лесу сдохло. Причём, возможно, не само по себе. Может быть, на него, например, слон сел.

— Я прошу вас подтвердить либо опровергнуть эту информацию, а не повторять за мной отдельные слова.

— Да, ваша дочь полностью здорова.

— Биологические интерфейсы функционируют адекватно?

— В полной мере, — заверил его я. — В дальнейшем проблем отторжения не ожидается.

— В таком случае, наш дом не нуждается больше в ваших услугах. Вознаграждение будет выплачено через вашего рекомендателя, — он кивнул на Слона, тот закивал головой в ответ.

Я подождал, убедился, что разговор окончен, а прощаться со мной или, к примеру, сказать «спасибо» — много чести, и пошёл собираться.

— Отбываем в расположение, — сообщил я Альке, разбудив её. — Хватит дрыхнуть, собирай свои тряпочки.

— Но… Что случилось? — захлопала она спросонья глазами. — Почему?

— Да чёрт его поймёт. Но давай свалим, пока Креон не передумал.

— Я… Я не хочу!

— Даже так? — удивился я. — Вообще-то дело шло к тому, что нас тут тихо замочат во славу политики неразглашения.

— Ну и что? Калидия…

— Ах, Калидия. Ну да, понятно. Очень романтично, ничего не имею против, личная жизнь — это святое. Но нас, вообще-то, не спрашивают. Креон велел выметаться — мы выметаемся. В темпе вальса. Ать-два.

— Но я забегу к Кали попрощаться? Пожалуйста!

— Ладно, но не затягивайте прощание. Разочек-другой, не больше.

— Фу, как вам не стыдно! — густо покраснела Алиана.

— Военный юмор.

— Пошлый юмор.

— Это ты ещё мой медицинский юмор не слышала. Давай, бегом. Жду в своей комнате, но не больше получаса. На заставляй нарушать ваш тет-а-тет.

Прождал, на удивление, всего минут десять.

— Быстро вы, — удивился я, увидев на пороге грустную Алиану.

— Калидия хочет с вами поговорить.

Девушка сидит официально одетая, но без маски.

— Я рассказала отцу всё, — заявила без предисловий.

— Я догадался.

— Это была его инициатива. Он спросил, я ответила.

Надо же, она почти оправдывается.

— Он сказал, что ситуация изменилась, наличие наследника перестало быть значимым, — продолжила Калидия, — а также приказал держать оболочку в готовности. Я не знаю в точности, что произошло, но к вам претензий нет.

— Я думал, Креон будет в ярости, что я его прокинул с его

планами.

— Вы не понимаете, — покачала головой девушка. — Отец не относится эмоционально к простецам. Они лишь инструменты. Вы оказались неподходящим инструментом, и только. Он убил бы вас, но лишь по необходимости. Сейчас необходимости больше нет.

— Очаровательно, — кивнул я. — Но мне, признаться, тоже нет дела до вашей чудесной семейки. Душите друг друга сами. На, вот, на память.

Я вручил ей законченный портрет — на нём красивая растрёпанная девчонка, смотрящая на мир весело и задорно. Техника примитивная, штрихи грубые, фон не проработан, но мне нравится. На нём она настоящая, без застывшей корки аристократического говна. Может быть, моё колдунство сработает, и однажды она станет такой, хотя бы в моменте. А может быть, и нет. Я сам хреново понимаю, как это всё устроено.

— Спасибо, — сказала она после долгой паузы, всматриваясь в рисунок. — За портрет и вообще. Я понимаю, что вы рисковали из-за меня.

— Не из-за тебя, девочка, — покачал я головой. — Просто так было правильно.

Она молча кивнула, приняв к сведению. У Альки глаза блестят от слёз, на щеках мокрые дорожки. Поди ж ты, чувства. Эх, молодость-молодость.

Ушёл, оставив их прощаться, и на этот раз ждал куда дольше.

***

В гостинице меня горячо обняла Змеямба, и мы с чувством поцеловались прямо в холле, под одобрительные аплодисменты тех, кто там находился.

Судя по деловой суете и собранным рюкзакам, как минимум часть группы собралась куда-то выдвигаться.

— А ты дёргался, — сказала она довольно. — Всё разрулилось само собой. Зайди к Слону, он доведёт до тебя обстановку в части касающейся.

Слонище сидит в своём номере довольный, как слон.

— Ты, Док, конечно, мог бы меня предупредить, что сольёшься, — покачал головой командир, — но я и так догадался, что у тебя рука не поднимется. Так что у меня сразу были планы «Б» и «В», а также план «Ж», на самый крайний случай.

— И какой из них сработал? — поинтересовался я.

— Никакой, — развёл руками Слон. — Креон, проигнорив конторских, обратился напрямую ко мне. Предложил сменить нанимателя. Ему внезапно требуется силовая поддержка и личная охрана.

— У него же гвардия есть.

— Его впечатлило, как легко и изящно мы вынесли тех ненатуралов, которые тебя спёрли. А ведь у них тоже была гвардия. Между нами, Докище, они выглядят куда страшнее, чем дерутся. Их экзоскелеты, киберначинка и электропушки очень крутые, но сами ребята туповатые, боевого слаживания нет, инициативы вообще ноль. Болваны железные.

— У них заглушки в бошках стоят, — поделился я. — Подавители высшей нервной деятельности на время контракта. Заработают пенсию, заглушки вынут, и как новенькие — с баблом и без неприятных воспоминаний.

— Вот и я говорю, — кивнул Слон. — Болваны.

— Так ты, надо полагать, согласился.

— Моментально!

— И что же, Контору кинул?

— Ну, не то чтобы прям «кинул»… Вернём их на Родину в целости и сохранности. Контракт у нас был на охрану, мы их честно сохранили, а что Креон вместо приза им залупой по губам поводил — не наша проблема.

— И типа никто ничего не поймёт? — засомневался я.

— Ну, поймёт, наверное. Куратор Конторы — та ещё падла. Но формально мы чисты, а остальное… Уж больно плата хороша, Док. От такого не отказываются.

— Ихор?

— Так ты в курсе?

— Я его даже в руках держал. Ну, почти. Видел, как тебя сейчас.

— Тогда ты понимаешь. Кто откажется от вечной жизни?

— Я откажусь.

— Ну вот разве что ты. Но ты, — не обижайся, Докище, — всегда был с изрядной припиздью. Я тебя уважаю, пойми, но это так.

— Есть такое, — не стал спорить я. — Ты мне другое скажи, Слоняра. Чисто между нами — ты ведь с самого начала хотел Контору прокинуть и ихор себе забрать? Я не осуждаю, просто уточнение.

— Да, — твёрдо ответил Слон. — Кому другому соврал бы, но тебе скажу честно — ты прав. Я за такой приз готов на всё. Реально на всё. Мне с детства не нравилась тема, что я однажды постарею и сдохну. Потому что это перечёркивает всю жизнь. Какого хера стремиться, учиться, воевать, зарабатывать, заводить детей, изменять мир, если ты сдохнешь? Меня не будет — это как вообще? На кой черт тогда нужен весь этот Мультиверсум, если меня нет? На кой черт все его чудеса, если я помер? На кой черт

нужна жизнь, если она кончится?

— Вот тебя разобрало, — удивился я. — Все так живут, Слон.

— Я знаю, что все. Я почти убедил себя, что, сука, один хер выбора нет: «Живи пока живётся, не забивай башку». Почти. А тут — шанс. Нереальный почти, но шанс. И я его не упущу, Докище, так что не становись между мной и призом, понял?

— И не думал, Слон. Забирай себе хоть весь. Мне он не нужен.

— Ты не думай, я вас всех тоже не обижу. Мне же одной дозы хватит, а остальное стоит таких денег, что даже за вечность не потратишь.

— А Креон обещал тебе больше одной дозы? — удивился я. — Щедро.

— А какая, нахер, разница, что он там обещал? — широко и очень по-доброму улыбнулся Слон. От такой улыбки многие бы жидко обосрались на месте, но я его давно знаю, привык. — Какая, нахер, разница?

***

Судя по всему, Креон снял блокаду с нашего кросс-локуса. Днём в холле видел «конторских», которых Слон со всеми возможными реверансами выпроваживал на Родину. Лица у них были как говна поевши, и взгляды, которые они бросали на нашего командира, обещали ему отнюдь не премию за старательность. Но Слону насрать. Ему сейчас на всё насрать — «вижу цель, не вижу препятствий».

А я пригласил Змеямбу прогуляться. Делать мне нечего, а города толком до сих пор и не видел. Может, нарисую пару этюдов. Вряд ли я тут надолго задержусь, так хоть будет, что вспомнить.

— О, у нас свидание? — удивилась Зме. — Какой торопливый парнишка! Всего-то несколько бурных ночей и ты уже готов пригласить девушку в кино?

— А здесь есть кино?

— По-моему, нет, — признала Змейса. — Бары и бордели точно есть, ребята первым делом разведали, а про кино не слышала. Но это неважно, важен сам факт!

— Хочешь, в ресторан свожу? Мне Слон выплатил часть моей доли местными.

— А своди! Меня, старую клюшку, лет десять никто не водил в ресторан!

Я вытряс из хостес, какие заведения здесь считаются приличными, она дала несколько рекомендаций и вызвала нам такси.

Приехала машина с полуживым водителем. В смысле, живой,

но кибернетизированный мужик, с рожей бесстрастной и тупой. Вместо рук — индустриального дизайна импланты. Договор отрабатывает. Но распахнуть перед нами дверь и поклониться это ему не мешает.

— Оу, да ты шикарный кавалер! — засмеялась Зме. — Не автоматическую возилку заказал. Понты?

— Не, это тётка с ресепшн вызвала чего подороже, не спросившись. Небось ей процент капает.

— Очень даже запросто, — согласилась Змеямба.

Мы целовались в такси, как подростки, это было, конечно, глупо, но весело. А водителю насрать, у него в башке затычка.

Ресторан я попросил выбрать по принципу «чтобы вид хороший», и мы смотрели на город несколько свысока. Не то чтобы прям красиво, на мой вкус слишком индустриально, но атмосферно, факт. Вина тут нет, не делают, но коктейли оказались ничего, и еда вкусная. Наверное, это дорогой ресторан, но я так и не понял покупательной способности местных цифровых валют. Мой счёт почти не похудел, Креон не пожадничал.

Наевшись, потребовали бутылку с собой. Кибернетизированная официантка, красивая, как механическая кукла в стиле неомодерн, выдала её без удивления, на которое вряд ли способна. Стаканы я просто спёр, так веселее.

Потом мы пили на какой-то не то обзорной галерее, не то просто на балконе. Я набрасывал в этюднике виды города, а Змейса сидела на парапете, болтая ногами над неоновой бездной и прихлёбывая крепкий, странного терпкого вкуса напиток.

— Какие планы, Док? — спросила она наконец. — Свалишь из

команды снова?

— Думаю над этим, — признался я. — Похоже, что этот контракт все равно последний. Слон нацелился на заслуженную пенсию, а без него уже будет не так.

— И даже до конца операции не досидишь?

— Зме, я был нужен Слону, чтобы отрастить дочке Креона новую красивую пипиську. Поскольку принято решение, что она может продолжать писять сидя, моя роль в этом блядском шапито сыграна. Вот, пропью с тобой часть гонорара, и отбуду. Спорим, Слон будет рад? Меньше делиться.

— И куда ты собрался?

— Без понятия, — я отложил карандаш, взял с парапета стакан и приложился к содержимому. Непривычно, но, пожалуй, вкусно. Во всяком случае достаточно крепко, чтобы ветер не пробирал. — Найду проводника, поищу какой-нибудь угол поспокойнее и посимпатичнее. Деньги теперь есть, а если кончатся — вернусь к прыщам. На прыщи всегда можно положиться.

— Отличный план, — сказала Змеямба нейтральным тоном.

— Не хочешь со мной? — спросил я неожиданно для себя. Не знаю почему, накатило что-то.

— Ты серьёзно? — Зме отставила стакан и посмотрела на меня.

— Почему нет? Будем стареть вместе. Из нас выйдет отличная пара мерзких склочных пердунов. Будем сидеть на лавочке и осуждать молодёжь.

— Соблазнительное предложение, — грустно улыбнулась Змеямба. — Я очень тронута, поверь. Лучшее предложение в моей жизни, реально.

— Но?

— Но, — кивнула она. — Да ты и сам понимаешь, Докушка, что нихрена у нас не выйдет. Я тебя люблю как друга и боевого товарища. Я всегда согрею твою постель, если захочешь. Я жизнь за тебя отдам, если придётся. Но отношения — это не ко мне. Я пустая внутри, только уголь и пепел. Иногда думаю, что ты не залатал мне сердце, а заменил его. На чьё-то чужое. Оно исправно качает кровь, но больше ни на что не годится. А может, я всегда была такой, не помню. Мне кажется, что я слишком много всего не помню, и вообще давно уже не я, но это, скорее всего, просто старость. Так что извини.

—Ты, возможно, права, Зме, — кивнул я. — А может быть, у нас бы что-то вышло. Не любовь, а просто немного тепла друг для друга. Было бы кому подать стакан воды со вставной челюстью. Но нет, так нет.

— Не обижайся, дело не в тебе. Просто я оказалась одноразовая, как РПГ-27. Был заряд на одну любовь, сгорел в одну ночь в башне у моря, а цель оказалась не поражена. Потрачена впустую боевая часть, остался отстрелянный тубус, которым только забор подпирать.

Дальше мы молчали. Я рисовал, Зме пила.

— Вот ты когда пейзаж рисуешь, — спросила она, выливая в стакан остатки из бутылки. — тоже что-то меняется?

— Надеюсь, нет, — ответил я, пытаясь ухватить момент. Закатное солнце борется с неоном за туман, и это куда красивей, чем я могу нарисовать. Но пытаюсь. — Просто иногда чувствую, что мир хочет быть нарисованным. И рисую, как могу. Зачем миру это надо, я не знаю. Или не надо ему ничего, просто меня таращит.

— Холодает, — сказала Змеямба, — а я надралась, как последняя дура. Поехали лучше в гостиницу, потрахаемся.

В такси она уснула, но потом идти к себе отказалась, рухнула на мою постель, не раздеваясь, сказала уверенно: «Иди ко мне», — и тут же забылась пьяным сном.

Я раздел её и укрыл одеялом. Она заворочалась и его сбросила. Мне не спалось, так что присел рядом с кроватью, взял уголь и картон и принялся за наброски. Со спины она и так хороша, но нет пределов совершенству формы ягодиц. Раз уж мы скоро расстанемся и, скорее всего, навсегда, оставлю ей на память идеальную жопу.

Не самый плохой подарок, если вдуматься. «Хороший тухес — это тоже нахес», говаривал один знакомый еврей. А он таки

знал за эту жизнь, я вас уверяю.

Глава 12. Между жизнью и властью

Утром похмельная Змеямба потребовала от меня немедленного излечения. Мне несложно — это даже не воздействие, а так, лёгкая вибрация бытия. Постинтоксикационное состояние, называемое veisalgia, склонно проходить само, поэтому я лишь чуть-чуть ускоряю события. Рисовать не надо — положил руку на голову, сосредоточился — и готово.

— Уф, спасибо, — поцеловала меня в благодарность Зме. — Что бы я без тебя делала.

— Меньше пила бы?

— Интересная идея, надо как-нибудь обдумать.

Она неторопливо оделась, демонстрируя, что наброски задницы делались не зря, собралась было уходить, но от двери вернулась, встала передо мной и решительно спросила:

— Ты вчера всерьёз предлагал или спьяну?

— Всерьёз. А ты вчера всерьёз отказалась или спьяну?

— Тоже всерьёз. Я уже потом накидалась от расстройства. Знаешь, мне страшно жаль, что я не могу согласиться. Но лучше мы расстанемся сейчас друзьями, чем потом настоебенившими друг другу бывшими.

— Наверное, ты права, — кивнул я, — но мне тоже жаль, что ты не смогла согласиться. Мне будет тебя не хватать.

— Не забегай вперёд, — сказала Змейса, — я ещё здесь.

И она принялась торопливо раздеваться.

***

Когда Змеямба окончательно ушла, и я уже собрался на поиски какого-нибудь пропитания, желательно включающего в себя большую кружку крепкого кофе, в дверь постучали.

— Открыто, — сказал я громко. — Ого, вот кого не ожидал…

В номер решительно вошла Калидия.

— Я хотела бы нанять вас, — заявила она с порога, не тратя время на приветствия.

— Меня?

— Вас. С Алианой.

— В каком качестве?

— Как личных врачей. Питание, проживание, оплата.

— Именно ты, не отец?

— Да, именно я. У меня есть личные средства. Думаю, их хватит на оплату ваших услуг.

— Не могу не напомнить, — сказал я, — что ты полностью здорова. Эталонно здорова, я бы сказал. Не нуждаешься в услугах врача.

— А вдруг необходимость возникнет?

— Уверен, у вас есть какой-нибудь семейный доктор.

— Даже целая клиника, — кивнула она. — Но я хочу нанять вас.

— Знаешь, ты можешь просто приходить к Алиане сюда. Или звать её к себе. Или поселить её у себя. Нанимать её — худшая из идей.

— Почему?

— Потому что нельзя покупать людей для отношений. Алька тебе не Мехра. Личные связи — горизонтальные, рабочие — вертикальные. Выйдет перпендикуляр, об который вы всё нафиг сломаете.

— Так вы отказываетесь? Даже не узнав цену?

Не убедил, значит. Что поделать — категоричный возраст, наследственный характер, токсичное, как соли цианистоводородной кислоты, воспитание. Тот ещё комплект достоинств. В простоте называется «красивая сучка». Будь Алиана мужиком, я бы сказал: «Не связывайся, братан, пожалеешь». Но он бы меня не послушал, а она — тем более. Окситоцин подавляет активность мозга.

— У меня уже есть наниматель. Без согласия командира группы я не могу брать свободный подряд. Может быть, у него на меня другие планы.

— Так выясните это! И не затягивайте. Я свяжусь с вами позже.

Развернулась и ушла. Дивные манеры в их семейке. Прям вот бегом бы побежал на них работать, ага.

За завтраком в гостиничном кафетерии ко мне подсела Алиана и принялась смотреть глазками брошенного щеночка.

— Алька, это хреновая мысль, — сказал я сразу.

— Но почему? — взвилась она. — Вам просто будут платить ни за что!

— Мне будут платить за то, что Калидия тебя трахает, — ответил я максимально цинично. — А я никогда не стремился к карьере сутенёра.

— Я, по-вашему, проститутка? — в кафетерии воцарилась тишина. Алиана осознала, что заявила о себе слишком громко, покраснела и снизила тон. — Зачем вы так со мной? Вы же знаете…

— Именно потому, что знаю твою биографию, я обязан указать тебе на двусмысленность ситуации. Калидия нанимает тебя в любовницы и платит за это. Это так близко к проституции, что без микроскопа не различить.

— Она не имела в виду ничего такого! Это просто… Ну, уловка. Чтобы я могла жить у неё, и никто ничего не сказал…

— Алька, послушай если не меня, то себя. Она стесняется ваших отношений, и скрывает их, маскируя наймом.

— Это из-за отца!

— Нет. Отец, готов поспорить, в курсе. И ему плевать. Для него ты как вибратор на батарейках.

— Как что?

— Ах да, забыл, что ты наивное дитя доэлектрического мира. В общем, ему пофиг, что дочь хочет об тебя самоудовлетворяться. А вот самой Калидии неловко. Влечение к тебе подсознательно воспринимается ею как психосексуальное расстройство, потому что так быть не должно. Вбитая с детства аксиома: есть владетели и простецы, они не равны и не могут быть равны. Поэтому она не выстраивает отношения как с равной, а пытается тебя купить, как кибера.

— Вы ужасный человек, Док, — с отвращением заявила Алиана. — Калидия не такая! Она меня любит!

— Именно об этом я и говорю, — вздохнул я безнадёжно. — Было бы дело только в сексе, как-нибудь устроились бы. Но у неё к тебе чувства, и она дезориентирована. Базовые принципы воспитания кричат, что это невозможно, неправильно и постыдно. Она вытесняет этот крик с сознательного уровня, но это не значит, что его не слышно. Калидия скрывает ваши отношения не от отца, а от себя.

— Я вам не верю! — Алька замотала головой и даже зажмурилась. Хоть уши ладошками закрыть постеснялась.

— Через некоторое время начнёшь замечать, что она тобой командует, а любое возражение её раздражает, — сказал я спокойно. — Ты привыкла к этому с детства, с тобой всегда так обращались, будешь терпеть. Но чем дольше ты терпишь, тем меньше она тебя уважает. Начнёт третировать, унижать и вытирать ноги. Это будет твой супер-Родл, вдвойне ужасный, потому что ты её любишь. А потом она выкинет тебя вон.

— Нет, Калидия хорошая!

— Вот поэтому и выкинет. Будет мучиться, считать себя

сволочью, и не сможет остановиться. Потом разорвёт ваши отношения, потому что они насквозь кривые, а исправлять она ничего не умеет. Ей будет больно, но она это сделает — девушка решительная и терпеть боль умеет.

— Знаете, — зло сказала Алиана. — По-моему, вы просто старый злобный мудак, и завидуете. Вас никто не любит, потому что вы циничная сволочь, и вы хотите, чтобы у всех было так. А у нас не так! И не будет так!

Я посмотрел на неё, пожал плечами, допил кофе, который за время моих разглагольствований совсем остыл.

— Я тебе командир, а не папочка. Твоя личная жизнь — твоё дело. Сказанное ни к чему тебя не обязывает. Поступай, как знаешь. А с точки зрения командной цепочки вопрос субнайма членов отряда решает Слон.

— Значит, я просто теряю время, разговаривая с вами! — свирепо грохнула стулом, замаршировала к двери, не оглядываясь.

Вот какого чёрта я вообще полез? Никто отродясь не слушал чужих советов. Уж точно не в семнадцать лет и не по поводу отношений. Горькое удовольствие сказать потом: «А я предупреждал!» — того не стоит. А, к чёрту, первая любовь и должна быть несчастной. Две девчонки с предельно травматичным бэкграундом нашли друг друга. Действительно, ну что может пойти не так?

***

Слон меня вызвал ближе к обеду.

— Док, тебе это не понравится, — сказал он честно.

— Я привык, давай, жги.

— Тут забегала твоя ассистентка, злая на тебя до дыма из жопы.

— С каких пор тебя волнуют подростковые истерики? — удивился я.

— Мне насрать, — согласился Слон. — Молодо-зелено. Но я уточнил у Креоновой дочки условия, и они довольно сытые. Отряд с этого поимеет, и тебя не обидят. Я уточнил у Креона — он не против, точней ему до звезды, кто там его дочку ублажает, хоть в медицинском, хоть в постельном смысле. У него своих проблем дохера. Я уточнил ещё раз — бабки у дочурки есть, она даже готова выплатить аванс.

— Готова или уже выплатила? — проницательно спросил я.

— Выплатила, — вздохнул Слон. — Я всегда могу его вернуть, но всё-таки попрошу тебя принять предложение. Приказывать не стану, но ты меня здорово выручишь.

— Тебе так важны эти деньги? — спросил я.

— Нет, не особо, — признался командир, — не та сумма. Но мне очень хочется иметь кого-то своего внутри. При нынешних-то раскладах.

Я огляделся, увидел на столе включённый подавитель, и спросил прямо:

— Да что за расклады-то?

— Креон нанял нас для защиты и силовой поддержки, ты в курсе. Не задавался вопросом, отчего мы ему так резко понадобилась? И почему перестал быть важен наследник?

— Не то чтобы я много об этом думал, — ответил я честно. — С глаз долой из сердца вон. Но могу предположить.

— Предположи, интересно.

— Думаю, его оппонентам во власти так неймётся его скинуть, что они готовы на вооружённый мятеж, или как тут у них это принято. Есть наследник, нет наследника — в этом раскладе не роляет. Никто не будет ограничиваться рамками легитимных методов. Его тупо грохнут.

— Практически угадал, — кивнул Слон. — Девочка с мечом ему пригодится вернее, чем мальчик с пипиской, потому что дело практически дошло до мечей. Мы сейчас быстро переобуваемся из цивил-мод по военке, сегодня ребята подвезут тяжёлое железо, ГБР уже дежурит в особняке, к вечеру перебазируем основной состав, здесь только тылы оставим. Но это всё внешний контур, мне нужен кто-то свой внутри.

— Не веришь ему?

— Ни на стреляную гильзу. Он аристократ, мы быдло, да ещё чужаки. Обязательства перед нами ничего не значат. Я хочу, чтобы ты сидел внутри, плевал в потолок, малевал картиночки и держал нос по ветру. Ты мужик умный, опытный, авось чего и заметишь. Связь через Змеямбу — и нам хорошо, и тебе не скучно.

— Уверен, что это нужно?

— Сука, Док, я бы не стал настаивать, ты знаешь. Но реально всё на волоске же висит. И ассистентка твоя получит свой кусочек счастья.

— Говна на лопате она получит, — буркнул я.

— И говна поесть бывает полезно, — кивнул понимающе Слон. — Для понимания, как жизнь устроена. Ну, так что? Каким будет твой положительный ответ?

Можно подумать, у меня есть выбор…

***

— Простите, простите, я наговорила глупостей! — Алька ворвалась в мою комнату, обняла и прижалась к груди. — Я дурочка, а вы хороший, просто ворчите иногда. Спасибо, спасибо

вам, что согласились! Что вам не всё равно!

Я молча глажу девушку по спинке и думаю, что моё «согласился» перпендикулярно моему «не всё равно». Какой ужас, наверное, иметь детей! Ты им в ужасе кричишь: «Не делай так, огребёшь!» — а они в лучшем случае фыркают презрительно: «Да что ты понимаешь, дурак старый!» Смотришь, как твой ребенок собирается с разбегу прыгнуть в говно, и ничего, вообще ничегошеньки не можешь с этим поделать. Потому что он прыгнет просто так, или предварительно с тобой насмерть поругавшись, но прыгнет однозначно. Не знаю, что делают в таких случаях родители. Наверное, напиваются в сопли и надеются на чудо. Мне вот эта девица вообще никто, и то досадно, а им каково?

— Ладно, ладно, — сказал я, когда девушка наобнималась. — Собирайся, скоро твоя зазноба машину пришлёт.

— Я готова! Всё собрала! — а у самой глазки горят, как будто ей фонариком в ухо светят. И что с этим сделаешь? Да нихера.

— Я понимаю, что вы мне добра хотите, — сказала она внезапно. — Что пытаетесь предостеречь. Но вы не понимаете, у нас всё не так! Вот увидите!

Чмокнула меня в щеку и убежала.

Ещё бы, где уж мне понять. Ведь у них, разумеется, всё «не так», как было тыщи лет до них и будет после. Потому что они уникальные, самые лучшие и, конечно, бессмертные. Пожалуй, я уже готов сесть на лавочку и осуждать молодежь, жаль, что Змейса не хочет составить компанию.

***

Комнату мне предоставили ту же самую, как и не уезжал. Вечером Мехра принесла ужин, что и стало самым значительным событием на этой локации. Не знаю, как я, по замыслу Слона, должен «держать нос по ветру», пока получалось только «плевать в потолок». Алька немедля по прибытии умчалась в апартаменты Калидии предаваться романтике, а меня просто все игнорируют. Ну и ладно — солдат спит, служба идёт.

Когда я действительно собрался лечь спать, пришла Змеямба. Принесла бутылку вина.

— От здешнего пойла башка трещит, — сказала она. — Это ребята привезли.

Я посмотрел этикетку — красное сухое, производитель незнаком, но сделано на Родине. Значит, «тяжёлое» завезли с главной базы. Змейса пришла уже в камуфле, правда, без разгрузки и оружия, с этим внутрь не пускают. Команда в боевом режиме, только я прохлаждаюсь.

Мы выпили вина, занялись сексом, допили вино, повторили.

Столько секса у меня не было, даже когда я в борделе врачом работал. Этак недолго и привыкнуть.

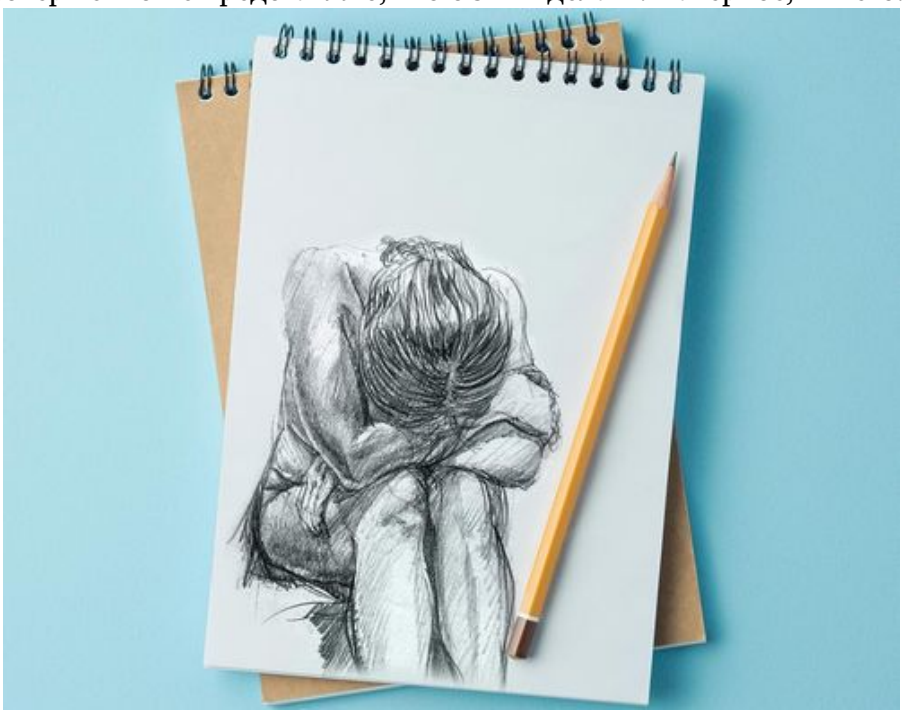
— Можно я поплачу? — спросила Зме, уткнувшись мне носом в плечо.

— Я тебя так огорчил? Тебе не понравилось?

— Нет, что ты. Ты офигенный любовник. Дело не в этом. Просто хочу оплакать свою жизнь непутёвую. Это будут не про тебя слёзы, а про меня. Потерпишь сырость?

— Не сахарный, не растаю, — ответил я растерянно.

Я повернулся к ней и обнял, Змеямба спрятала лицо у меня на груди и тихо, почти неслышно зарыдала. Только спина содрогается под моей ладонью. Мне её ужасно жалко, но я совершенно не представляю, что с этим делать. Наверное, ничего.



Вскоре Зме успокоилась, и мы незаметно уснули, что стоило мне к утру отлёжанной напрочь руки.

— Прости за вчерашнее, — повинилась она, собираясь. — Девочкам иногда надо поплакать. Даже таким старым сукам, как я. Спасибо, что потерпел, это для меня важно.

— Не проблема, Зме. Обращайся.

— Ну, всё: выпила, потрахалась, поревела — можно идти убивать, — сказала она неестественно бодрым тоном. — Моё дежурство. Если получится, я зайду вечером?

— Только попробуй не зайти! — грозно ответил я.

— И что будет? — улыбнулась Зме.

— Буду рыдать тебе в сиськи! Может, нам, мальчикам, тоже надо, почём тебе знать?

— Уверена, ты найдёшь моим сиськам лучшее применение, — отмахнулась снайперша и отбыла к своей винтовке.

Шутки шутками, но, если бы на композитном прикладе можно было делать зарубки, то у Змеямбы там бы живого места не было. И забывать об этом не стоит.

Прикатившая столик с завтраком Мехра сообщила, что после оного меня ожидает Калидия. Аппетит мне это сообщение не испортило, но несколько озадачило. Я думал, что увлечённые друг другом девушки вспомнят обо мне дня через три, не раньше.

Впрочем, Калидия одна и в оболочке.

— Алиана спит, — ответила она на невысказанный вопрос. — А я хочу вам кое-что показать.

Девушка провела меня пустыми коридорами и остановилась у неприметной двери.

— Положите руку на эту пластину, — сказала она.

На стене пластина тёмного камня, выглядящая в интерьере немного чужеродно. Я приложил ладонь, Калидия прижала её рукой сверху, кольнуло слабым разрядом.

— Теперь дверь настроена на вас. Она не заперта, — девушка толкнула её, створка раскрылась. За ней оказался коридор совершенно нейтрального стиля. — Но если приложить ладонь, то она открывается в другое место. Попробуйте.

Она закрыла дверь, я приложил левую ладонь к пластине и толкнул створку правой. Теперь коридор выглядит иначе. Даже не коридор, а скорее прихожая в каком-то старом доме.

— Если всё пойдёт плохо, уведите, пожалуйста, Алиану сюда. Дверь настроена только на меня и отца, теперь и на вас.

— Что там?

— Просто одно странное место. Там безопасно. Если выживу — приду к вам. Если нет — выбирайтесь сами. До вас никому не будет дела, просто подождите, пока всё закончится.

— Ты, я вижу, не полна оптимизма?

— Нас не поддержали ни дома владетелей, ни свободные кланы. Никто не встанет на нашей стороне.

— А на «невашей»?

— Слишком многие, — вздохнула она странным синтетическим голосом оболочки. — Мы стоим между ними и вечной властью.

Я хотел сказать, что ничего вечного не бывает, но решил, что это не тот момент, чтобы умничать.

Пока идём обратно, запоминаю повороты, хотя думаю, что не пригодится. Если всё полетит в жопу, я не брошу своих. Буду надеяться, что до резни не дойдёт, а если дойдёт, то наши наваляют ихним, а не наоборот. Слона со товарищи не стоит недооценивать.

— Вы спасете Алиану, если придётся? — спросила Калидия.

— Думаю, Слон спасёт всех. Он такой, весьма спасательный. Но если необходимость возникнет — сделаю, что смогу, — ответил я несколько расплывчато.

— Спасибо вам.

— Без проблем. А что с твоей матерью?

— Если мы победим, старые правила потеряют значение. Если проиграем — это не будет нас волновать. Всё решится в ближайшие дни, а пока ей спокойнее там, где она есть.

— А где она есть?

— Пойдёмте.

Коридор, лифт, коридор. Это здание — чёртов лабиринт.

— Это что такое?

За стеклянной, похоже, что односторонне прозрачной, стеной — множество детей.

— Это ясли, — пояснила Калидия. — Тут растят детей дома до десяти лет.

— И тебя растили?

— Нет, что вы. Я же дочь владетеля. Здесь дети старших слуг и младших членов клана. Вон, видите, это она.

Что сказать? Мама Калидии — зрелая версия девушки. Отсутствующая мимика несколько портит впечатление, но всё равно — удивительной красоты женщина. Понимаю Креона, я бы и сам залип, будь моложе лет хотя бы на десять.

— И как сильно её… Кибернетизировали?

— Я не спрашивала, — вздохнула Калидия. — Какая разница?

—Раз её даже в таком виде поставили детей пасти, то мамой она, наверное, была хорошей.

— Отец считал, что ужасной. Слишком простая, слишком мягкая, никакого аристократизма, нет понятия о дисциплине… Но всё равно, мне кажется, он её любил. Ну, как умел.

— А ты?

— Пойдёмте, мне пора на крышу, — сказала вместо ответа Калидия. — Отец считает, что сегодня штурма не будет, но могут начать прощупывать оборону. Мне лучше быть на месте, носителей оболочек у нас всего четверо, включая отца, но он из-за протеза не может ей полноценно управлять.

— Очень рекомендую оставить тактические вопросы Слону, — посоветовал я. — Он, конечно, ни разу не аристократ, но насчет штурма зданий и контрштурмовых мероприятий весьма в теме.

— Командует обороной отец, — спокойно, но твёрдо заявила она.

Мне это не понравилось — такой тип, как Креон, хрен кого послушает и будет делать по-своему, при том, что опыта городских боёв у него наверняка полный нуль. Ладно, будем уповать на то, что нападающие такие же дилетанты, и Слоняра их озалупит по полной.

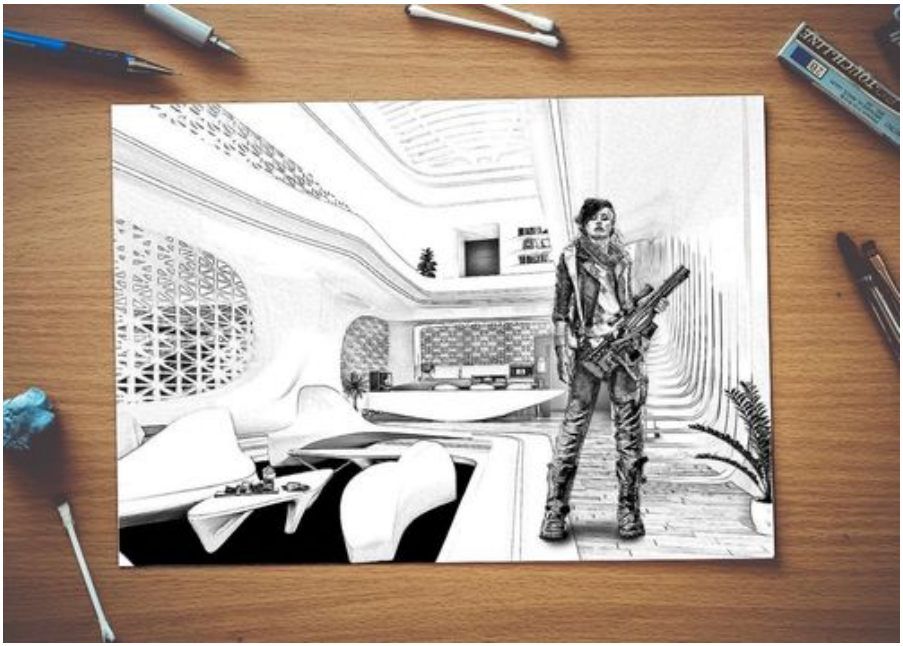
***

Змеямба явилась ближе к полуночи — с винтовкой и большой сумкой.

— Тебя пустили с оружием? — удивился я.

— Не только меня, — сказала она, снимая тактический шлем и расстёгивая разгрузку. — Тебя тоже.

Она пнула ко мне сумку высоким шнурованным ботинком, слишком дорогим, чтобы называть его грубым словом «берц». Снаряга у Змейсы первоклассная, она на неё чуть ли не весь заработок спускает.



Сумка с места не сдвинулась, тяжёлая. Внутри — комплект качественного камуфла, берцы, разгрузка, бронник, шлем и так далее. Мой размер Змеямба знает, всё село, как надо. Пистолет, автомат — рожки уже снаряжены, спасибо Джаббе. Автомат простенький, из обвеса — только фонарик и коллиматор.

— Проверено, пристреляно, — заверила меня Змейса. — Ну, приблизительно.

— Думаешь, придётся тряхнуть стариной? — спросил я.

— Лучше иметь автомат, который не пригодился, чем не иметь, когда он понадобился, — философски заметила снайперша. — Сегодня два раза имитировали попытку высадки. Надеялись пощупать нашу оборону, так что мы, в свою очередь, изобразили, что поверили и якобы засветили огневые точки.

— Ссадила кого-нибудь?

— Я не стреляла. Мы с моей девочкой, — она погладила винтовку, — будем сюрпризом.

Винтовка Змеямбы смешного калибра, но на полной мощности танк насквозь шьёт. Хрен его знает, где такое делают. Подарок её безответной любви. Странный, он, похоже, был тип.

Последней достал медицинскую сумку. Распотрошил, проверил, сложил обратно, как мне удобно. В бою картинки рисовать некогда. В общем, перевязочные, кровоостанавливающие, антибиотики, обезбол, антишок и прочее в этом духе. Остальное потом, после боя.

— Вторую помощнице твоей закинула, — сообщила Зме, с наслаждением вытягивая ноги. Ноги у неё что надо. — Уф,

устала. Пусть за тобой таскает, всё польза. Стрелять она не умеет, я спрашивала.

Я переложил её ногу со стула на свои колени и принялся расшнуровывать ботинок.

— Я в них весь день, с утра, — предупредила Змейса.

— Ничего, и не такое нюхали, — я сдёрнул ботинок и взялся за второй. — Размять тебе ноги?

— Кто ж откажется? — засмеялась она. — Но давай я сначала помоюсь и переоденусь. Хочешь со мной в душ?

— Нет, — отмахнулся я. — В смысле хочу, но не в душ. Там места мало. К чёрту студенческую романтику, у нас кровать есть.

Когда она вылезла из душа, я честно начал массаж с усталых ступней, но потом поднялся выше, выше, выше — и всё закончилось так, как и должно было закончиться.

— Блин, вот как ты это делаешь? — смеется Зме. — Я первый раз кончила, едва ты добрался до бёдер.

— Я могу не только рисовать.

— Я догадалась, что ты жульничаешь, но как же это приятно! Почему при таких талантах до сих пор ничей? Неужели не нашёл никого за два года?

— Не искал, — ответил я коротко.

— Ты очень её любил, я знаю. Но хватит себя жрать, — Змейса села рядом на кровати, как она любит, скрестив ноги и выпрямив спину. В таком ракурсе чертовски хороша, и знает это. — Я не знаю, что случилось, но я знаю тебя. Ты наверняка сделал всё, что мог, и сверх того, но никто не всесилен. Просто говно случается.

— И чертовски регулярно, — согласился я.

— Ты ещё сможешь кого-то полюбить. Не меня, я не гожусь для отношений, но в Мультиверсуме чёртова прорва баб. Одна из них наверняка сможет сделать тебя счастливым снова. А уж ты её точно. С твоим-то жульничеством!

Мне не очень хотелось обсуждать эту тему, поэтому я коварным рывком за колено опрокинул Змеямбу на кровать и сжульничал ещё разок. Она была совсем не против.

— Давай спать, — зевнула Зме, когда мы признали, что на сегодня хватит. — Знаешь, Док, если я однажды скажу, что люблю тебя, хочу остаться с тобой и ещё какую-нибудь хрень в том же духе, ты сразу гони меня прочь.

— Почему? — удивился я.

— Потому что это будет враньё от слабости. А что? Мужик ты хоть и немолодой, но бодрый, при этом не урод, не злой, опять же при таком таланте приятном! Хочется такого себе завести.

— Я не котик, чтобы меня заводить, — улыбнулся я.

— Вот именно, Док, вот именно. Тебе нужен кто-то, кто будет тебя любить и кого будешь любить ты, а не просто на лавочке рядом посидеть, вставной челюстью пошамкать.

— Поздно мне эти глупости, Зме. Отлюбил своё.

— Если бы я считала, что поздно, я бы ещё на балконе тебе «Да» сказала. Хотя и понимала, что это так, порыв, от жалости, тоски и одиночества. Ты человек слова, с базара бы не спрыгнул, и был бы у меня свой мужик, как у нормальной бабы. Как-то да жили бы, не хуже прочих.

— Но?

— Но я, Док, уверена, что ты встретишь свою любовь. Лишить тебя этого шанса было бы пошлым бабским эгоистическим свинством. Так что, если я что-нибудь такое вдруг заблею жалобным голосом, ты меня даже не гони — пристрели сразу. Совсем, значит, сдала Змеямба, маразм у неё и недержание соплей. Пропишешь мне, как добрый доктор, гуманную эвтаназию.

—Что ты несёшь, Зме?

— Что несу — всё моё. К чёрту, Докище, забей. Может, нас завтра всех перестреляют уже кхуям, наконец. Давай спать. Ненавижу помирать невыспавшейся.

Я обнял её, прижал к себе, и мы моментально уснули.

Глава 13. Удар с воздуха

От чего проснулся, сам не понял, но Змеямба уже одевается.

— Сколько времени, Зме?

— Время вышло, Док. Поднимай ассистентку, и жду на крыше.

Алька, по счастью, оказалась у себя, а не где-нибудь в койке Калидии. Заспанная растрёпа выглядит совсем ребёнком, но назвался груздем — прыгай на сковородку.

— Бегом, бегом! Одевайся!

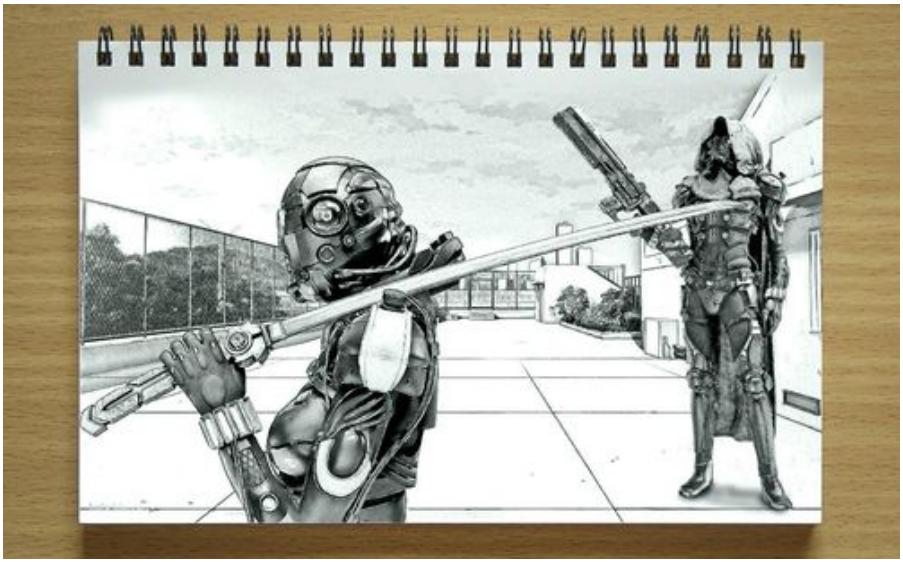
— Но я не умывалась…

— Полминуты на пописать!

Ушло, конечно, больше, но, в целом, сносно. Мы с ней не бойцы первого рубежа, если и припоздаем — ничего страшного.

Успели вовремя, Слон только-только начал брифинг. Как всегда перед боем, он оживлён и разговорчив:

— Итак, народ, коротéнько по ситуации! Минусы диспозиции — численность противника сильно больше, плечо снабжения короткое, так что он, в теории, может нас мясом завалить. Так считает наш уважаемый наниматель, — Слон показал рукой в тактической перчатке на стоящие поодаль две фигуры в оболочках.



Одна пониже, с женскими признаками спереди, вторая повыше, без оных. Калидия и Креон, надо полагать. Последнего можно узнать по неестественно висящей руке. Оба не обращают на нас внимания, как будто считают настоящими боевыми единицами только себя. И ещё пару оболочек мужского типа, расположившихся чуть дальше.

Слон с такой оценкой не согласен.

— Но наш уважаемый наниматель, к счастью, ошибается. Местные отродясь не воевали, кроме локальных сшибок владетелей. Тактический уровень «пьяная драка на сельской ярмарке».

Ребята заржали. Все понимают, что Слоняра просто повышает боевой дух подразделения, и что при перевесе десять к одному тактика может и не спасти, но всё равно смеются. Слон, при всех его недостатках, — хороший командир.

— Местные разборки происходят стандартно — высадка десанта одной волной и сразу ближний стрелковый бой, переходящий в рукопашную. В ближнем бою они хороши, врать не буду, так что наша задача до него не доводить. Для этого у нас кой-чо есть, — Слон попинал ногой стоящие стопкой ящики.

С моего ракурса маркировка не видна, но готов поспорить — это пусковые контейнеры ПЗРК.

— До концепции ПВО тут не додумались, — подтвердил мои предположения Слон, — потому что авиация гражданская. Доставить десант они могут, а причесать нас с воздуха нечем. В отличие от живой силы, количество пригодных для высадки десанта летательных аппаратов у нападающих ограничено, так что чем больше мы их выбьем в первой волне, тем меньше будет

возможностей для ввода резервов.

— А снизу не полезут? — засомневался Пугач.

— Наниматель уверяет, что с уровня земли здание недоступно. Поломать стены, конечно, можно, но, за отсутствием у противника ракетного вооружения, нечем. Так что только десант, только хардкор. Десант лютый, будьте готовы. От силовых имплантов ребята резкие, и в бошках затычки, потому бесстрашные. Есть и плюс — из-за тех же затычек туповаты.

— А что там Гаевский лучемёт? — спросил кто-то из бойцов.

Гай вышел в центр, помахал своей электропугалкой и сказал:

— Эта хрень работает, киберов вырубает надёжно. Однако сильно на неё не рассчитывайте. Дальность до трёх метров примерно, и заряда на десять выстрелов. Прототип, чего вы хотите. Было бы время — довёл бы до ума.

— Ничего, Гай, нам всё пригодится, — одобрительно похлопал его по плечу Слон. — Итак, киберов не пугаемся. Убить сложно, но поломать — нет проблем. Конечности, голова — ну, сами не маленькие. Больше опасайтесь тех, кто в костюмах, — он показал на Калидию с Креоном. Пулю хорошо держат, а главное — сука, шустрые. Выводим из строя сосредоточенным огнём, работаем крупным калибром. Пулемётчики — это ваши приоритетные цели, патронов не жалеть, бронебойные боеприпасы использовать, не стесняясь. Змеямба — ну, ты тоже в курсе.

Змейса молча кивнула.

— Хватит трындеть, светает, — сказал Слон. — Занимаем позиции, по местным понятиям атакуют на рассвете. Традиция и всё такое. Как дети, ей богу…

Бойцы выстроились в очередь к ящикам, разбирая длинные трубы пусковых установок. Не так уж их и много, кстати. «Тяжёлое железо», сиречь средства усиления, во-первых, дороги, во-вторых, для наёмников доступны ограниченно. Мы же не регулярная армия, военные склады не для нас. Особенно учитывая тот факт, что Слон с Конторой посрался.

Нам, бойцам второго эшелона, ПЗРК не положены, и мы отошли под прикрытие лифтовой будки. Крыша плоская, площадью с добрый квартал, вся утыкана трубами, вентканалами и прочими техническими сооружениями. Если десант высадят, ему будет где закрепиться, а выбить его, наоборот, будет непросто. Впрочем, это в обе стороны работает, нас тоже сковырнуть нелегко.

— Михл… То есть товарищ военмед, — спросила Алька дрогнувшим голосом, — нас могут убить?

— Будут очень стараться, — подтвердил я.

В новеньком необмятом камуфле на размер больше и широком бронике с медпатчем моя медсестричка выглядит очень юной и напуганной.

— А убьют?

— Нет, конечно.

— Почему?

— Потому что мы крутые, — вздохнул я.

— А они?

— А они — пологие! — заржал Гай. — Что, малая, ссышь? Ничего, первый бой — это как первый секс. Сначала страшно, а потом весело.

— И вовсе не похоже, — буркнула расстроенно Алиана.

— Внимание! — сказал наушник шлема голосом Слона. — Есть визуальный контакт. Расчётам ПЗРК разобрать цели.

— Ну, понеслась езда по кочкам! — прокомментировал Гай и припал к планшету, подключённому к МРЛС1, раздавая целеуказания операторам.

1 Малогабаритная радиолокационная станция.

Я, как ни напрягаю глаза, ничего пока не вижу. Ломаный городской пейзаж только-только окрасился алым, а они, если не совсем долбоёбы, должны держаться ниже визуального горизонта. Даже без учёта ПВО — просто чтобы сюрприз.

Они оказались не совсем долбоёбы, но это им не помогло. Подмели крышу огненные хвосты, ракеты метнулись к целям — и ни одна не промахнулась. А чего вы ждали? Ни противозенитного манёвра, ни отстрела тепловых ловушек — как пёрли тупо по прямой, так и получили. Надеюсь, по раннему времени прохожих на улицах немного.

— Отлично отработали! — похвалил в канале Слон. — Всем проставлюсь. Не расслабляемся, они не отвернули.

Вот вам и момент истины — ПЗРК мы отстреляли, но леталок

больше, чем ракет, и оставшиеся не свалили в ужасе, на что, может быть, рассчитывал наш командир.

— Цели воздушные, восемь штук, — сообщает Гай.

Похожая на квадратную корзину решётка МРЛС стоит на треноге, ей всё видно. Если все леталки такие, как та, которая похищала нас с Алькой, то рыл по двадцать они привезут. Итого — сто шестьдесят десантников. Наш отряд — сорок три человека, считая меня, Гая и Альку, но не считая оставшуюся на базе Джаббу и нескольких её помощников-некомбатантов. Сколько стволов у владетеля Креона, я не знаю, надеюсь, что много, иначе нам трында.

Откуда-то сбоку послышались редкие сухие хлопки — как будто кто-то кнутом щёлкает. Знакомый звук, так работает винтовка Змеямбы. Вскоре к этой увертюре присоединились остальные, полностью перекрыв её треском автоматов и ручных пулемётов. Я упёр цевьё в край вентканала, и, как только увидел цель, стал аккуратно, по три патрона, пристреливаться.

Наш успех не единичен — на подлёте ребята встретили десант залпом ВОГ-ов2 из подствольников. Что-то попало, что-то нет, что-то взорвалось без видимых последствий, но ещё три машины осыпались вниз. Крыша под ногами дрогнула — одна хорошо ударила в стену.

2 Выстрел Осколочный Гранатомётный.

Захлопали ручные гранаты, затарахтели автоматы, а затем

Креон махнул здоровой рукой — и в высадившихся врезался отряд здешних киберов. Это было красиво, но очень несвоевременно — они частью перекрыли директрису, а частью попали под дружественный огонь. Слон матерно выругался в канале — и совершенно справедливо. Такие кавалерийские атаки надо хотя бы согласовывать. Но готов спорить, Креон даже в принципе не рассматривал возможность нацепить рацию и быть на связи. Зачем? Он же, сука, владетель. Он, тут, сука, главный.

Даже я понимаю, что кидаться в ближний бой, когда у тебя подавляющее огневое преимущество — полнейшая дурь. Манёвр Креона нас этого преимущества лишил, не дав смести десант с крыши сосредоточенным огнём, пока те не закрепились. Продуманная схема боя поломалась, он превратился в свалку и резню на ближней дистанции. То есть, именно в то, чего добивались высадившиеся.

Слон молодец. Слон не растерялся, Слон командует быстро и чётко, наши моментально откатываются от этого бардака назад, разрывают дистанцию. Момент упущен, да, но это ещё не катастрофа. Киберы Креона легли там всем составом, но задержали десант, дали нашим оторваться, укрыться за техническими сооружениями, возобновить огонь. Я отстрелял четвёртый магазин, ополовинив БК, а по мне, кажется, так никто и не выстрелил. У наших потери есть, вижу тела в камуфляже. Раненых ко мне никто не тащит, значит — наповал. Оружие у местных не скорострельное, но мощное. В чьей-то спине выходное с кулак, несмотря на броник. Кто это лежит — не знаю, отсюда не видно.

Зато мне видно, как от места схватки стремительно метнулись силуэты в оболочках, четыре мужских и женский. Я даже успеваю подумать — интересно, вот эти полушария спереди, они встроенные, или образуются в процессе слияния с носителем? То есть если с мужиком потом переслить, пропадут? Затем их аристократы схлестнулись с нашими, и мысли о половом диморфизме экзосимбионтов меня покинули. Наших трое плюс однорукий Креон, вражеских — пятеро, и все с двумя руками. Но самое паршивое, как только они сцепились, я тут же перестал различать, где чьи. Оболочки на вид одинаковые, а движутся так быстро, что хрен поймёшь. У них есть встроенные определители свой/чужой? Или они наугад рубятся?

Бронеаристократия предпочитает холодняк — клинки мелькают, как ножи в блендере. Один внезапно пропустил колющий, и его нанизали, как жука на булавку. Пуля их, вишь ты, не берёт, а меч в нужное место — работает. Надеюсь, это не Калидия, Алька расстроится.

Хлоп! — сработала над моим ухом винтовка Змеямбы. Ещё один оболочечный упал. Хлоп! Хлоп! Двое минус. Ещё одного проткнули мечом, и ещё одному красиво снесли круглую глазастую башку. Ничего себе! Интересно, она потом к оболочке назад прирастает, или всё, в утиль ценное родовое имущество?

Остались стоять двое. Змейса не стреляет, наверное наши.

— Как ты поняла, кто где? — спросил я её.

— Креон дерётся одной рукой, — пояснила она. — Кто дерётся с ним — враг.

Вот чёрт, а я протупил. Очевидно же. Впрочем, всё равно бы хрен попал в таких шустриков, да и толку от моего 5.45? Но Змеямба крутая, факт.

— Зме, ты крутая, — сказал я.

— Спасибо, Док. Не забудь БК пополнить, пока пауза.

Стрельба меж тем стихла. Кажется, мы таки отбили первую волну до того, как прилетела вторая. Кстати, где она?

Пока никто не пытается нас убить, подошёл к оболочечным. Один из них точно Креон, вторая, судя по внешним половым, Калидия. Она на вид без повреждений, а вот оболочка нашего нанимателя в крови и стоит на ногах он не очень твёрдо.

— Вы ранены? — спросил я.

— Ранен, — не стал отрицать он. — Но оболочка не даст мне умереть, раз не убили сразу.

Я бы не был так уверен, учитывая возможность внутреннего кровотечения, но хозяин — барин. Последний, кому я стану сочувствовать, особенно после дурацкого финта с атакой киберов.

У нас из-за него потери, которые ещё предстоит оценить. Главное, чтобы дожил до выплаты вознаграждения, дальше не наши проблемы. Если Креон не расплатится, Слон его из ада достанет, до дна котла донырнёт.

— Какого хера вы устроили! — о, вот и Слон. — Короной башку надавило?

— У нас не монархия, — спокойно возразил Креон.

— Хуярхия у вас с пиздархией! — на боевом адреналине Слон в гробу видал субординацию.

Я оставил их выяснять отношения, а к Калидии подлетела Алька, начав её ощупывать, видимо проверяя целостность и комплектность. Не знаю, что она надеялась нащупать сквозь броню, которую даже пули не берут.

— Я так за тебя испугалась! — воскликнула моя медсестра со слезами в голосе.

За неё значит, испугалась, а за себя, значит, нет. Хотя сама-то в одном бронике, который от местных калибров помогает очень условно.

— Пойдём, — дёрнул я её за плечо. — Наше дело — раненые.

Раненых мало. В основном лёгкие, с осколочными от наших же гранат и рикошетными пулевыми. Оружие у нападавших огромных калибров. Видимо, кибернетизация позволяет им не бояться отдачи, а поражающая сила рассчитана на таких же киберов и аристократов в оболочках. Наших бойцов убивает даже попадание в конечность — отрывает руку или ногу. При попадании в торс забивает пластины броника сквозь рёбра в позвоночник и выходит через спину. При попадании в голову — можно представить, но лучше не надо. Шлем разве что не даёт мозгам далеко разлететься. В общем, работы нам с Алькой оставили немного.

Она показала себя неплохо: в обморок не падает, перевязочные материалы подаёт, хотя стоит белей бумаги, судорожно сглатывает и старается вообще ни на что не смотреть. Это сложно, потому что крови и прочего вокруг хватает. Половину отряда потеряли, двадцать одного бойца. Никогда у нас не было такого высокого процента потерь. Надеюсь, Слон порвёт за это Креону его бронированную задницу. Убеждать больше так не делать бесполезно, потому что из местных защитников ни один не выжил. Мы и есть все наличные силы владетеля. И где вторая волна десанта?

Полюбовался, как оболочки освобождают трупы владельцев. Медленно, как бы нехотя, стекают. Даже те фрагменты, которые выглядят металлическими, размягчаются и становятся похожи на мягкую толстую кожу. Сейчас видно, что они живые. Из лифта

выбежали две киберслужанки, запихали оболочки в мешки, унесли внутрь. Голые трупы оставили. Смерть никого не украшает, но аристократы и при жизни красотой не блистали. Похожи на иллюстрации последствий инбредной депрессии из учебника генетики. С такими харями легко вписались бы в династию Габсбургов. Калидия тут единственный цветок на кактусе. Кстати, среди вызванных кровосмешением генетических нарушений не последнее место занимают шизофрения и слабоумие, так что от второй волны десанта они вряд ли откажутся. Да где он уже?

***

— Ребята, что-то есть! — прорезался в канале Гай.

— Конкретнее, чёрт электрический! — командир ещё зол после бесплодных препирательств с Креоном, где Слон на него орал, а владетель его игнорировал.

— Что-то мелькнуло. Не знаю. Может, они резко поумнели и идут ниже зоны РЛС?

— Внимание, возможны воздушные цели, всем занять позиции по схеме три.

Мы с Алькой по любой схеме в условном тылу, медицина же. Так что я набрал полных рожков взамен отстрелянных и занял привычное уже место за трубой воздуховода.

— Не мандражим, ребята! — уверенно сказал в канале Слон. — Местная самодеятельность закончилась, никто нам не помешает разобрать их по-взрослому!

Это, конечно, хорошо, про самодеятельность, но вот ПРЗК у нас больше нет. Один выстрел для РПГ, а по воздушной манёвренной цели это только чуть не в упор бить. Ладно, у них там оставалось три леталки, допустим, одну свалим, в двух высадится человек сорок, соотношение два к одному, но мы в укрытиях, а им ещё надо рассредотачиваться. На высадке, бог даст, сравняем, а там уже потягаемся. Шансы ненулевые, тем более, что самые крутые в первой волне шли наверняка. Эти уже так, вторая очередь, вроде меня. Вот так себя утешаю, а что делать?

— Внимание! Цели! Цели! — заорал в канале Гай. — Чёрт, да их много! Выходят снизу, снизу!

Здание под ногами содрогнулось раз, другой, да так, что не опирайся я о трубу — упал бы, пожалуй. Внизу под нами что-то нехило взорвалось.

— Креон, сука! — заорал в канале Слон, забыв, что у того нет рации, — вот так, блядь, ракет у вас нет? А это что сейчас было?

— А у них и нет, — в канале прорезался незнакомый голос, — мы с собой привезли.

— Что за…

— Да, Слоник, это я! Сдавайся, бо тоби пязда!

— Всем перейти на резервный канал и включить скремблеры! — коротко скомандовал Слон.

И то сказать, мы же открыто шпарим, у местных связь других стандартов, слушать некому.

Переключился.

— Всем внимание, — сказал Слон, — Похоже, не один Креон сообразил взять наёмников. В первую волну их не пустили, аристократы, видать, хотели лично размяться, но, получив по щщам, передумали.

— У вас что-то личное? — поинтересовался Гай.

— Да, но это неважно, — ответил командир. — Это команда Добрынюка, они работают на СБС. Он редкая падла, но дело не в нём. Их точно навели на тот же приз!

СБС, Special Border Service, — американский конкурент Конторы. Поскольку наши впряглись в тему «смежных территорий» сильно раньше пиндосов, ещё в 50-х, они, навёрстывая, очень старались купить перебежчиков и многих купили. А уж какие у их командира со Слоном личные тёрки, я без понятия. Слон много где отметиться успел.

Внизу ещё раз сильно грохнуло, здание вздрогнуло и как бы даже зашаталось. Но это, конечно, иллюзия. Чтобы такой домик завалить, нужна очень большая ракета, такой у них быть не может. А что у них может быть? Какие-нибудь «воздух-

поверхность». Их можно кустарно повесить на здешние леталки и так же кустарно запулить приблизительно по курсу. Точность будет никакая, но в здание не промахнутся. То есть, уже не промахнулись.

Ко мне быстрым шагом подошла Калидия.

— Отец получает информацию снизу, — сказала она. — Стены пробиты в трёх местах, в двух высадился десант, в третьем сильный пожар. Это ясли, там дети и моя мать.

— Хреново.

— Молчи, слушай. Я ухожу, тут мой меч ничего не решит, а там, может быть, смогу помочь. Здание вам не удержать. Отправляйтесь к двери, которую я тебе показала, ждите меня, сколько сможете, потом уходите. Если выживу, я вас найду. Или уходите с отцом, на его этаже тоже есть проход. Постарайся спасти Алиану, я люблю её.

— Почему бы тебе не сказать ей это? — спросил я в пустоту.

Калидия унеслась так, что аж силуэт размазался в воздухе. Хлопнула дверь лестницы.

Я включил рацию на командный канал и передал Слону лично — про десант внизу, про пожар, про эвакуацию через чёрный ход. Решать ему, он командир, но, как по мне, свалить отсюда — неплохая идея.

— Внимание, воздушные цели! Три шутки на десять часов! — заорал Гай.

Вот и десант пожаловал.

Это оказался не десант — взлетевшие выше крыши и зависшие в воздухе леталки оказались оборудованы приколхоженными абы как, но от этого не менее эффективными блоками НУРСов3. Одной не повезло — выпущенный по ней выстрел РПГ попал в цель раньше, чем она успела отстреляться. Пальнула ракетами в белый свет и ссыпалась вниз. Но две остальных вмазали знатно — крыша превратилась в натуральный ад. Я упал на Альку, сбив её с ног и накрыв собой, рядом рухнула, рефлекторно закрывая голову руками Змеямба. Голова в шлеме, руки — нет, но рефлексам не прикажешь. Наводили НУРСы корпусом, легли они не так чтобы точно, но в блоке по двадцать осколочно-фугасных ракет, в БЧ несколько килограммов взрывчатки на штуку, на каждой леталке по блоку, били почти в упор, рассеяния ноль. Спасло только то, что большая часть ракет сдетонировала на краю крыши, прилетев в трубы, и до нас этот пиздец долетел ослабленным, снеся по пути всё остальное. Но то, что мы живы, я понял не сразу. Поднял голову, посмотрел на превратившийся в дуршлаг воздуховод, порадовался своей реакции, потряс головой, вытрясая колокола из ушей. Не вытряс.

Поднял Альку — цела, только вся в бетонной крошке. Змеямба села сама.

3 НУРС — неуправляемый ракетный снаряд.

— Не ранена? — спросил я и сам себя не услышал сквозь звон в ушах. Но она поняла.

— Цела.

Я больше по губам прочёл, чем услышал.

Уцелело, кроме нас, ещё семеро, включая Слона, но исключая, к сожалению, Гая. На то, что от него осталось, не хочется смотреть, медицинская помощь тут бессильна. Трое раненых — к счастью, все не тяжёлые — обошлись перевязкой и антишоком. Когда собрались искать пути отхода хоть куда-нибудь, из-под груды строительного мусора восстал Креон. На вид целый, хотя что там под оболочкой — бог весть.

— Эй, железный дровосек! — сказал свирепо Слон, напрочь растеряв пиетет к нанимателю. — Веди в хранилище! Мне нужен мой приз!

— Вы считаете, что заработали его? — невозмутимо спросил владетель.

— Я считаю, что я его получу. Иначе Змейса прострелит тебе башку. Кроме того, лучше его получу я, чем те ребята, которые сейчас громят этажи внизу.

— Где Калидия? — поинтересовался Креон.

— Пошла вниз, — ответил я.

Владетель развернулся и молча направился к лестнице. Мы двинулись за ним.

***

В лестничной шахте пахнет гарью, но сильного задымления пока нет. Светло, тихо. У меня до сих пор звенит в ушах и голова как ватой набита — похоже на контузию.

Сначала зачем-то считал пролёты, потом сбился и плюнул. Всё равно не знаю, сколько здесь этажей. Креон бежит по ступенькам, мы за ним еле успеваем — кто ранен, кто оглушён, кто просто растерян и подавлен. Команда разгромлена, из первого состава выжило трое, если считать меня, но не считать Джаббу, которая осталась в гостинице, и чёрт её знает, что там. Может, её давно зачистили.

С лестницы вышли на площадке бог весть какого этажа. Здесь стены в копоти, воняет горелой помойкой, тротиловой гарью и подгорающим шашлыком. Запах войны. За поворотом коридора труп — некто в американской «песчанке» и берцах, в бронике, но без головы. Голова в шлеме лежит неподалёку, срез шеи намекает на длинноклинковое оружие. Алиану, наконец, стошнило — то ли

от вида огромной лужи крови, то ли тоже контузия. Ну ничего, девочка долго держалась. Не повезло ей, первый бой — и такая жопа. Дальше ещё два покойника с колотыми ранами в спину — Калидия, похоже, не церемонилась.

Чем дальше мы удаляемся от лестницы, тем больше дыма. Дважды откуда-то донеслись звуки плотного огневого контакта — очереди штурмовых винтовок, хлопки гранат, но направление непонятно. Что-то где-то происходит, какое-то сопротивление вторжению всё-таки есть. Надеюсь, их задержат достаточно, чтобы мы свалили. Не чувствую я в себе сейчас боевого духа. Нас и так мало, а если случится схватка накоротке в незнакомых коридорах, то станет ещё меньше. Креону уже не победить, воевать не за что. Разве что Слону за его приз.

Возле дверей, к которым вёл нас владетель, два голых трупа на стёкших с них оболочках и один одетый — в снаряге НАТО-вского образца. Все с колотыми ранами от меча — кажется, я недооценивал эту девочку.

Калидия встретила нас внутри. Жилые апартаменты, судя по роскоши, самого владетеля. Рядом с фигурой в забрызганной кровью оболочке стоит растерянная и заплаканная некрасивая женщина с выпирающим, но ещё небольшим животом.

— Твоя жена цела, отец, — сказала девушка. — Я защитила её.

Креон только кивнул круглой глазастой башкой своей оболочки. Даже спасибо не сказал, папаша хулев.

— С наёмниками высадились владетели, — продолжила Калидия. — Они убивают слуг и детей. Наш дом уничтожен.

— Мы восстановим его и вернёмся, — заявил Креон упрямо.

— Где моя плата? — спросил Слон.

— Здесь, — сказал владетель.

Он подошёл к стене, и в ней открылась дверца встроенного сейфа. Внутри большой цилиндрический контейнер с ихором. Закрытый.

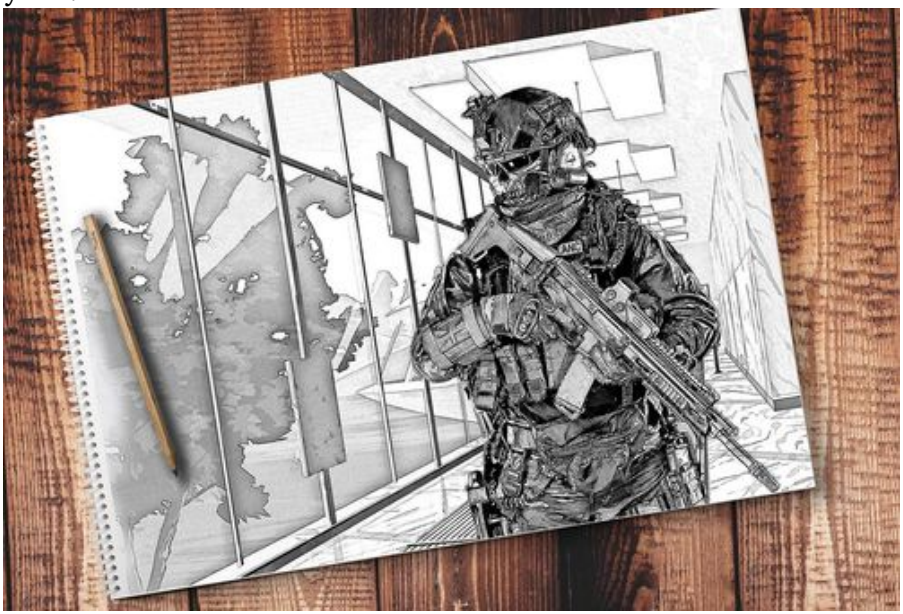
— Вы не сможете его открыть без меня, — сказал Креон. — Плату получите, когда выведете нас отсюда.

— Так хрена мы ждём? — зло бросил Слон. — Двигаем.

За дверью апартаментов нас ждали. Переговоры в их планы не входили — стрелять начали сразу. Первые пули попали в Калидию, потому что дверь раскрыла она. Оболочка защитила её и, заодно, нас. Девушка упала, заваливаясь на бок, и мы открыли встречный огонь. Первым упал Пугач, затем ещё двое бойцов, имён которых я не запомнил. Трижды хлопнула винтовка Змеямбы, я высадил очередь на подавление в направлении дульных вспышек, отбросил от дверного проёма Альку и

отпрыгнул сам.

Огневой контакт разорвался, стрельба стихла. Мы сидим, укрывшись за стеной, они контролируют коридор. Тактический тупик.



— Слон, ты там жив ещё? — заорал кто-то оттуда.

— Не дождёшься! — крикнул Слон.

— Почти дождался! Но готов обменять ваши жизни сам знаешь на что. Просто выкиньте контейнер в коридор, мы заберём его и уйдём.

— Так я и поверил!

— Реально, Слон, так и будет. Может, местные вас и дорежут, тут я без понятия, но мы уйдём. Тебя я как-нибудь потом убью, спешить некуда.

— Тут есть другой выход? — спросил Слон тихо.

— Нет, — коротко ответил Креон.

— Они убили её, да? Убили? — трясёт меня за плечо Алька, всхлипывая и глядя на лежащую на пороге лицом вниз Калидию.

— Без понятия, — честно сказал я. — Но оболочка пока не стекла.

— Вы уверены, что без вас контейнер не открыть? — спросил Слон владетеля.

— Абсолютно. Он запечатан моей ДНК. А металл Ушедших неуязвим.

— Раз ключ останется у нас… Эй, Добрынюк! — крикнул Слон. — Мы согласны!

— Пусть кто-то один и без оружия выйдет и поставит

контейнер в коридоре!

В этот момент лежавшая на полу Калидия вдруг сгруппировалась, перекатилась, подхватывая меч, подпрыгнула и метнулась в коридор. Там началась заполошная стрельба.

— Налево! Бегом! — скомандовал Слон, и мы побежали.

По нам никто не стрелял, наёмники были слишком заняты Калидией, и наша поредевшая группа свернула за угол быстрее, чем те опомнились. Креон тащит на плече жену, я волоку за руку Альку, остальные бегут сами.

— Сюда! — владетель приложил ладонь к пластине на двери и толкнул дверь.

За ней неожиданно улица — точнее узкий переулок. Запах дождя и мокрой помойки, никакого неона. Вряд ли это тот же город, потому что там ночь.

— О, кросс-бифуркатор! — уважительно сказал Слон. — Редкая штука. Жаль, нельзя отковырять и унести. Валим, ребята.

— А как же Калидия? — спросила жалобно Алиана. — Она же там осталась…

— Она мертва, дитя, — сказал Креон.

У него в голосе даже как будто прорезалось на секунду что-то человеческое. Как будто бы ему вдруг стало жалко дочь. Наверное, показалось.

— Откуда вы знаете? — закричала девушка, заливаясь слезами.

— Её оболочка сожгла всю энергию, защитив её от пуль. Поэтому она упала, — сказал владетель тихо. — Когда Калидия встала, то уже кормила её собой. При её весе — полчаса движения или пять минут боя. Потом смерть от истощения. Калидия умерла достойно. Я назову в её честь сына.

— Его будут звать Кал? — удивился Слон. — Ебать ты креативный…

— Это неправда! Вы врёте! Я не могу её потерять! — заорала Алиана и внезапно дёрнула с места, как пнутый в жопу заяц.

— Стой, дура! — закричал я ей вслед. — Алька, вернись, бестолочь!

Но она скрылась за поворотом коридора.

— Док, блядь, не надо, — сказал мне Слон. — Легко пришло — легко ушло. Мы не можем тебя ждать.

— Док, плохая идея, — согласилась с ним Змеямба.

— Идите, я уйду через другой проход.

— Калидия дала вам доступ ко второму бифуркатору? — спросил Креон.

— Да, я пройду там.

— Док, я с тобой, — сказала Змейса.

— Нет, Зме, ты нужна команде.

— Даже не думай, Змеямба! — ухватил её за локоть Слон.

Я похлопал перчаткой по разгрузке, проверяя БК, и побежал за Алианой.

***

Нагнать Альку оказалось несложно, она затормозила через два поворота. Стоит, зажав двумя руками рот и выпучив глаза. Чтобы бежать дальше, пришлось бы наступать в то, что добрая девочка Калидия оставила от наёмников. Не то, чтобы она оставила мало, просто оно хорошо фрагментировано. Я даже не скажу сходу, сколько их было. Калидия, оказывается, супергерой, как человек-паук. Только её, похоже, укусила радиоактивная мясорубка.

— Не надо бежать за ней, — сказал я, ненавязчиво, но твёрдо разворачивая Альку в обратную сторону.

— Я не могу её бросить!

— Она назначила нам встречу у другого выхода. Она придёт туда, — мелкие детали, вроде «если выживет», я решил не озвучивать.

— Вы говорите правду, Михл?

— Клянусь чем хочешь! — уверенно ответил я, ничем, в принципе, не рискуя. Мне нечем клясться, не сберёг в себе ценностей.

Кажется, зрелище кровавого супа, оставленного Калидией, слегка поколебало решимость моей ассистентки. Может быть, в её заполненной пузырящимися розовыми соплями черепушке даже зародилось крошечное зёрнышко сомнения: «А я точно люблю именно эту девушку?»

Чтобы из этого зародыша объективности проросло хотя бы приблизительное осознание факта, что мы любим не человека, а свою мечту о нём, требуется куда больше жизненного опыта, но Алька хотя бы позволила себя увести.

До двери мы добрались без приключений — по коридорам и лестницам пахнет гарью, местами сильно задымлено, кое-где попадаются трупы — судя по одежде, слуг. Но нас никто убить не пытается. Видимо, мы в стороне от основных событий, а тотальная зачистка ещё не началась.

Открыл дверь — коридор. Закрыл. Приложил ладонь к каменной пластине. Открыл — прихожая. Архитектура совершенно другого стиля, сумрачно, пыльно, тихо. Как там Слон сказал? Кросс-бифуркатор? В общем, оно работает.

— Её тут нет! — констатировала очевидное Алиана.

— Ждём! — сказал я твёрдо.

Не верю, что Калидия выберется, но почему бы не подождать?

В конце концов, свалить мы всегда успеем — коридор длинный, далеко просматривается, а нам только шаг сделать да дверь за собой закрыть.

— Сядь тут, на пороге, придерживай дверь! — велел я Алиане и присел сам, уменьшая силуэт.

По стоящей фигуре пальнут сразу, а чтобы опознать человека в сидящей, надо полсекунды. Я успею выстрелить первым. Может быть.

— Почему вы за мной побежали? — спросила Алька.

— Я твой непосредственный командир, — напомнил я.

— И всё?

— А чего ты ждёшь? Признания в любви? Я слишком старый для таких глупостей.

— Не в любви, конечно, но…

— Не выдумывай. У меня подчинённых не полк, чтобы ими разбрасываться. И так до чёрта сегодня погибло.

— Простите, товарищ военмед.

Когда они появились в коридоре, я чуть не открыл огонь на нервах. Чудом удержался. В воздухе висит дым, лампы горят через одну, понять, что это там такое движется, было сложно.

Оказалось — одна женщина несет другую. На руках, как ребенка. Круглая пучеглазая голова свесилась к полу.

Подхватив эту ношу, крякнул — в оболочке Калидия тяжелее раза в два. Весит как двухметровый накачанный мужик. Как только поднял девушку, перехватив на плечо, женщина молча встала, глядя в никуда красивым неподвижным лицом. Очень похожа на дочь. То есть, конечно, наоборот, но не суть.

— Иди за нами! — сказал я ей, вовсе не уверенный, что она послушается. Я ж ей не начальник.

Но женщина пошла. Не помогая, но и не мешая.

— Что с ней? Она ранена? — кинулась к нам Алька.

— Дверь держи! — рявкнул я.

Мы ввалились в пыльную прихожую неизвестно какого дома, неизвестно какого мира, и дверь закрылась за нами.

Пнул ногой одну дверь — кухня, пнул вторую — гостиная, стоят кресла. Третью уже сообразила раскрыть передо мной Алиана. Столовая — длинный стол, стулья, шкафы, ещё какая-то хрень. Я дотащил Калидию и, поднатужившись, водрузил на столешницу. Не операционная, но сойдёт. И что дальше?

— А как её, ну… раздеть? — спросила Алька.

Кто бы мне сказал…

— Каличка, ну, дорогая, ну, пожалуйста! — сказала девушка, припав к бронированной груди. — Позволь нам тебе помочь!

«Каличка»? Серьёзно?

— Ты крутая, ненавидишь слабость, но я тебя прошу! Ради меня!

«Чёрта с два она тебя слышит в этой своей кожуре», — хотел сказать я, но не сказал, потому что оболочка взяла, да и раскрылась.

— Спасибо, ты умничка! — начала она и осеклась.

То, что лежит внутри… Дети Бухенвальда с фотографий прошлого века выглядят по сравнению с ней упитанными младенцами из рекламы молочных смесей. Я как-то видел мумию фараона в музее, так она смотрелась поживее. Кажется, оболочка раскрылась не потому, что Алька омыла её слезами любви, а потому, что место хозяина вакантно.

Я осторожно завёл руки под шею и поясницу и поднял почти ничего не весящее теперь тело. И всё же, всё же…

— Быстро, убери это, — скомандовал я.

— Она умерла? — спросила Алька.

— Говно это со стола бегом! — заорал я.

Алиана потащила оболочку со стола, и та мягко сползла на пыльный пол. Я положил девочку на полированную поверхность, прижал одну ладонь к грудной клетке, другую ко лбу.

— Она жива?

— Не думай об этом! — сказал я резко.

— Но…

— Выйди из комнаты!

— Но я…

— Выйди из комнаты, если получится — из дома, отойди как можно дальше! Не думай о ней! Ни в коем случае не думай о ней! Хотя бы полчаса.

— Но как…

— Думай о белой обезьяне, думай о нарядах, жалей себя, пой песни, молись, мастурбируй — что хочешь делай, но о ней забудь! Её нет и никогда не было, ты с ней не знакома, вы никогда не встречалась, ничего у вас не было, ля-ля-ля. Поняла?

— Нет. Я не могу…

— Это приказ, блядь! Какого хуя, рядовой Алька? Команда была — съебать и забыть! Команду исполнять!

— Есть исполнять! — вымелась, наконец.

Не знаю, что получится, но вдруг её не заденет мой откат? То, что я собираюсь сделать, будет, пожалуй, покруче, чем простреленное сердце Змеямбы.

— Тебе бы тоже свалить, кибермамаша, — обратился я к матери. — Иди, иди за ней.

Женщина не отреагировала. Стоит, смотрит на лежащее на столе тело. Нет, не тело, ещё не тело. Чуть-чуть, крошечка,

капелька жизни есть. Авось, хватит.

— Да и хер с тобой, — буркнул я и тут же забыл о ней.

***

Я никогда не учился тому, что делаю. Об этом нет книг, для этого нет коучей. Наверное, я не уникален: если Мультиверсум бесконечен, то уникальность статистически невозможна. Но я не слышал о таких, как я, и, тем более, не встречал. Я чёртов самоучка, изучающий свой талант методом тыка. Я до сих пор не понимаю, что именно делаю — меняю мир, меняю один мир на другой, изменяю человека, подменяю человека, меняю судьбу, ворую судьбу, ломаю судьбу, убиваю судьбу… Я даже не знаю, есть ли судьба вообще. Но плата точно есть. Платить приходится всегда.

Плевать в потолок, рисовать картинки, делать из больной девочки здорового мальчика? А вот хрен тебе, Док. Делай из мёртвой девочки живую за те десять ударов сердца, что ей остались. Тяни через колено мир на референс, пока кто-то из вас не лопнет.

Этот мир не особо против. Мы ему чужие, мы тут никто, ввалились незваными, не проросли в событийный фрактал. Ему всё равно, умерла девочка или выжила. Это глупое, кривое объяснение. У мира нет желаний. Он тупой. Как кирпич. Который упадёт на голову не потому, что ненавидит людей. И не потому, что любит падать. Просто упадёт. Или нет. У меня нет слов, чтобы описать, что я изменил, чтобы Калидия под моей рукой задышала. Чем подтолкнул, когда она балансировала на последней грани. Но я стою, она дышит. Худая, как запущенная анорексичка, но в соревновании с мумией уже есть шансы.

— Принеси воды, — сказал я её матери. — У девочки обезвоживание.

Понятия не имею, есть ли тут вода, но женщина молча развернулась и вышла.

Чувствую себя так, как будто поднялся бегом на сотый этаж. Но это ничего, это пройдёт. Мир вокруг кажется слегка не таким, как всегда, но это, наверное, пройдёт тоже. Я неплохо пнул Мироздание в ленивую жопу, и она до сих пор слегка вибрирует. Наверное. Или нет.

— Док, она жива? Она будет жить?

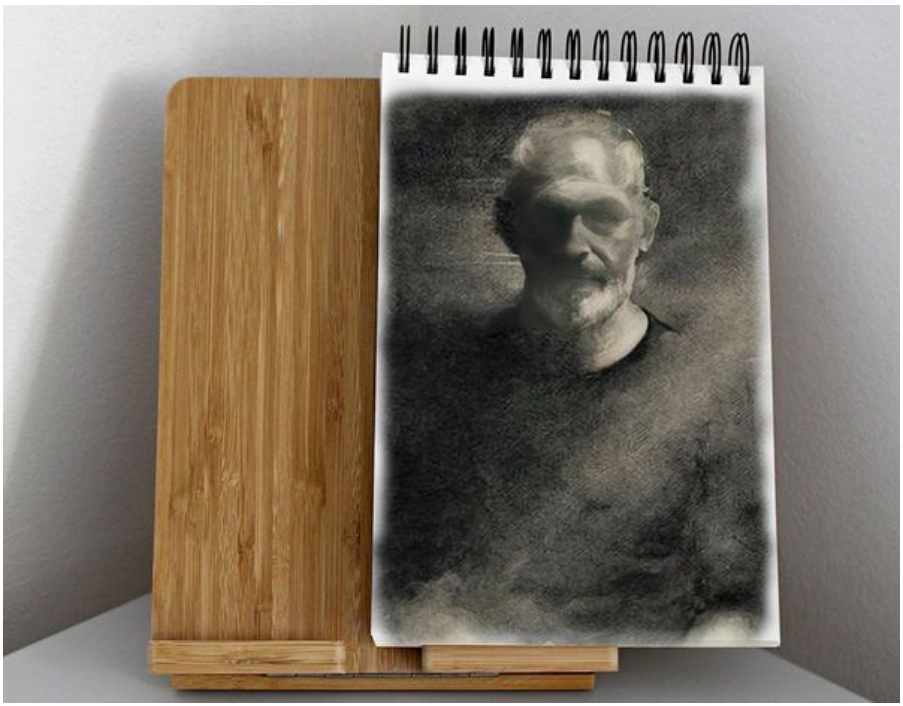
Вот вам и все приказы не думать.

— Жива. Будет, — ответил я через силу. Устал. — Было бы неплохо найти ей еды. Лучше что-то типа лёгкого бульона для начала. У неё сильное истощение, может печень пострадать.

— Там, представьте себе, как раз… — Алька подняла глаза от Калидии на меня и резко замолчала.

—Там как раз что?
— Михл, что с вами?
— А что со мной?
— Вы… Вы разве были такой старый?
— Только заметила?
— Нет, там зеркало, в простенке, посмотрите!

Зеркало пыльное, мутное, а главное — из него на меня смотрит какой-то старик. Седые волосы, залысины, морщинистый лоб, выраженное опущение скулового жира, глубокие носослёзные и носогубные складки, отчётливые брыли, подподбородочный валик, провисание кожи шеи, опустившиеся края платизмы. Сколько ему? Шестьдесят пять? Семьдесят? Пытаюсь протереть стекло, чтобы разглядеть детали, но не помогает. Старик не в фокусе, да само зеркало…



— Чёрт! — сказал я с чувством. — Кажется, мне нужны очки!

Конец первой части.
Вторая часть здесь: https://author.today/work/196707